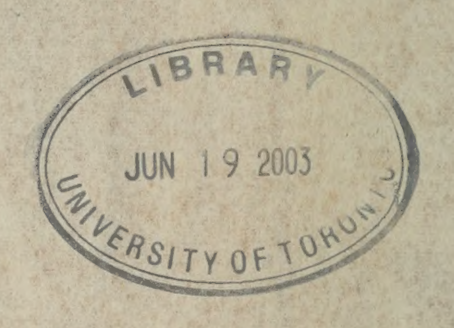

3 1761 06142839 7

АРКАДІЙ БУХОВЪ

РАЗГОВОРЪ СЪ СОСѢДОМЪ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.
БЕРЛИНЪ
1922



Typographie Ginsburg & Co. G. m. b. H.
Berlin SW 68 — Alte Jacobstraße [illegible]

КАКЪ Я ПИСАЛЪ СЕНСАЦІОННЫЙ РОМАНЪ

I

Это былъ первый и послѣдній разъ. Больше я никогда не буду заниматься этимъ дѣломъ.

— Вы бы могли написать сенсаціонный романъ?

Я посмотрѣлъ на этого человѣка, державшагося на обломкахъ падающей газеты, какъ пьяный матросъ сгорѣвшаго корабля на бочкѣ изъ-подъ солонины, и отвѣтилъ честно, насколько позволяли мнѣ молодость и обстоятельства.

— Рѣшительно не могъ бы.

— А вамъ самому не приходила въ голову эта мысль?

— Даже при этомъ исключительно нехорошемъ образѣ жизни, какой я веду, я всегда интересовался другимъ.

— А если бы вы попробовали, — просительно настаивалъ онъ.

— Я понимаю, что это не повліяетъ на мое здоровье, но у меня ничего не выйдетъ.

Даже такимъ заявленіемъ нельзя было убить послѣднихъ, таящихся въ его душѣ надеждъ. Сначала

скептически; потомъ кто-то раскрылъ ему способъ легко и весело потерять скопленныя деньги путемъ изданія въ маленькомъ городкѣ ежедневной газеты и онъ сталъ вѣрить даже въ чудо.

Отношенія между нами были очень тяжелыя и неудобныя. Перваго и пятнадцатаго числа онъ увѣрялъ меня, что я его граблю и порчу его репутацію среди дѣловыхъ людей. Я убѣждалъ его, что ему принадлежитъ отвѣтственная въ моей жизни роль губителя молодого таланта, длительнаго выжиманія изъ меня влитыхъ природой соковъ и человѣка, успѣшно толкающаго меня къ губительному концу.

Послѣ получасовой бесѣды мы расходились, довольные другъ другомъ, удовлетворенные отъ сознанія, что все высказано.

— Значитъ, будете писать?

— Буду. Отвѣтственность падаетъ на васъ.

— Газета не лавочка, — мрачно вылился изъ него афоризмъ, — покупатели не переведутся.

II

Со вторника я началъ сенсаціонный романъ для нашей газеты. Такъ какъ я уже сказалъ, что это было въ первый и послѣдній разъ, я могу говорить объ этомъ открыто.

Съ первой же строчки я началъ глухую борьбу съ издателемъ, чтобы доказать, что я не умѣю писать сенсаціонныхъ романовъ. Я уже заранѣе ненавидѣлъ: онъ успѣшно торговалъ рыбой и относился ко всему

своего героя и его разныхъ пріятелей, которыхъ долженъ былъ выкапывать для развитія дѣйствія.

— Романчикъ надо? — злобно потиралъ я руки, — напишу, напишу, голубчикъ... Я тебѣ напишу...

Національность героя обрисовалась сразу. Безусловно, это долженъ быть малаецъ. Только къ этой націи у меня исключительное недовѣріе и полное, хорошо провѣренное незнаніе ея жизни, обычаевъ и привычекъ.

Предстояло наворотить на него массу побочныхъ обстоятельствъ, явно мѣшавшихъ интересу, какой могъ случайно возникнуть къ моему ненавистному дѣтищу. Какъ мнѣ казалось, я сдѣлалъ это со вкусомъ.

Въ первой же главѣ обстоятельства складывались такъ: бѣглый малаецъ, котораго почему-то звали Арчибальдомъ, хилый, вѣчно грязный человѣкъ, съ вытекшимъ глазомъ и неожиданнымъ университетскимъ образованіемъ въ Дублинѣ, поселился въ маленькомъ русскомъ городкѣ, служитъ переписчикомъ на пишущей машинѣ у нотаріуса и крадетъ по вечерамъ сахаръ у сослуживицы.

Для того, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что въ романѣ будетъ женщина, красивыя описанія природы или приключенія, я продуманно вставилъ, что означенный Арчибальдъ на женщинъ производилъ впечатлѣніе маринованнаго кота, видъ осенняго неба на него дѣйствовалъ, какъ хининъ въ пирожномъ, а что касается приключеній, то это былъ трусъ, боявшійся самаго безобиднаго мальчишки изъ лавочки.

Никогда еще съ такой радостью я не отдавалъ въ типографію ни одной изъ своихъ рукописей, какъ эту.

III

Результатъ получился невѣроятный. Утромъ раздался телефонный звонокъ и въ трубку полился знакомый голосъ издателя, окруженный ореоломъ неподдѣльнаго восторга.

— Какъ вамъ не стыдно... — захлебываясь говорилъ онъ.

— Я же говорилъ, — торжествующе вставилъ я, — не умѣю и не умѣю...

— За это и стыдно... Да вамъ съ семилѣтняго возраста надо было писать романы... Это же роскошь...

— Гдѣ роскошь, — обиженно заворчалъ я.

— Да романъ вашъ... Такая выдумка... Другой бы дѣлалъ героя красавцемъ, кинулъ бы ему на тридцатой строчкѣ обаятельную милліонершу, заставилъ бы его спасать цѣлую семью изъ рѣки; а у васъ такъ просто, такъ есте...

— Послушайте, вы... — оборвалъ я, чувствуя, что сдѣлалъ что-то плохо поправимое, — вы это серьезно?..

— А какъ вы думаете? Бросьте авторскую скромность... Увѣряю васъ, что если...

Я бросилъ трубку и сѣлъ портить впечатлѣніе.

— Тебѣ уродъ нравится... Просто началъ... Я тебѣ сейчасъ покажу...

Вторая глава была написана исключительно блестяще, съ точки зрѣнія быстраго прекращенія любого сенсаціоннаго романа и искренняго признанія моей неспособности въ этой области творчества.

Я передѣлалъ своего малайца въ аннамита, далъ ему столько курчавыхъ волосъ, сколько хватило бы на цѣлое племя, выставилъ его счастливымъ мужемъ двухъ красавицъ, дочерей банкировъ... Я оправдалъ его вытекшій глазъ, увѣривъ, что онъ видѣлъ имъ, какъ заяцъ. Съ самаго момента выхода его изъ конторы, онъ началъ совершать невообразимые подвиги; прыгалъ съ крыши на крышу изъ-за потеряннаго котенка, обезпечилъ на всю жизнь двухъ нищихъ, походя усыновилъ кухаркинаго сына и даже уступилъ на ночь свою кровать какому-то прокаженному, котораго онъ выискалъ гдѣ-то на окраинѣ города.

Если бы я прочелъ гдѣ-нибудь такое продолженіе первой главы, несмотря на свой спокойный характеръ, я все же непремѣнно искалъ бы встрѣчи съ авторомъ, нашелъ бы его и долго таскалъ бы его по полу, на глазахъ у всѣхъ очевидцевъ этой возмутительной сцены.

IV

На этотъ разъ человѣкъ, принесшій мнѣ печальную новость, былъ очень далекъ отъ нашей газеты.

— Очень хорошій романъ, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, — а главное, очень жизненно. У нихъ,

у этихъ аннамитовъ, всегда такъ. Съ виду маленькій и глазъ вытекъ, а на самомъ дѣлѣ, и красавецъ, и самоотверженный, и...

— Ничего подобнаго. Аннамиты — негодяи, — сурово оттолкнулъ я эти нарождающіяся симпатіи, — и этотъ человѣкъ мерзавецъ.

— Я сразу замѣтилъ, что это отрицательный типъ. И вы очень хорошо придумали сдѣлать героя именно такимъ...

Потомъ подошелъ другой. Ему очень понравилось что въ романѣ иностранецъ, мало женщинъ и нѣтъ описаній природы. Третьему понравилось, что мой Арчибальдъ, которому я вообще старался съ перваго же момента придать все ненавистное мнѣ, чавкаетъ во время ѣды, читаетъ чужія письма и подслушиваетъ разговоры.

— Въ этомъ есть что-то жизненное. Вашъ герой близокъ къ быту. Мнѣ очень понравилось. Я даже подписался сегодня на три мѣсяца.

Въ этотъ день, съ дрожащей отъ негодованія душой, я снова сѣлъ за романъ, напрягая всѣ усилія, чтобы положить предѣлъ всякаго къ нему читательскаго вниманія. Я сразу же выкинулъ героя, отправивъ его по какому-то воровскому дѣлу въ Харьковъ. Его мѣсто въ конторѣ нотаріуса занялъ приказчикъ, выгнанный за пьянство изъ москательной лавочки. Съ рѣдкимъ упорствомъ, на протяженіи четырехсотъ строкъ я описывалъ внѣшній видъ дома, гдѣ помѣщалась контора; остановился на подробномъ описаніи пишущей машинки; сосчиталъ, сколько листовъ чистой бумаги лежало на каждомъ столикѣ. Все это

было такъ скучно и длинно, что я считалъ себя уже обезпеченнымъ отъ продолженія романа.

Тогда несчастье надвинулось въ окончательной формѣ.

— Вы знаете, что сейчасъ дѣлается съ газетой? — искоса поглядывая на меня, спросилъ издатель.

— Неужели тиражъ падаетъ? — съ тайной надеждой освѣдомился я.

— Падаетъ...—самодовольно усмѣхнулось это животное. — Растетъ, какъ никогда. Интересъ къ роману изумительный. Пишите, пишите, голубчикъ!.. Что ни глава, то неожиданность.

Я понялъ, что работа, взваленная мнѣ на плечи, начинаетъ пригибать меня къ землѣ.

V

И вотъ потекли дни длительныхъ, ѣдкихъ мученій. Просыпаясь по утрамъ, я долженъ былъ выискивать новыя приключенія для моего малайца, тыкать этого человѣка въ самыя невѣроятныя условія, слѣдить за его друзьями и выискивать ему новыя встрѣчи и знакомства.

На четвертую недѣлю я ненавидѣлъ его до глубины души острой жгучей ненавистью. Создавалось положеніе, что меня назначили опекуномъ какого-то шумнаго, крикливаго идіота, которымъ я долженъ былъ руководить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; этотъ негодяй навелъ ко мнѣ другихъ людей, завелъ себѣ женщинъ, дождался преслѣдованія полиціи,

сталъ скрываться по какимъ-то притонамъ, и все это я долженъ былъ помнить до мельчайшей детали.

Жизнь потеряла для меня интересъ. Я уже не могъ спокойно посидѣть съ добрымъ знакомымъ за бутылкой вина, если во вчерашнемъ номерѣ газеты мой малаецъ оказался висящимъ между двумя крышами, причемъ сверху стояла полиція, а внизу дожидалась, когда онъ неблагополучно упадетъ внизъ, обманутая женщина съ большимъ пистолетомъ въ рукахъ...

И если я шелъ въ театръ, то только для того, чтобы закрыть во время какого-нибудь дѣйствія глаза и тягостно придумывать, изъ какого окна долженъ выставиться матрацъ для чудеснаго спасенія моего жулика, повисшаго въ воздухѣ.

Маленькія женщины въ гимназическихъ платьяхъ, кроткія и наивныя, съ которыми было такъ пріятно проводить вечера въ клубномъ саду, единственномъ мѣстѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ въ въ этомъ городѣ, испуганной волной отхлынули отъ меня.

Одна изъ нихъ открыто формулировала это событіе.

— Вы, романисты, такъ знаете женщинъ, такъ знаете... Съ вами какъ-то даже жутко разговаривать...

— Я же не романистъ, Наденька, — уныло оправдывался я.

— Ну да, не романистъ... Папа вчера говорилъ, что вашъ романъ можетъ играть даже роль въ исторіи русской литературы...

— Какую роль, Наденька? — еще унылѣе откликнулся я.

— Какъ отраженіе вѣка...

Въ этомъ городѣ было двадцать семь тысячъ жителей, два кинематографа, пріѣзжая труппа и одиннадцать извозчиковъ. Она была ни въ чемъ не виновата.

А въ одну изъ субботъ пришла даже какая-то делегація изъ четырехъ человѣкъ отъ мѣстнаго благотворительнаго общества.

— Мы къ вамъ, какъ къ автору романа «Разбойникъ Арчибальдъ, или губитель силы»... Не можете ли...

Я выгналъ делегацію. Досталъ вина и цѣлый вечеръ плакалъ пьяными слезами о моихъ гибнущихъ литературныхъ способностяхъ...

VI

Наконецъ, я рѣшился вырваться изъ-подъ власти этого бездушнаго человѣка, навязавшаго мнѣ сенсаціонный романъ.

— Послушайте вы, — сказалъ я ему перваго числа, — я хочу это прекратить.

Понимая о чемъ идетъ рѣчь, онъ спряталъ деньги, которыя только что собирался мнѣ дать, и злобно посмотрѣлъ на меня.

— Попробуйте...

— И попробую. Сегодня же ночью я зарѣжу своего малайца.

— Я выкину васъ изъ газеты. Можете поступать кондукторомъ.

— Это лучше. Дайте мнѣ мои деньги.

— Зайдите завтра.

Въ этотъ вечеръ у меня не было папиросъ и ужина, но была молодая энергія и дикая воля къ свободѣ. Я собралъ все это воедино и началъ безумствовать. На протяженіи одной главы я успѣлъ кинуть на рельсы подъ курьерскій поѣздъ мою героиню, утопилъ во время увеселительной прогулки ея родныхъ, радостно отдалъ всю тайну моихъ фальшивомонетчиковъ въ руки правосудія и закончилъ краткимъ извѣщеніемъ, что первые лучи весенняго солнышка пробѣжали по трупу Арчибальда, съ перерѣзаннымъ горломъ. У меня было такое чувство, какъ будто я зарѣзалъ самого издателя.

Утромъ, когда номеръ вышелъ, издатель позвонилъ ко мнѣ.

— Зарѣзали?

— Уже.

— Ну, что же, прощайте!

— До свиданія!

— Я, лично, говорю: прощайте.

— Почему же прощайте... Я могу вамъ снова писать фельетоны, передовыя статьи, стихи.

— А по экономическимъ вопросамъ тоже можете?

— Могу.

— И этого не надо. Можете убираться изъ моей газеты куда вамъ...

Это было тоже неожиданно.

— Гдѣ же я буду жить... — подѣлился я съ нимъ невеселыми соображеніями, — у меня завтра платить за квартиру, у меня сегодня...

— Вотъ, вотъ, — злобно подхихикнулъ онъ, — десять людей перерѣзать, это ничего, а безъ квартирки прожить, это вы не умѣете. Любите кататься, любите и...

— Что же теперь дѣлать? — мрачно спросилъ я.

— Верните къ жизни вашего идіота!

— Я ему перерѣзалъ горло.

— Это не такъ страшно.

— Не знаю. Не испытывалъ.

— Дайте ему три дня отлежаться, а потомъ напишите, что здоровый организмъ этого человѣка перенесъ все...

— Я же вырѣзалъ, вытопилъ и выдавилъ всѣхъ...

— Людей много, — утѣшающе добавилъ онъ, — найдете новыхъ. Ну, какъ, значитъ, — работаемъ?

— Работаемъ, — съ отчаяніемъ вырвалось у меня — работаемъ...

VII

Въ романѣ человѣку походить три дня съ перерѣзаннымъ горломъ ничего не стоитъ. Малаецъ ожилъ.

Я рѣшилъ идти окольными путями. Я набралъ ему новую шайку, одаряя каждаго изъ ея членовъ внѣшностью, привычками и полнымъ портретнымъ сходствомъ съ кѣмъ-либо изъ популярныхъ гражданъ города, гдѣ выходила наша газета. Городской голова

у меня назывался Хикомъ, кралъ угли въ порту и поджигалъ амбары. Единственнаго адвоката, красу и гордость города, я сдѣлалъ нищимъ, калѣчащимъ дѣтей. И даже одна благотворительница, милая и добродушная женщина, начала фигурировать у меня въ качествѣ судомойки.

Пришлось прекратить нѣсколько знакомствъ и перестать появляться въ клубѣ. Издатель, почувствовавъ, что это предстоитъ и ему, ходилъ около двухъ дней хмурый, но придя въ контору, начиналъ умиленно вздыхать и подсчитывать увеличивающійся тиражъ.

— Вамъ скоро никто не будетъ подавать руки,— радостно предупредилъ я его.

— Не чужими руками сытъ человѣкъ бываетъ,— наскоро придумалъ онъ небольшое философское обоснованіе, — проживемъ и безъ нихъ.

— Они вамъ напакостятъ.

— Не боюсь. Не министровъ задѣваете. Полицмейстеръ самъ читаетъ и каждый день звонитъ: а что молъ, дальше будетъ?.. Вы ужъ только его не попробуйте.

Это была прекрасная мысль. Подъ видомъ красочнаго описанія прежней жизни одного изъ пропойцъ, всаженнаго въ романъ, я написалъ рѣшительно все, что я только зналъ плохого о полицмейстерѣ.

Полицмейстеръ былъ очень лѣнивый, малоподвижной человѣкъ. На этотъ разъ я сумѣлъ всколыхнуть въ немъ прежнюю энергію и подвижность: номеръ былъ конфискованъ. На другое утро каждый изъ газетчиковъ взялъ вдвое больше экземпляровъ.

— Такъ насъ и закрыть могутъ, — весело похлопалъ я по плечу издателя.

— Вы думаете? — съ дѣланнымъ смѣхомъ спросилъ онъ. — Я другого мнѣнія. Ни за что не закроютъ. Мнѣ полицмейстеръ прямо такъ и сказалъ: вышлю автора, а ужъ тамъ, какъ хотите...

— И вышлетъ по вашему?

— Непремѣнно... — успокоилъ онъ. — Ужасно упрямый человѣкъ: разъ ужъ что задумалъ, — обязательно до конца доведетъ...

Всѣ почтенные люди въ слѣдующей же главѣ были отданы мной въ арестантскія роты; пропойца, съ привычками полицмейстера, пересталъ пить, открылъ школу и сталъ держать экзаменъ за университетъ.

VIII

Такъ продолжалось четыре слишкомъ мѣсяца, когда, наконецъ, романъ сталъ всѣмъ надоѣдать и по утрамъ газетчики, прежде, чѣмъ брать газету, осторожно освѣдомлялись, есть ли въ ней романъ. Если онъ оказывался, въ этотъ день большинство изъ нихъ предпочитало лучше работать на постройкахъ новой дороги, чѣмъ торговать печатными произведеніями.

— Пора прекратить, — наконецъ, вырвалось у издателя. — Будетъ.

— Ничего подобнаго. Какъ же я оставлю на произволъ судьбы человѣка, который уже подпилилъ рѣшетку и собирается убѣжать изъ тюрьмы?

— Повѣсьте его.

— А потомъ вы меня заставите, чтобы онъ восемь дней ходилъ съ веревкой на шеѣ...

— Возьмите лишнихъ сто рублей и прекратите.

Это было мое первое убійство ни въ чемъ неповиннаго человѣка за деньги. Я повѣсилъ.

Вкорѣ я уѣхалъ изъ этого города. Прошло уже много лѣтъ послѣ этого. Романъ еще сохранился у меня какъ память о тяжеломъ испытаніи, перенесенномъ мной въ молодости... И когда теперь меня приглашаютъ работать въ какой-нибудь газетѣ, я смотрю приглашающему въ глаза долгимъ пытливымъ взглядомъ и робкимъ голосомъ освѣдомляюсь, не будетъ ли въ газетѣ сенсаціоннго романа.

— И только получивъ честное слово, что объ этомъ никто и не думаетъ, вздыхаю радостно и облегченно...

ДЖОНАТАНЪ ГОЛТЪ, УЧЕНЫЙ

Онъ кончилъ Гарвардскій университетъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду. На выпускномъ экзаменѣ, отвѣчая на вопросъ трехъ профессоровъ о какой-то сложной электрической машинѣ, онъ двумя словами успѣлъ доказать, что ея изобрѣтатель невѣжественный лѣнтяй и жуликъ.

Профессора краснѣли, мучились и не могли опровергнуть. Послѣ экзамена одинъ изъ нихъ спросилъ.

— Ваша фамилія — Голтъ?

— Да, Джонатанъ Голтъ. Сынъ фермера.

Профессоръ горячо пожалъ ему руку, потомъ, немного сконфузившись внезапнаго порыва, обнялъ и потыкалъ юношу въ губы желтыми отъ табачнаго дыма усами.

— Изъ васъ выйдетъ большая величина, Голтъ.

— Спасибо. Я хочу и буду учиться.

Послѣ окончанія университета онъ не вышелъ, а перешелъ на другой факультетъ.

Для профессоровъ, многіе изъ которыхъ задыхались отъ ученыхъ степеней, наступило тяжелое время. За какую науку ни брался Джонатанъ Голтъ, она начинала трещать и рваться, какъ штаны рудокопа.

Если онъ сдавалъ экзаменъ по философіи, двѣ-три теоріи, которыя считались святыми для учебнаго курса, въ устахъ Джонатана превращались въ неудачную сплетню о наукѣ, придуманную какимъ-нибудь досужимъ человѣкомъ. Профессоръ въ присутствіи тысячи студентовъ признавался, что Джонатанъ правъ и вычеркивалъ большимъ синимъ карандашомъ всю теорію, съ мелкими примѣчаніями, изъ учебника.

На повѣрочныя испытанія по химіи Голтъ приносилъ какую-нибудь, походя открытую имъ, формулу, которая оптомъ упраздняла четырехъ химиковъ съ ихъ міровыми открытіями.

— Я долженъ выйти въ отставку, — недружелюбно говорилъ ректоръ за вечернимъ чаемъ, — иначе Голтъ превратитъ Гарвардскій университетъ въ мѣсто для ежедневныхъ развлеченій для молодежи. Пусть другой ректоръ будетъ билетеромъ при такомъ заведеніи.

Маститый профессоръ исторіи отказался присутствовать на экзаменѣ.

— Этотъ негодяй можетъ доказать, что Англія— необитаемый островъ. Я уже слишкомъ старъ, чтобы узнавать такія новости.

— Попробуйте опровергнуть, профессоръ.

— Джонатана Голта?!

И въ его вопросѣ было сконцентрировано все то преклоненіе и удивленіе, съ какимъ относился къ Голту весь цивилизованный міръ.

О его необычайномъ умѣ и знаніяхъ кричали всѣ газеты. Не было такого труднаго случая въ жизни отдѣльныхъ людей или цѣлыхъ государствъ, по по-

воду котораго не безпокоили-бы Джонатана Голта. Онъ заключалъ миры, диктовалъ торговые договоры, давалъ совѣты по поводу землетрясеній, трудныхъ родовъ, установки радіотелеграфныхъ станцій и борьбы съ порнографіей.

Чужіе люди кланялись ему при встрѣчѣ. Его двухэтажный домъ называли дворцомъ мудрости, и даже войска, проходя мимо его оконъ, дѣлали равненіе налѣво.

—Здѣсь живетъ первый мудрецъ міра, — говорили гиды иностраннымъ туристамъ, — Джонатанъ Голтъ. Его очень трудно увидѣть самого, но зато на разстояніи двухъ часовъ ѣзды отсюда есть спеціальный пригородъ, составленный исключительно изъ однихъ прижизненныхъ памятниковъ Голту. Поѣздъ туда отходитъ въ 2 ч. 40 м. пополудни.

Въ расцвѣтѣ его міровой славы Голту было уже сорокъ шесть лѣтъ. Онъ жилъ одинъ, со слугой негромъ, Чисомъ, и старой экономкой. Цѣлые дни Голтъ читалъ, работалъ и размышлялъ вслухъ. Никто не смѣлъ его безпокоить, и если какая-нибудь бродячая собака слишкомъ упорно начинала выть предъ его окномъ, выбѣгалъ Чисъ и оттонялъ ее желѣзной палкой.

Собака, слабо повизгивая, зализывала у сосѣдняго дома перебитую ногу, но никому не было ее жалко: глупое животное могло помѣшать Голту создавать теоріи и усовершенствовать новыя изобрѣтенія.

Голтъ не могъ интересоваться глупостями. Однажды, обманувъ бдительность Чиса и экономки миссъ Брайнсъ, въ квартиру Голта ворвалась моло-

дая дѣвушка съ большимъ букетомъ бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ.

— Профессоръ, — запинаясь, сказала она, — я принесла вамъ отъ моей матери эти цвѣты. Она выздоровѣла, благодаря одному вашему препарату, и не знала, чѣмъ васъ отблагодарить.

— Уважаемый коллега, — сказалъ профессоръ, не отрываясь отъ какой-то реторты, — институтъ благодарности устарѣлъ. Я скоро начну работать надъ одной изъ проблемъ благодарности.

Думая, что Голтъ разговариваетъ самъ съ собой, дѣвушка еще болѣе сконфуженно пробормотала:

— Мама пришла бы сама, но она еще не можетъ вставать...

Голтъ поправилъ пэнснэ, взглянулъ на цвѣты, робко протягиваемые дѣвушкой, и взялъ одинъ изъ нихъ.

— Я возьму одинъ изъ нихъ. Изъ семейства стебельковыхъ и тонколистыхъ. Его сокъ очень полезенъ для одного окисленія.

Дѣвушка тихо вышла изъ комнаты.

— Онъ очень мудръ, — разсказывала она знакомымъ, — если бы не пэнснэ, его можно было бы принять за пророка.

Старый другъ Джонатана, когда-то отдававшій ему всѣ свои деньги на покупку учебниковъ, добился у него десятиминутной аудіенціи.

— Ну, какъ старина, — чувствуя нѣкоторую неловкость отъ свой фамильярности, спросилъ онъ Голта, — хорошо живете?

— Прекрасно. Жизнь очень хороша. У меня очень здоровыя почки, я не боюсь простуды и могу много работать.

— Такъ, такъ... Думаете жениться?

— Я? Нѣтъ. Я осенью очень много, между прочимъ, работалъ, по вопросу о бракѣ въ XI вѣкѣ на Скандинавскомъ полуостровѣ. А почему вы спросили, коллега, развѣ газеты уже писали объ этой работѣ?

— Нѣтъ, я такъ... По старой дружбѣ... Думалъ, можетъ, любите кого...

— Ну, что вы? Мнѣ такъ некогда. Даже занятія по дактилоскопіи пришлось отложить, а вы говорите — любить... Между прочимъ, очень странное слово. Я когда-то отыскивалъ его корень.

— Да, это очень интересно... Вамъ бы не мѣшало проѣхаться, какъ слѣдуетъ, встряхнуться. Поѣзжайте непремѣнно по морю... Солнце, вода...

— Вотъ вы говорите солнце, — недовольно сказалъ Голтъ, чувствуя, что аудіенція затягивается, — солнце хорошо при легочныхъ болѣзняхъ, а такъ оно только мѣшаетъ читать, пестритъ строчки... А вода — это... Между прочимъ, я скоро буду опровергать господствующее мнѣніе о составѣ инфузорій въ водѣ... Это будетъ интересная работа...

— Еще бы, въ вашихъ рукахъ, Джонатанъ...

Голтъ, дѣйствительно, поѣхалъ путешествовать. Собственно говоря, это была скорѣе научная поѣздка, такъ какъ на одномъ изъ островковъ Архипелага онъ долженъ былъ найти необходимую для дальнѣйшихъ работъ разновидность какого-то растенія,

изъ семейства больныхъ. Мысль достать это растеніе настолько зажгла его, что онъ повеселѣлъ и даже въ 11 ч. 37 м. улыбнулся Чису, а экономкѣ позволилъ оставить дома старую прибѣгавшую съ улицы, голодную кошку, которая могла помѣшать какъ-нибудь его работѣ.

Пароходная компанія наскоро приготовила для него отдѣльную каюту. Билеты продавались на этотъ рейсъ съ разборомъ, и одному клерку, у котораго въ Индіи умиралъ братъ, пришлось остаться еще на три дня. Газеты извѣстили, что свѣтило науки и мудрости, Джонатанъ Голтъ покидаетъ на два мѣсяца отечество. Академія наукъ почтила его наступающее отсутствіе вставаніемъ.

— Джонатанъ Голтъ обѣщался намъ, — объявляла самая большая и серьезная газета, — по своемъ возвращеніи дать большую философскую статью о своемъ міровоззрѣніи.

Къ подписной цѣнѣ было прибавлено цѣлыхъ четыре доллара, но число подписчиковъ удвоилось.

∴

Для того, чтобы машина не мѣшала работать Голту, пароходъ дѣлалъ по четыре морскихъ узла въ часъ. Пассажиры ходили на ципочкахъ, и даже старые матросы, поднимая якоря, поругивались почти шопотомъ, въ дальныхъ углахъ трюма, за мягкими тюками товаровъ. Джонатанъ почти не выходилъ изъ своей каюты.

Одинъ разъ только, во время перерыва въ работѣ, вечеромъ онъ вышелъ на палубу. Почти всѣ пассажиры стояли у бортовъ и, какъ вкопанные, смотрѣли на воду. Было тепло, дулъ нѣжный, мягкій вѣтерокъ и море сіяло фосфорическимъ блескомъ.

Это была удивительная картина, она размягчала сердце, грустно волновала и погружала сознаніе въ экстазное чувство красоты. Даже два измазанныхъ въ копоти кочегара, выглядывая черезъ люкъ, смотрѣли на воду и молчали.

Голтъ протискался къ борту, замѣшался среди очарованныхъ картиной людей и посмотрѣлъ на воду.

— Ага, фосфорическое сіяніе, — вслухъ обращаясь къ самому себѣ, сказалъ онъ и добавилъ, — между прочимъ, на Аляскѣ дубовая щепа даетъ значительно большій процентъ фосфорическихъ лучей.

На сосѣдей это замѣчаніе произвело впечатлѣніе камня, брошеннаго въ окно.

— Какой идіотъ сказалъ это? — злобно, сквозь зубы, спросилъ французскій полковникъ.

— Развѣ на этомъ пароходѣ нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія для животныхъ? — грубо отозвалась толстая датчанка.

Отъ Голта отступили, какъ отъ человѣка, ударившаго кулакомъ женщину. Но когда на его лицо упалъ свѣтъ фонаря, всѣ увидали, что это самъ великій Джонатанъ Голтъ.

— Это Голтъ! — съ восхищеніемъ вскричалъ полковникъ, — самъ Голтъ... Какой у васъ прекрасный афоризмъ о щепѣ!

— Я удостоилась слышать Голта, — съ безнадежнымъ восторгомъ пискнула датчанка, — я на всю жизнь запомню этотъ голосъ. Гдѣ можно купить партію аляскинской щепы?

Подкупленный восторгами по своему адресу, Голтъ сталъ чаще появляться на палубѣ. Однажды онъ два часа въ сухихъ выраженіяхъ объяснялъ пассажирамъ причины, вызвавшія появленіе приближающагося къ пароходу смерча.

Всѣ слушали съ обнаженными головами, пока смерчъ не приблизился настолько, что даже шесть машинистовъ потребовали къ себѣ внизъ спасательные пояса. Море забурлило, вспѣнилось, капитанъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ крестился около штурвальной.

Раздался дикій крикъ тысячи людей.

— Господа!—эпически оповѣстилъ капитанъ наиболѣе почетныхъ пассажировъ, — мы тонемъ.

На лицахъ не появилось ни одной улыбки недовѣрія.

Какой-то богатый американецъ сказалъ, что онъ жертвуетъ свой скелетъ въ Бостонскій музей, предложилъ за спасеніе Голта нѣсколько тысячъ долларовъ и былъ моментально смытъ волной, прокатившейся по палубѣ.

Въ послѣднюю минуту Голтъ видѣлъ только, что къ нему бросился Чисъ, схватилъ его за руку, и все поплыло передъ глазами...

Черезъ два мѣсяца Моркей и К° получили отъ страховой фирмы Реду и Сынъ полную стоимость парохода «Canio», погибшаго въ волнахъ океана.

На некрологахъ о Джонатанѣ Голтѣ строили свое благосостояніе. Его неизданными письмами кормились сотни журналистовъ, а старая экономка, миссъ Брайнсъ, изъ своихъ разсказовъ репортерамъ о погибшемъ ученомъ сумѣла построить небольшой, но уютный, съ маленькимъ садикомъ коттэджъ.

Это была недѣля слезъ о Голтѣ. Міръ потерялъ мудреца.

*

Именно въ это время, въ дни появленія послѣднихъ некрологовъ въ самыхъ отдаленныхъ китайскихъ еженедѣльныхъ журналахъ, Джонатанъ Голтъ и его негръ Чисъ сидѣли среди тропической зелени на берегу моря и уничтожали жареную на вертелѣ рыбу и сочные куски ананаса.

— Прошло шесть мѣсяцевъ, масса Джонатанъ, — бубнилъ Чисъ, — съ тѣхъ поръ, какъ насъ выбросило на этотъ материкъ, вмѣстѣ со старымъ весломъ и дохлой акулой. Шесть мѣсяцевъ мы ходимъ голые, питаемся рыбой, вмѣстѣ съ дессертомъ, научились разговаривать съ туземцами, а вы еще не хотите сойтись съ ними... Можетъ, они намъ дадутъ лодку или что-нибудь похожее на нее...

— Чисъ, твоя раса не отличалась умомъ. Еще въ XIV вѣкѣ...

— Я знаю, что негры глупы, Чисъ — негръ, а господинъ — факелъ мудрости, но Чисъ больше не можетъ ходить голый и спать, какъ обезьяна, на деревѣ. Нужно поговорить съ туземцами...

— Это ужасно некультурный народъ, Чисъ. Ихъ даже еще никто не открылъ.

— Они сами стѣсняются этого обстоятельства.

— Чисъ... У нихъ нѣтъ даже книгопечатанія...

— О, мистеръ. Они замѣнили его вкуснымъ и здоровымъ столомъ. Это очень хитрый и расчетливый народъ. Я имъ говорилъ о васъ, разсказалъ, что вы мудрѣйшій изъ мудрыхъ и что вы всю жизнь занимались наукой.

— А они что?...

— Они говорятъ, что при здѣшнемъ климатѣ никто спеціально не занимается мудростью; отъ этого пухнетъ голова. Всѣ они очень хотятъ познакомиться съ вами и поучиться мудрости. Это очень милые и радушные люди.

— Ну, хорошо, Чисъ. Я согласенъ.

На другое утро на прибрежной полосѣ неизвѣстнаго еще человѣчеству материка произошла встрѣча мірового ученаго Джонатана Голта съ двадцатью голыми довѣрчивыми людьми, у которыхъ не было ни книгопечатанія, ни законовъ.

*

На это послѣднее и обратилъ особенное вниманіе Джонатанъ Голтъ...

— Почему ты до сихъ поръ не познакомился съ нами, мудрый чужеземецъ, — спросилъ его голый человѣкъ, растирая благовонной травой ляшку, — твой товарищъ...

— Это мой слуга, а не товарищъ.

— Это что такое? Сынъ?

— Нѣтъ, онъ дѣлаетъ за меня всю черную работу А я сижу и думаю.

— Значитъ, когда онъ думаетъ, ты дѣлаешь за него работу? — спросилъ съ улыбкой другой туземецъ, поглаживая Джонатана по волосамъ.

— Ничего подобнаго, — нахмурился Голтъ, — работаетъ онъ.

— Странно... А если вы будете думать сразу оба?

Джонатанъ промолчалъ.

— Почему же ты не показывался до сихъ поръ?

— Я боялся.

— Чего же ты боялся?

— Думалъ, что можете ударить.

— Развѣ это пріятно ударить чужого человѣка? — хоромъ спросили туземцы, — только рукѣ больно.

— Ограбить могли бы... У меня съ собой есть кое-какія вещицы...

— А развѣ бы ты не отдалъ, если бы у тебя ихъ кто-нибудь попросилъ?

— Чужому человѣку? Ни съ того, ни съ сего? Нѣтъ.

— А если-бы онъ мучился изъ-за этого?

— А я безъ нихъ не буду мучиться?

— Тогда бы онъ у тебя не сталъ просить. Это было бы свинствомъ.

Джонатанъ тоскливо осмотрѣлъ голыхъ туземцевъ.

— Вы меня могли бы убить...

— Тебя? У насъ людей не ѣдятъ.

— Не для ѣды, а такъ.

— У насъ не убиваютъ.

— Значитъ, у васъ есть законы?

— За-ко-ны?.. Это что?

Джонатанъ Голтъ оживился, поправилъ пенснэ, сохраненное во время крушенія, и убѣжденно сказалъ:

— Законы — это такія постановленія, которыя указываютъ на то, что нельзя дѣлать и что можно.

— А зачѣмъ это? Вѣдь каждый же самъ знаетъ. Для волка законовъ не составить — глупое животное. Да и то въ сытомъ видѣ не бросается. А для людей не стоитъ. Ну, какъ это говорить человѣку: «придешь на берегъ, не смѣй тонуть, бросаться со скалъ, лупить себя по головѣ камнями...» Это скучно.

— Законы не для этого, — скоро сказалъ Голтъ, — а вдругъ кто захочетъ убить человѣка...

Туземцы пошептались между собой. Одинъ изъ нихъ взялъ Джонатана за руку и куда-то повелъ.

Они пришли на большую поляну, покрытую ковромъ бѣлыхъ тонкихъ и нѣжныхъ цвѣтовъ.

— Смотри, — сказалъ туземецъ, — ты видишь вотъ тутъ налѣво нѣсколько цвѣтовъ запачкано?

— Ну, вижу.

— Здѣсь одинъ изъ насъ убилъ другого. Когда онъ увидѣлъ кровь на цвѣтахъ, ему стало стыдно. Ему было очень стыдно, и онъ долго плакалъ. Ты понимаешь? Посмотри ближе на цвѣты...

Голтъ наклонился надъ цвѣтами и пробормоталъ.

— Семейство лепестковыхъ... При соединеніи съ кровяными бѣлыми шариками не гибнутъ... Такъ, значитъ, у васъ нѣтъ законовъ объ убійствѣ...

Туземцы вздохнули и отошли.

— Знаешь, Чисъ, — сказалъ немного погодя Голтъ, — я даже не зналъ, что на землѣ существуютъ совершенно дикія племена.

— Странное племя, — согласился Чисъ, — хотя ребята славные. Тутъ третьяго дня чего-то взгрустнулось мнѣ... Сижу подъ деревомъ и плачу. Вдругъ подходятъ сразу четверо. — Ты чего ревешь? — А вамъ какое дѣло? — Какъ, — говорятъ — какое дѣло. Мы пошли повеселиться, а ты все веселье портишь... Утѣшать стали.

— Знакомые твои, Чисъ?

— Ничего подобнаго, мистеръ.

— Такъ къ чужому человѣку и пристали... Какое имъ дѣло?.. Боже мой, какіе дикари...

А вечеромъ одинъ изъ туземцевъ подошелъ къ Чису и смѣло спросилъ:

— Это ты о немъ говорилъ, что онъ мудрецъ?

— О немъ. А что?

— Такъ, — туземецъ вздохнулъ и отошелъ.

Приблизительно мѣсяцъ спустя, Голтъ, гуляя по острову, натолкнулся на туземца, который стоялъ передъ деревомъ и улыбался.

— Вы кому улыбаетесь?

— Дереву.

— А почему? — удивленно спросилъ Голтъ.

— Оно очень красиво, — съ нѣжностью поглядывая на дерево, отвѣтилъ туземецъ. — Ты посмотри только. Развѣ можно рукой создать такую правильность листьевъ, такъ надушить цвѣты, влить въ него такой сладкій сокъ...

— Изъ семейства твердокорыхъ и высокорослыхъ, — сказалъ Голтъ, пощупавъ дерево: — ничего особеннаго.

— Значитъ, у тебя, чужестранецъ, есть что-нибудь болѣе красивое? — съ пытливымъ любопытствомъ спросилъ туземецъ.

Джонатанъ подумалъ и сказалъ.

— У меня съ собой нѣтъ, а вообще есть. Надо любоваться картинами. Это такая матерія, на которой нарисовано все, что ты видишь вообще. И дерево такое нарисовано.

— А оно также пахнетъ? И цвѣтокъ можно сорвать съ него? И сокъ внутри есть.

— Нѣтъ.

— Тогда это, живое, красивѣе.

— Кажется, этотъ человѣкъ правъ... — подумалъ Голтъ, — жалко, что дикарь... Никакой культуры...

Для Голта начались тяжелые дни. Онъ сталъ переживать приблизительно то же, что переживали въ его присутствіи старые профессора гарвардскаго университета.

— Ты никогда не танцуешь? — спросилъ его одинъ туземецъ.

— Я? Нѣтъ. А зачѣмъ это надо?

— Это не надо, а такъ. Вдругъ становится весело отъ солнца, отъ своего здоровья, отъ неба.

— Я профессоръ одиннадцати университетовъ, членъ 83 иностранныхъ академій, авторъ ста четырнадцати научныхъ трудовъ и вдругъ буду голый танцовать на пескѣ...

— Значитъ, тебѣ запретили? Ага. А какъ же ты радуешься?

— Такъ... Сижу просто.

— И когда горюешь — не кричишь, не плачешь, а тоже сидишь?

— Тоже.

— Значитъ, тебѣ все равно? У насъ одинъ паралличный тоже всегда сидитъ. Я думалъ, что ты здоровый.

— Дикарь, — мрачно, пробурчалъ Голтъ, — поди, объясняй ему, что человѣкъ долженъ сдерживаться.

Чисъ за его спиной пожалъ руку туземцу. Тотъ подмигнулъ ему на Голта и тихо спросилъ:

— Идіотъ?

Чисъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Очень ученый человѣкъ. Многіе даже удивляются.

Однажды Голтъ поссорился съ однимъ изъ туземцевъ, зашедшихъ къ нему, чтобы передать прекрасную, сочную дыню.

— Почему вы всѣ такъ мало работаете, — спросилъ его Голтъ, недовольный приходомъ этого человѣка.

— А зачѣмъ?

— Вы должны оставить слѣдующему поколѣнію возможно больше открытій, изобрѣтеній, зданій...

— А что это поколѣніе будетъ дѣлать? — широко раскрывъ глаза, спросилъ туземецъ.

— Оно будетъ также работать для слѣдующаго.

— А...

— Слѣдующее для слѣдующаго.

— До тѣхъ поръ, пока не настанетъ такое время, когда выраститъ цѣлое поколѣніе, которому совсѣмъ нечего будетъ дѣлать? Да?

Послѣ этого о глупости Голта стали ходить цѣлые анекдоты. Матери разсказывали ихъ дѣтямъ, укладывая спать.

Мужчины собирались на лужайкахъ большими компаніями и до поздней ночи катались по травѣ въ припадкахъ смѣха, при первомъ упоминаніи имени Джонатана Голта.

— У меня есть свѣжій анекдотъ, господа... Идетъ вчера этотъ оселъ Голтъ по берегу и видитъ, что кто-то изъ нашихъ...

И компанія, еще въ предчувствіи веселаго анекдота, начинала хохотать. Голта зазывали на свадьбы и просили высказать свои взгляды на любовь. Его умоляли поговорить о религіи, о Богѣ, И когда, обрадовавшись слушателямъ, Голтъ приводилъ большія цитаты изъ научныхъ источниковъ, — собранія дѣлались шумными и веселыми.

Чисъ уже называлъ его на ты.

— Ты бы не ввязывался съ ними въ разговоры, коли Богъ убилъ... — хмуро говорилъ онъ Голту.

— Чисъ, — дрожащимъ голосомъ отзывался Голтъ, — я профессоръ восемнадцати...

— Знаю, знаю... Здѣсь, братъ, нѣтъ университетовъ. Здѣсь люди.

Наконецъ, въ одинъ полдень къ берегу пристала шлюпка съ корабля, спеціально разыскивавшаго

Джонатана Голта, вопреки увѣреніямъ газетъ, что Голтъ погибъ.

Увидѣвъ приближающихся людей, голый Голтъ выбѣжалъ на берегъ и сухо заявилъ.

— Извините. Это я первый открылъ этотъ материкъ.

Прошло два года. Сильно постарѣвшій Джонатанъ Голтъ сидѣлъ у себя на террасѣ и принималъ перваго репортера послѣ своего пріѣзда.

— Вы обѣщались нашей газетѣ разсказать о вашемъ новомъ изслѣдованіи протоплазмы, профессоръ.

— Ахъ, да, да...

Голтъ подумалъ и сказалъ.

— Я сейчасъ занятъ однимъ этнографическимъ трудомъ... Мнѣ недавно попалась одна легенда, вывезенная съ новаго материка... Какая-то странная легенда объ одномъ дуракѣ, попавшемъ на островъ... Въ легендѣ масса словъ, приписываемыхъ ея герою, совершенно современныхъ... Я уже два мѣсяца изслѣдую по источникамъ, какъ въ этой странѣ могла зародиться такая легенда...

— О, профессоръ, конечно, добьется, — съ вѣжливой улыбкой сказалъ репортеръ,—такому ученому должно быть извѣстно все...

ЧУЖОЙ ОПЫТЪ

I.

Въ Вашингтонѣ жилъ одинъ старый негръ Фибъ. Онъ былъ очень старый, очень умный и очень опытный. Къ нему приходили совѣтоваться молодые негры изо всѣхъ штатовъ, и каждому онъ давалъ указаніе, какъ ему поступить.

И ни въ одно время не было столько несчастныхъ молодыхъ негровъ, которые ходили по городамъ, громко плакали и охотно разставались съ жизнью, какъ во времена Фиба.

Однажды къ Фибу пришелъ молодой Вилли Бай изъ Кентукки, славившійся своей неопытностью, и попросилъ совѣта.

— Что мнѣ дѣлать, Фибъ. Меня полюбила одна бѣлая миссъ. Она приходитъ ко мнѣ по вечерамъ къ садовой калиткѣ, гладитъ меня по волосамъ и зоветъ милымъ. Ее зовутъ Кларой. У нея синіе глаза и черныя брови.

— Бѣлая миссъ не можетъ любить негра, — подумавъ, сказалъ Фибъ, — особенно такого идіота, какъ ты.

— А она говоритъ, что любитъ, — стоялъ на своемъ Вилли Бай.

— Каждая бѣлая миссъ, полюбившая негра, скоро ему измѣнитъ. Кромѣ того, она вообще шутитъ.

— Она даетъ честное слово.

— Попробовалъ ли ты попросить у ней хоть одинъ долларъ на удовольствіе?

— Она сама мнѣ присылаетъ со своимъ лакеемъ по два фунта въ недѣлю.

— Ты, очевидно врешь, — обидѣлся старый Фибъ, — бѣлая миссъ съ голубыми глазами никогда не станетъ такъ возиться съ паршивымъ негромъ. Особенно, если у нея еще есть лакей и стерлинги.

— А почему ты знаешь? — разстроенно спросилъ Бай, у котораго сжалась душа отъ неумолимой логики Фиба.

— Я это знаю по опыту. Бѣлые не любятъ черныхъ. И наоборотъ.

— А я ее тоже люблю, — еще грустнѣе прошепталъ Вилли Бай, — но если ты говоришь, что бѣлая миссъ не можетъ любить меня, я долженъ вѣрить твоему опыту. Ты старъ и уменъ.

— Это вѣрно, — согласился Фибъ, — лучше уйди отъ грѣха. Все равно, стоитъ тебѣ какъ слѣдуетъ влюбиться, твоя Клара велитъ тебя высѣчь, а сама выйдетъ замужъ за молодого мистера, который тоже велитъ высѣчь.

— Это ты тоже говоришь по опыту?

— Опытъ выше всего, Бай. Иди и слушайся.

—Противъ опыта не пойдешь, — съ болью въ сердцѣ согласился Вилли, — пойду выясню ей положеніе вещей.

II

Когда наступилъ вечеръ, Вилли подошелъ къ садовой калиткѣ. Около нея уже стояла Клара, въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпѣ. Отъ нея такъ хорошо пахло духами, руки ея были такія нѣжныя и мягкія, а голосъ такой ласковый, что у Вилли Бай къ горлу подступили слезы.

— Пройдетъ три мѣсяца и миссъ велитъ меня высѣчь, — прямо приступилъ онъ къ дѣлу.

— Почему ты такъ думаешь,Вилли? — съ изумленіемъ спросила Клара.

— Такъ дѣлаютъ всѣ бѣлыя миссъ съ неграми, — рѣшительно отозвался Вилли.

— Я же тебя люблю, Вилли.

— Бѣлыя не любятъ черныхъ.

— А ты, Вилли? — тихо спросила Клара.

— Я люблю, съ горечью кинулъ Бай, — но и негры не могутъ любить бѣлыхъ миссъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Фибъ. Это такой старый негръ, котораго всѣ уважаютъ за опытность. Онъ очень опытный и умный. Его всѣ слушаются.

— А ты?

— Я тоже долженъ слушаться его. У меня нѣтъ собственнаго опыта, а у Фиба его хватитъ на два

торговыхъ города. Кромѣ того, когда миссъ выйдетъ замужъ черезъ три мѣсяца, ея молодой мужъ въ свободное время велитъ высѣчь Вилли.

— Фибъ сказалъ?

— Фибъ.

Наступило молчаніе. Кларѣ очень хотѣлось погладить Вилли по жесткимъ волосамъ, а ему тихо поцѣловать ея руку. Но онъ сдержался и сталъ плакать.

— Почему ты плачешь? — спросила Клара.

— Я плачу потому, что бѣлая миссъ не можетъ любить негра.

— Я же люблю тебя, Вилли, — горячо шепнула Клара.

— Тогда еще хуже, — душу раздирающимъ стономъ вырвалось у Вилли, — тогда я не люблю тебя, потому что негры не могутъ любить бѣлыхъ миссъ.

—Значитъ, ты меня не любишь? — поблѣднѣвъ, спросила Клара.

Вилли сталъ плакать громче.

— Очень люблю, но Фибъ по опыту знаетъ, что этого не случается. Старый, опытный человѣкъ не можетъ ошибаться.

— Подумай, Вилли... Вѣдь мы же любимъ другъ друга...

— Ахъ, что изъ этого, — безнадежно махнулъ рукой Вилли Бай, — а Фибъ знаетъ по опыту, что это невозможно...

Свиданіе окончилось внезапно. Вилли Бай убѣжалъ домой, упалъ на полъ своей комнатенки и бился головой отъ невыразимой горечи, что бѣлые

не могутъ любить черныхъ, и наоборотъ. Клара осталась на мѣстѣ и долго стояла, стиснувъ отъ душевной боли зубы. Она любила.

III

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вилли Бай избѣгалъ встрѣчи съ Кларой. Онъ очень похудѣлъ, бросилъ всякую работу, кралъ овощи съ огородовъ, а ночью сидѣлъ на опушкѣ лѣса и плакалъ до восхода солнца.

Клара двѣ недѣли хворала острымъ разстройствомъ нервовъ и не показывалась на улицахъ. Приблизительно черезъ полгода она поѣхала кататься на лодкѣ, выпала въ воду и ее спасъ Бобъ Суммей, бывшій пріятель Вилли Бай, отчаянный негръ, который слонялся въ штатѣ изъ города въ городъ и занимался грабежомъ.

— Клара очень мнѣ благодарна, — хвастался онъ, вскорѣ послѣ этой исторіи, встрѣтившись съ Вилли, —она, повидимому, любитъ негровъ. Она мнѣ часто разсказываетъ о какомъ-то негрѣ, который ей очень нравился, но который оказался идіотомъ.

Вилли Бай опустилъ глаза и хмуро пробормоталъ:

— Этотъ негръ зналъ, очевидно, по опыту, что бѣлая миссъ не можетъ любить черныхъ бездѣльниковъ.

— Очевидно, это былъ очень глупый человѣкъ, Бай. Я не далъ бы за мозги его двухъ пенсовъ.

— А къ тебѣ миссъ Клара хорошо относится? — тревожно спросилъ Бай.

— Очень. Не каждый день спасаютъ ей жизнь.

— А Фибъ вотъ говоритъ, — еще обиженнѣе провздыхалъ Вилли, — что бѣлая миссъ... Ты совѣтовался съ Фибомъ?

— Однажды. Кстати, во время совѣта я стащилъ у него большой кожаный портсигаръ и очень испугался, что онъ замѣтитъ. Когда я навелъ его на эту тему, онъ сказалъ, что по личному опыту знаетъ, что молодой неопытный негръ никогда не допуститъ себя до кражи портсигара у стараго опытнаго человѣка, къ которому пришелъ за совѣтомъ. Я ушелъ отъ него веселымъ.

IV

Прошелъ еще годъ, и Вилли Бай получилъ отъ Боба Суммей коротенькую записку черезъ одного дровосѣка:

«Вилли! Я дамъ тебѣ на сохраніе свои клѣтчатые штаны. Можешь ихъ носить самъ. Я теперь въ Европѣ, вмѣстѣ съ миссъ Кларой, которая меня, повидимому, любитъ и даже нѣжно называетъ Вилли. Я нѣсколько ра[illegible]ворилъ ей, что такъ зовутъ тебя; при твоемъ имени она становилась грустной и вздыхала. Должно быть, это ты въ прошломъ году убилъ у нея рыжую любимую кошку, иначе почему ей быть грустной при воспоминаніи о тебѣ. Трубку, которую я взялъ у тебя въ залогъ за штаны — вы-

бросилъ. Нужны тебѣ сигары? Бѣлыя женщины очень ласковы и нѣжны. Увидишь Фиба, скажи ему, что онъ — оселъ. Специально для этого ѣздить въ Вашингтонъ не надо.

Бобъ Суммей».

V

Вилли Бай не послушался этого совѣта и спеціально поѣхалъ въ Вашингтонъ.

— Фибъ, я пріѣхалъ къ тебѣ. Фибъ! Меня любила бѣлая миссъ. У нея синіе глаза, черныя брови и красивыя руки.

— Бѣлая миссъ не можетъ любить негра. Я знаю это по опыту.

— Фибъ, это не все! Теперь миссъ взяла съ собой въ Европу моего бывшаго пріятеля, мошенника Боба Суммей и любитъ его.

— Я знаю по опыту...

— Фибъ... Ты все еще даешь совѣты неопытнымъ людямъ?

— Даю. Ко мнѣ приходятъ очень много молодыхъ негровъ, которые...

Вилли Бай былъ очень сильный мужчина, и Фибъ даже не успѣлъ крикнуть. Хоронили его въ среду, а черезъ мѣсяцъ Вилли Бай уже былъ своимъ человѣкомъ на каторжныхъ работахъ.

Летѣли годы. Бай старился и пріобрѣлъ собственный опытъ. Къ нему, какъ когда-то къ Фибу, приходили за совѣтомъ молодые каторжники. И болѣе всѣхъ надоѣдалъ веселый Веніаминъ, большой охотникъ до женщинъ. Однажды онъ присталъ къ Баю.

— Бай! во мнѣ кипитъ кровь отъ бѣлой дочери нашего смотрителя, но она всегда ходитъ съ палкой и по праздникамъ, когда я свободенъ, любитъ кидать въ меня камнями.

— По собственному опыту я знаю, — отвѣтилъ Бай, — что бѣлыя очень любятъ черныхъ. И наоборотъ. Иди и добивайся.

Веніаминъ былъ неопытный экспансивный негръ, а Бай уже старый и опытный. Онъ пошелъ и сталъ добиваться. Черезъ четыре дня смотритель, обидѣвшись за дочь, застрѣлилъ его изъ дробового ружья. Вилли Бай слышалъ выстрѣлъ и подумалъ, что это смотритель стрѣляетъ вверхъ холостыми зарядами отъ радости, что его дочери попался хорошій, работящій негръ.

Когда ему принесли шляпу покойнаго уже Веніамина и разсказали въ чемъ дѣло, Вилли улыбнулся иронической улыбкой, покачалъ сѣдыми кудрями и убѣжденно сказалъ:

— Пойдите вы къ чорту со своими враками. Развѣ это могло случиться? Я по собственному опыту знаю, что бѣлыя миссъ очень любятъ молодыхъ негровъ. И наоборотъ.

Сейчасъ я почему-то вспомнилъ о себѣ.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ голодающимъ студентомъ, въ рваныхъ брюкахъ, со скомканной трехрублевкой въ одномъ карманѣ и съ ужасающимъ запасомъ искреннихъ и скверныхъ лирическихъ стиховъ — въ другомъ, на жизненномъ пути мнѣ неожиданно встрѣтилась одна женщина.

Она была похожа на миссъ Клару. У ней были тоже большіе синіе глаза, темно-пепельныя брови и такіе же волосы.

Я занесъ ей по порученію одного знакомаго какую-то книгу. Она была одна и оставила меня пить чай. Я сконфузился и хотѣлъ уйти, но у нея былъ такой ласковый, нѣжный и женственный голосъ, а я усталъ отъ постоянныхъ голодовокъ и холодности женщинъ, которыхъ останавливала отъ близости со мной бахрома на брюкахъ.

Въ этотъ вечеръ мнѣ было очень хорошо.

Когда она говорила что-нибудь ласково, казалось, что она не говорила, а вполголоса пѣла — столько музыки было скрыто въ этой нѣжной женщинѣ.

Часовъ въ десять за ней пріѣхалъ автомобиль. Я еще больше сконфузился и сталъ торопливо прощаться.

— Вы еще заходите... Позвоните и приходите прямо, — сказала она. — Обѣщаете?..

— Обѣщаю...

Все равно я не думалъ приходить. Такъ, навѣрное, изъ любезности зоветъ.

Дня черезъ три получилъ записку, чтобы пришелъ. Пришелъ. Снова сидимъ и разговариваемъ. Повидимому, ей было пріятно, что я здѣсь, а у меня было все время такое чувство: подойти къ ней, стать на колѣни, положить голову къ ней на руки и плакать отъ сознанія, что она чужая, кому-то принадлежащая...

Когда я сталъ ходить къ ней чаще, ко мнѣ пришелъ одинъ товарищъ, человѣкъ очень опытный,

обольстившій не одну провинціалку и страдавшій, вѣрнѣе скрывавшій неизлѣчимую болѣзнь, которой любятъ заниматься газетныя объявленія.

— Твоя Нина Сергѣевна кокотка, а ты слюни распускаешь.

Я убито посмотрѣлъ на него.

— Почему ты знаешь?..

—Еще спрашивать будешь... Да такая женщина за двадцать пять рублей... Потомъ тебя обирать будетъ. Развѣ кокотки могутъ любить?

Я былъ очень неопытенъ и не зналъ, могутъ ли любить кокотки. Этотъ человѣкъ, навѣрное, знаетъ лучше.

— Сидитъ, навѣрное, безъ ангажемента, бросилъ ее какой-нибудь купчина, вотъ и пускаетъ тебя къ себѣ... А потомъ вышвырнетъ, да еще купецъ тебѣ сто рублей отступного пришлетъ...

Я представилъ себѣ эту сцену, и въ душѣ что-то застонало. Цѣлую ночь я сидѣлъ на постели, сжималъ голову руками и грызъ губы до крови. Мнѣ было очень больно. Очень. На другой день я не пошелъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ. Сидѣлъ дома и ждалъ, чтобы только скорѣе прошло время, когда уже нельзя будетъ выбѣжать и пойти. Страшно, еще больше, чѣмъ прежде хотѣлось увидѣть ее.

Ночью зашелъ къ пріятелю, жившему рядомъ, и пошли въ какой-то сосѣдній кабакъ.

Я пилъ, какъ животное, до потери сознанія и въ пьяномъ видѣ кричалъ о томъ, чѣмъ болѣла душа. Я старался отдѣлаться отъ боли, ругая самыми гряз-

ными словами Нину Сергѣевну, говорилъ о ней гадости, до которыхъ только могъ додуматься.

Ей передали. Кто — не знаю. Я получилъ отъ нея записку, которая до сихъ поръ хранится уменя. Маленькая, зеленая бумага и простыя слова, жгучѣе которыхъ я не читалъ за цѣлую жизнь.

«Мнѣ разсказали. Какъ это нехорошо. Вѣдь я такъ привязалась къ вамъ. Прощайте».

Н.

Въ этотъ вечеръ я побѣжалъ къ ней. Ея не было дома, а утромъ она уѣхала. Кажется, на югъ. Встрѣтилъ я ее только года черезъ четыре и тогда еще у меня при этой встрѣчѣ что-то сразу оборвалось въ душѣ, а Нина Сергѣевна густо покраснѣла, и я видѣлъ, какъ она, обернувшись вслѣдъ за мной, долго смотрѣла на меня своими милыми синими глазами.

Потрепанный, пропитанный грязью человѣкъ, отнялъ у меня своей опытностью, быть можетъ, лучшій годъ, или два, которые такъ рѣдко посылаетъ жизнь. Я не сдѣлалъ такъ, какъ поступилъ Вилли Бай съ опытнымъ Фибомъ, съ этимъ человѣкомъ. И знаю почему.

Потому-что, когда мнѣ будетъ лѣтъ пятьдесятъ, придетъ ко мнѣ какой-нибудь безусый розовый юноша и смущаясь разскажетъ.

— Вы знаете. Я сошелся съ одной дѣвушкой. Она пѣвица... Даже не пѣвица... Въ шантанѣ... Мнѣ она очень нравится... И меня мучитъ одинъ вопросъ... Могутъ-ли любить такія женщины? Какъ вы думаете?

Я посмотрю на него ласково, пожму ему руку и скажу:

— Можетъ. Я по опыту знаю, что можетъ... У этихъ женщинъ бываютъ удивительно нѣжныя души... Не бросайте ее, гордитесь тѣмъ, что васъ любитъ женщина о которой говорятъ столько...

Юноша уйдетъ обрадованный. Черезъ два-три мѣсяца онъ будетъ занимать у всѣхъ деньги на шляпки своей пѣвицѣ, разойдется съ родителями и сдѣлается билліарднымъ шуллеромъ, чтобы каждый день можно было бѣгать въ шантанъ и носить ей деньги, которыя она требуетъ съ пьянымъ крикомъ. Когда они разстанутся и мнѣ передадутъ объ этомъ, я тупо посмотрю на говорящаго и возмущенно скажу:

— Ну, что вы говорите... При чемъ здѣсь пѣвица... Я по личному опыту знаю, что такія женщины могутъ очень хорошо и нѣжно любить... Онѣ очень привязываются къ неопытнымъ чистымъ натурамъ. И наоборотъ.

СПОКОЙСТВІЕ

I

Этого она мнѣ простить не могла.

— Все, что угодно... Можете ругаться, дѣлать гадости, но быть такимъ тихимъ кирпичомъ, такимъ тупымъ тюленемъ... Нѣтъ, съ вами нужны желѣзные нервы.

— Изъ какого-же матеріала, недорогого и прочнаго, должны быть сдѣланы ваши нервы, если я, дѣйствительно, сталъ-бы ругаться съ вами по поводу каждой вашей глупости, походя дѣлать самыя неожиданныя гадости и вести себя, какъ крыса въ ведрѣ?

— Все, что угодно, но только не это спокойствіе... Вы имъ быка можете убить...

— Странное оружіе для убоя домашняго скота. Что-же, собственно, вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы были человѣкомъ. Вы даже никогда не возвышаете голоса.

— Правда, я дѣлаю это только, когда нужно позвать извозчика.

— У васъ никогда не бываетъ даже минутнаго порыва... Вы никогда не сможете зажечь словами... Вы тряпка, мякина...

Такимъ разговоромъ рѣдко начинается скрѣпленіе большого, хорошо продуманнаго чувства. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Вскорѣ мы разошлись послѣ года мелкихъ непріятностей, неожиданныхъ разговоровъ съ незнакомыми и предугаданныхъ звонковъ по телефону съ изложеніемъ причинъ неявки къ назначенному мѣсту, однимъ словомъ, послѣ того, что для краткости и привлеченія сочувствія, называется любовью.

И теперь, когда я временами тепло вспоминаю о Надеждѣ Алексѣевнѣ, мнѣ кажется страннымъ ея искренняя ненависть къ основной чертѣ моего характера: спокойствію...

II

Началось это съ перваго-же момента, когда я, встрѣтившись съ Надеждой Алексѣевной третій разъ, сказалъ, что я хочу встрѣтиться и четвертый, только, если можно, гдѣ-нибудь вдвоемъ.

— Какъ вдвоемъ? — изумленно подняла она красивые синіе глаза.

— Это значитъ, чтобы не было никого другого...

— Это значитъ... свиданіе? — растерянно сказала она.

— Можете назвать это журфиксомъ, благотворительнымъ концертомъ или еще чѣмъ-нибудь. Мнѣ все равно.

— Я васъ не понимаю.

— Могу повторить, я сейчасъ не занятъ. Я хотѣлъ-бы встрѣтиться съ вами вдвоемъ. Если можно въ четвергъ. Часа въ два.

Очевидно, это было очень непонятно, потому что она, не спуская съ меня изумленнаго взгляда, неопредѣленно спросила:

— А гдѣ?

— Можно на набережной. Придете?

Повидимому, простота постановки всего вопроса немного обидѣла Надежду Алексѣевну.

— Дѣло не въ этомъ. Прійти я могу, но... Почему вы именно сейчасъ говорите мнѣ объ этомъ?

— Можетъ быть, я оторвалъ васъ отъ дѣла?

— Я такъ же, какъ и вы, въ гостяхъ и никакого дѣла ни у кого нѣтъ. Я говорю, почему же вы мнѣ не сказали этого ну, вчера, третьяго дня...

— Я васъ видѣлъ недѣлю тому назадъ.

— Почему же вы тогда мнѣ ничего не сказали?

Я подумалъ и спросилъ:

— А васъ не удивляетъ, почему не говорилъ объ этомъ четыре мѣсяца тому назадъ, когда мы съ вами ничего не слышали другъ о другѣ?

— Я о васъ тогда слышала... Только я думала, что вы высокій и худой.

— Ну, вотъ видите. Если-бы я, на основаніи этихъ краткихъ свѣдѣній обо мнѣ, подошелъ-бы къ вамъ и попросилъ о встрѣчѣ...

— Странно... Вы такъ спокойно объ этомъ говорите, какъ будто бы ни въ коемъ случаѣ не можете получить отказа...

— Да почему отказывать. Вѣдь, я у васъ не особнякъ прошу, или...

— Все равно. Я могла отказать, и вамъ было бы очень неловко...

— Это не послужило бы поводомъ для моего неожиданнаго самоубійства.

— Я бы могла разсказать это всѣмъ, и всѣ стали бы надъ вами смѣяться.

— Это могло бы стать темой для дружнаго и общаго смѣха или во время вечерняго чая въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, или на семейномъ праздникѣ у васъ въ кухнѣ...

— Прямо удивляюсь, какъ вы все спокойно говорите... Очень удивляюсь.

Это было въ понедѣльникъ. Два дня Надежда Алексѣевна удивлялась у себя дома, или въ другихъ мѣстахъ, о которыхъ я не зналъ, а въ четвергъ, въ два часа, она пришла удивляться вмѣстѣ со мной, на набережную.

III

Мнѣ очень нравилось ея полу-дѣтское лицо и слегка дрожащій альтовый голосокъ, когда она была чѣмъ-нибудь озабочена. За три недѣли почти ежедневныхъ встрѣчъ я успѣлъ привязаться къ Надеждѣ Алексѣевнѣ и рѣшилъ подълиться съ ней этимъ заключеніемъ. Я не зналъ, что это выйдетъ такъ остро и больно.

Одинъ разъ, кажется, это было часовъ въ пять, зимой, на большой и шумной улицѣ, когда Надежда Алексѣевна стала разсказывать мнѣ о какой-то необходимой покупкѣ, какую она забыла сдѣлать, я разсѣянно прослушалъ всѣ ея фразы и сказалъ:

— Вы мнѣ очень нравитесь... Честное слово.

Она остановилась, схватила меня за рукавъ и посмотрѣла недоумѣвающе въ глаза.

— Какъ вы сказали?

— А что? — удивился и я, — можетъ-быть, я что-нибудь того... непутное ляпнулъ...

— Вы сказали, — покраснѣвъ, пробормотала она, — вы сказали, что... Нѣтъ, даже странно какъ-то...

— Ну да... Сказалъ. Такъ и сказалъ, что люблю. Можетъ быть, выразиться по другому...

Она сразу замолкла, а черезъ минуту у нея вырвалось съ искреннимъ негодованіемъ:

— Да развѣ объ этомъ такъ говорятъ...

— Какъ такъ?

— Да вотъ такъ... На улицѣ, во время разговора о канвѣ...

— Что-же мнѣ понятыхъ было звать, дворниковъ и милиціонера, или въ контору нотаріуса васъ затащить...

— О такихъ вещахъ такъ спокойно не говорятъ, — обиженно кинула она.

— Неужели-же я долженъ былъ лечь на тротуаръ, бить ногами по камнямъ и кричать безнадежнымъ хриплымъ голосомъ...

— Не понимаю...

— Видите-ли, — ласково сказалъ я, беря ее за руку, — если-бы судьба насъ столкнула гдѣ-нибудь въ южно-американской колоніи, и я былъ-бы какимъ-нибудь неграмотнымъ экспансивнымъ дика-

ремъ, конечно, дѣло обстояло бы иначе. Я схватилъ бы большую рыбью кость сталъ бы махать ей въ воздухѣ, испугалъ бы свою старую матушку и незнакомыхъ колонистовъ, но здѣсь...

— Нѣтъ, — рѣшительно перебила она, — вы не мужчина... Вы рыба какая-то...

Если это называется — рыбой, она была права. Но что-же тогда долженъ представлять изъ себя мужчина въ такомъ пониманіи? Въ дѣтствѣ я видѣлъ, какъ мальчишки посадили ежа въ клѣтку канарейки; ежъ тыкался во всѣ стороны, царапалъ проволоку, а черезъ два дня издохъ. Должно быть, по всѣмъ поступкамъ, онъ долженъ напоминать мужчину, типъ котораго нравится женщинамъ. Я противъ этого.

IV

Мѣсяца черезъ два Надежда Алексѣевна показала мнѣ письмо отъ какого-то, совершенно незнакомаго молодого человѣка, фамилія котораго была не то, Непѣгинъ, не то Ивановъ, а, можетъ быть, Кранцъ.

Неизвѣстный молодой человѣкъ хорошимъ каллиграфическимъ почеркомъ жаловался, на протяженіи восьми убо чисто исписанныхъ страницъ почтовой бумаги бо льшого формата, что онъ безнадежно тоскуетъ о Надеждѣ Алексѣевнѣ, любитъ ее и даже умираетъ отъ сознанія ея холоднаго къ нему отношенія. Повидимому, это была медленная и не-

вѣрная смерть, потому что письмо шло цѣлую недѣлю, а молодой человѣкъ въ концѣ приписалъ, что мучительно ждетъ отвѣта. Поэтому большихъ волненій съ моей стороны это письмо не вызвало.

— Онъ меня очень любитъ, — искоса на меня поглядывая, сказала Надежда Алексѣевна.

— Кранцъ?

— Кранцъ. Это мой бывшій женихъ. Онъ студентъ электротехникъ.

— Кончитъ — инженеромъ будетъ. Очень хорошія деньги зарабатываютъ.

— Васъ, кажется, это мало трогаетъ? — сухо спросила она.

— Что собственно?

— Да вотъ хоть это... Пишетъ письмо... Пишетъ, что любитъ...

— А что-же дѣлать молодому человѣку, какъ не любить и писать по этому поводу большія письма. Я самъ студентомъ былъ. Знаю.

— А если-бы я ему отвѣтила письмомъ...

— А развѣ вы не хотѣли отвѣчать? Это невѣжливо...

— Ахъ, вотъ какъ...

Она встала съ кресла и забѣгала по комнатѣ.

Я сидѣлъ и думалъ: «милая дѣвушка, которая мнѣ очень нравится, получила письмо отъ какого-то тихаго бездѣльника и сейчасъ же прибѣжала мнѣ объ этомъ сообщить. Если бы она хотѣла скрыть, я бы могъ ревновать. Что-же мнѣ было дѣлать сей-

часъ?» Я всталъ, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее около уха. Это было самое, быть-можетъ, нелогичное завершеніе событія, но утопающій хватается за соломинку. Къ сожалѣнію, соломинка оказалась настолько тяжелой, что быстро потащила меня ко дну.

— Оставьте, — рѣзко остановила меня Надежда Алексѣевна, — разъ вамъ все равно... Значитъ, и я могу написать такое-же письмо... Тридцать писемъ... Сто писемъ...

Я уже говорилъ, что когда она волновалась, или была озабочена, она становилась удивительно милой.

—Надежда Алексѣевна, — робко сказалъ я, — я могу обезпечить вашу горничную лишними десятью рублями въ мѣсяцъ, перехватывать ваши письма, перечитывать ихъ, заучивать наизусть, переписывать въ прошнурованную книгу... Неужели же этимъ я смогу...

У ней на глазахъ были слезы.

— Вы камень какой-то... Камень... Васъ не продолбишь...

И, желая рѣзче подчеркнуть обоснованность своего убѣжденія, схв: ила боа и ушла.

Этотъ вечеръ она просидѣла дома, ссорилась съ сестрой и плакала. Я провелъ его дома, безцѣльно скучая и хмуро относясь къ себѣ. Впрочемъ, заснулъ я въ сознаніи полной своей невиновности.

V

Если у совершенно посторонней женщины заплаканы глаза, значитъ, она или перенесла какое-то горе и будетъ сейчасъ очень мягка, или на кого-нибудь сердится и съ вами будетъ очень любезна. Заплаканные глаза женщины близкой — урчанье большого англійскаго дога, внезапно встрѣтившаго васъ въ кабинетѣ своего хозяина, гдѣ вы сидите одни и дожидаетесь.

— Почему это вы такая, Надежда Алексѣевна?

Она укусила губу и нервно затеребила оборку юбки.

— Вы, кажется, въ театрѣ вчера были? — И она испытующе посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Какъ же, какъ же... Удивительно милая опера. На что я не понимаю въ музыкѣ, а и то... .

— Вы, кажется, не одинъ вчера были?

— Я-то? Нѣтъ. Третьяго дня моя землячка пріѣхала и просила пойти вмѣстѣ...

— А вы, конечно, не могли отказаться?

— Отказаться я могъ... Неустойки никакой я платить бы, конечно, изъ-за этого не сталъ, но я не понимаю...

— Ахъ, вы не понимаете... Ну, конечно, конечно... А я должна была провести вечеръ одна...

— Вы же сами сказали, что ѣдете въ гости... Были?

— Ну, была. Что-же изъ этого?

— Совершенно ничего. Вы были въ гостяхъ, а я былъ со своей старой знакомой въ театрѣ...

— Какъ же вы можете объ этомъ такъ спокойно разговаривать? — зло спросила она.

— Вѣдь я же не на взломъ несгораемаго шкафа ходилъ... Почему же я долженъ объ этомъ говорить съ горечью раскаянья... Я васъ люблю... Знакомая моя — женщина приличная, мужъ ея мой бывш...

— Ахъ, она къ тому-же еще дама...

— Шесть лѣтъ дама...

— Ну, что-же. Намъ остается только въ послѣдній разъ поговорить другъ съ другомъ...

— И это будетъ послѣ каждаго моего посѣщенія театра? Хорошо еще, что у меня абонемента нѣтъ.

Она круто отвернулась и подошла къ окну.

— Вы еще, кажется, шутите?

Я робко замолчалъ. Кажется, при такомъ оборотѣ разговора я долженъ былъ бы рѣзко всать съ мѣста, забѣгать изъ угла въ уголъ, хватать себя за голову и громко осуждать свое поведеніе шумными и пронзительными вскрикиваніями:

— Что я сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ!

Я не могъ прибѣгнуть къ этому. Поэтому въ теченіе двухъ часовъ мы сидѣли почти молча. Изрѣдка Надежда Алексѣевна роняла нѣсколько замѣчаній по адресу моей вчерашней спутницы, изъ которыхъ я вывелъ заключеніе, что эта спутница пріѣхала сюда исключительно съ цѣлью завлечь меня въ глухія сѣти, измѣнить со мной тупому мужу и остаться здѣсь для продолжительнаго и непрерываемаго занятія нехорошими дѣлами. Въ число по-

слѣднихъ входили ея разгаданныя намѣренія приходить ко мнѣ и даже снять общую квартиру. Всѣ мои увѣренія, что это очень достойная женщина, мать прекраснаго трехлѣтняго мальчугана съ большими черными глазами, разбивались о суровый и неумолимый тонъ.

— И васъ это ни капельки не волнуетъ? — очевидно готовясь къ уходу, внезапно спросила Надежда Алексѣевна. — Вы, кажется, очень что-то спокойны...

— Нѣтъ, — изъ вѣжливости отвѣчалъ я, — я волнуюсь. Очень волнуюсь...

Она съ молчаливымъ презрѣніемъ посмотрѣла на меня и пожала плечами...

Даже очень близкіе люди не всегда прощаются. Рѣзкій стукъ дверьми и недвусмысленное выраженіе лица человѣка, остающагося сразу одинокимъ въ комнатѣ, гдѣ сейчасъ было двое, иногда замѣняетъ теплое рукопожатіе или прощальный поцѣлуй.

VI

Надоѣдаютъ даже карты. Я видѣлъ спортсменовъ, которые, въ концѣ-концовъ, перестаютъ появляться на свѣжемъ воздухѣ и начинаютъ показываться только на званныхъ четвергахъ, да и то пріѣзжая туда на извозчикахъ. Любимыя женщины перестаютъ быть любимыми значительно быстрѣе. Немного позже онѣ перестаютъ въ нашихъ глазахъ казаться даже женщинами, изрѣдка напоминая только

о чемъ-то, какъ порыжѣвшая карточка съ проткнутыми глазами.

Черезъ два дня, какъ меня познакомили съ Ангарской, я сразу исправилъ годовую ошибку и понялъ, что у Надежды Алексѣевны некрасивый носъ и толстыя губы. Тутъ-же я вспомнилъ, что она не читала Достоевскаго и пишетъ въ неподходящихъ мѣстахъ не тѣ буквы.

Кто-то помогъ найти соотвѣтствующіе недостатки во мнѣ и Надеждѣ Алексѣевнѣ. Оказалось, что это былъ тотъ же Кранцъ, когда-то пытавшійся умереть и теперь пріѣхавшій искать мѣста, къ моему удивленію, не на кладбищѣ, а на одномъ изъ большихъ, хорошо оборудованныхъ заводовъ. Повидимому, я оставлялъ любимое когда-то существо въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ. Въ послѣдній разъ, послѣ долгаго отсутствія встрѣчъ, мы встрѣтились на улицѣ. Я проводилъ ее до дома.

— Почему вы не отвѣтили на мое письмо? — тихо спросила Надежда Алексѣевна.

— Это... гдѣ вы писали, что между нами все...

— Да. На это.

— Что-же я могъ отвѣтить? Послать расписку въ полученіи и закончить: въ ожиданіи вашихъ дальнѣйшихъ заказовъ съ почтеніемъ такой-то...

— У васъ даже и сейчасъ не находится слезы въ голосѣ, или вздоха...

— Надежда Алексѣевна... Вѣдь мы уже не любимъ другъ друга... Ну хотите, изъ почтенія къ прошлому, я могу сѣсть вотъ тутъ на крыльцо и

начать громко плакать, пока меня не уберетъ одинъ изъ младшихъ дворниковъ...

— И это все?

Я подумалъ и рѣшительно отвѣтилъ:

— Все.

Кажется, я былъ неправъ. Спокойствіе — не признакъ мужчины. Онъ долженъ быть экспансивнымъ, порывистымъ и полнымъ красивыхъ жестовъ. Въ слѣдующій разъ, если я встрѣчу женщину, которая мнѣ понравится, я скажу ей объ этомъ въ такихъ сильныхъ и страстныхъ выраженіяхъ, что случайно подвернувшійся лишній человѣкъ тихо поблѣднѣетъ и робко прижмется къ стѣнѣ. Я буду топтать ея письма каблуками или рвать ихъ зубами, какъ рѣзвая комнатная собачка, разбрасывая клочки по паркету... А расходясь, я буду долго ходить по безлюднымъ улицамъ, пугая одинокихъ прохожихъ мучительной гримасой боли и отчаянія на изможденномъ страданіями лицѣ...

ВѢЩІЕ СНЫ

Недавно я видѣлъ во снѣ большого стараго слона. Его показывалъ мнѣ какой-то знакомый, хлопалъ ладонью по слоновымъ сморщеннымъ бокамъ, перебиралъ корявыя легкія уши, а потомъ добавилъ:

— Фамилія этого слона — Матвѣевъ.

Проснувшись, я понялъ, что мнѣ не везетъ и во снѣ. Каждую ночь я вижу только какихъ-то глупыхъ людей, которые говорятъ вздорныя вещи и нелогично поступаютъ. То вижу, что будто-бы мою въ корытѣ большой пухлой мочалкой знакомаго директора банка, то ѣду верхомъ на какомъ-то неодушевленномъ предметѣ, разговаривая одновременно по телефону съ одной покойной курицей, которую когда-то въ дѣтствѣ самъ-же придавилъ коляской.

Невольно рождается зависть къ тѣмъ людямъ, которые видятъ сознательные, правильно построенные вѣщіе сны и послѣ могутъ самоувѣренно хвалиться ими въ присутствіи другихъ.

— Я-же ожидалъ этой гадости отъ Семитонова... Еще четвертаго дня я видѣлъ во снѣ большую змѣю, которая несла во рту соломинку и пѣла. Это-же всегда къ ссорѣ. Если бы во рту перо было — тогда

съ женщиной поссорился-бы. А такъ только съ этимъ невѣжей.

И, разсказывая, вѣрить въ то, что сонъ явился вѣжливымъ предупрежденіемъ относительно послѣдующихъ событій. И ему уважающе вѣрятъ.

Я также вѣрю въ то, что не только бываютъ вѣщіе сны, но что почти каждый сонъ долженъ быть вѣщимъ. Я лично наблюдалъ по этому поводу за людьми.

*

Помню одну старушку, которая всегда носила коричневое платье, сводила съ подбородка большую волосатую бородавку и потихоньку складывала въ рыжій полинялый ридикюль сладости съ чужихъ столовъ.

До сихъ поръ я увѣренъ, что она — ясновидящая. Не было ни одного сна, который-бы не оправдался черезъ полчаса послѣ того, какъ она разсказывала его вслухъ.

Въ гости она любила приходить часовъ въ девять утра, когда прислуга была еще на базарѣ и дверь открывалъ кто-нибудь изъ заспанныхъ хмурыхъ квартирантовъ. Она садилась въ столовой, терпѣливо дожидалась, пока всѣ соберутся къ утреннему чаю, и когда одинъ за другимъ всѣ перездоровались съ ней, садилась за столъ и начинала разсказывать.

— Кошку я сегодня видѣла во снѣ. Будто идетъ она рядомъ съ Николай Евгеньичемъ, какъ вдругъ бросится въ сторону да замяукаетъ. А Николай Евгеньичъ — поетъ. Только будто пыль по улицѣ въ

человѣчьемъ образѣ бѣгаетъ. Къ ссорѣ это. Охъ, къ какой ссорѣ...

— Снамъ нельзя вѣрить, — сонно замѣчалъ кто-нибудь, запихивая въ ротъ мягкій утренній хлѣбъ.

— У каждаго свой сонъ. Своему вѣрю и вѣрить буду, — обиженно возражала старуха. — Пятьдесятъ восемь лѣтъ вѣрила.

Понявъ, что, выдвигая собственные сны, старуха ловко намекаетъ на недоброкачественность его сновъ, собесѣдникъ становился непоколебимымъ.

— Сны — это глупость, — афористично выдыхалъ онъ.

— Молодъ слишкомъ, батюшка, чтобы...

— Дѣло не въ молодости. Кто вѣритъ снамъ? Бабы да идіоты.

— Это какъ-же, между прочимъ, — терялась старуха, — это обидное, кажется, замѣчаніе по разному адресу...

— Да что вы привязались право, — съ шумомъ лопалось чье-то терпѣнье, — плевать я хотѣлъ на ваши сны...

— Своихъ заводи да на нихъ и плюй, — радостно оппонировала старуха. — Молокососъ выискался...

Вѣщій сонъ страухи сразу оправдывалъ свое назначеніе. Одинъ за другимъ смущенные свидѣтели покидали мѣста наблюденія и черезъ нѣсколько минутъ когда спорщикъ лежалъ у себя въ комнатѣ на диванѣ, шелестя газетой, оставалась только одна старуха, грозила кому-то кулакомъ въ пространство и шипѣла.

— Споритъ еще... А отъ чего дядя-то твой Николай Семенычъ умеръ? Отъ сна. А у Серафимы Петровны операція — отъ сна. А чистопольскій исправникъ не отъ сна жену выгналъ?.. Споритъ еще — я, я...

Потомъ брала немного халвы и, сложивъ губы сердечкомъ, уходила, радостная, что еще одинъ вѣщій сонъ не пропалъ даромъ.

*

— Отойди въ сторону, старуха!..

Я зналъ одного помощника бухгалтера, который помнилъ вѣщіе сны на нѣсколько персонъ сразу. Днемъ это былъ очень вялый и страшно нетрудоспособный человѣкъ. Для того, чтобы записать въ книгу какой-нибудь неожиданный приходъ, ему нужно было полчаса отдыхать передъ этимъ, чинить карандашъ, пробовать на языкъ плотность бумаги и мѣнять стаканъ чая, какъ карты въ игрѣ. У него могъ-бы набраться большой томъ аттестацій отъ непосредственныхъ начальниковъ о томъ, что онъ не приспособленъ ни къ какому труду, кромѣ умственнаго, да и этотъ трудъ по многимъ причинамъ ему не подъ силу.

Но когда наступала ночь и помощникъ бухгалтера засыпалъ, не было такого человѣка въ городѣ, какого-бы онъ не видѣлъ во снѣ, не переговорилъ съ нимъ и не устроилъ дальнѣйшую его судьбу.

— Я сегодня вашу Наточку во снѣ видѣлъ, — прибѣгалъ онъ къ податному инспектору, — будто-

бы лежитъ она на столѣ, кругомъ цвѣты, а сама ногой что-то дѣлаетъ.

— Ну что можетъ семилѣтняя дѣвочка ногой дѣлать... — смущался за поведеніе дочери во снѣ чужого человѣка, податной инспекторъ. — Это навѣрное къ здоровью.

— Не знаю, не знаю — старался соблюсти всѣ формальности помощникъ бухгалтера, — мое дѣло было разсказать, а вы уже сами смотрите.

Дѣвочка продолжала вести нормальную жизнь. Прошло два года и въ одинъ изъ іюнскихъ дней она тонетъ въ рѣкѣ, около моста. Тогда быстро вспоминался сонъ, и убитый горемъ отецъ разсказывалъ знакомымъ:

— А вотъ многіе не вѣрятъ... И я тогда не повѣрилъ, что есть вѣщіе сны. Приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ, лежу, говоритъ, я съ цвѣткомъ, около меня столъ, а за столомъ ваша Наточка ногой шевелитъ... Замѣчательный человѣкъ. И многимъ онъ такъ предсказалъ. Живетъ здѣсь и пропадаетъ... Въ столицѣ такой человѣкъ рублей триста въ мѣсяцъ зарабатывалъ-бы, да проценты... А здѣсь что толку? Болото.

Помощникъ бухгалтера тщательно записывалъ свои сны. Взялъ изъ конторы прошнурованную книгу и подъ нумерами вписывалъ все, что касалось близкихъ или незнакомыхъ, но уважаемыхъ людей. Налѣво въ расходъ — легкіе сны, предвѣщавшіе кражу или помолвку, направо въ приходъ — заставлявшіе думать о преждевременной смерти, или о тяжелыхъ родахъ.

5

И когда что-нибудь случалось въ городѣ важное, о чемъ онъ не сумѣлъ раньше увидѣть сонъ, онъ обижался, запирался у себя въ комнатѣ и упорно рылся въ книгѣ.

— Третьяго февраля видѣлъ Мотягина въ туфляхъ и съ ведромъ... Четвертаго — Никитину въ ямѣ, шестого — Бобурина съ семействомъ — будто они по лугу бѣгали за зайцемъ... А о Намухинѣ ничего. До марта ничего. — Потомъ пересматривалъ снова книгу и начиналъ явно придираться.

— Виноватъ, виноватъ, виноватъ... Вотъ тутъ семнадцатаго января видѣлъ Пестрикова съ какимъ-то человѣкомъ, будто удилъ рыбу и ѣлъ мороженное... Можетъ это не Пестриковъ, а Намухинъ и былъ, какъ сейчасъ помню — черненькій такой и все плечо впередъ выставлялъ... Конечно, онъ... Пойти разсказать.

И самъ Намухинъ, выслушавъ исторію сна, ужасно сожалѣлъ, что помощникъ бухгалтера не предупредилъ его, по своей халатности, заранѣе о возможныхъ осложненіяхъ на службѣ. Тѣмъ болѣе, что мороженное — это уже явно къ служебнымъ непріятностямъ.

Тотъ же помощникъ бухгалтера, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ, когда все населеніе города было взволновано скандаломъ съ мѣстнымъ директоромъ гимназіи, разсказывалъ, что еще третьяго дня...

Довольно о помощникѣ бухгалтера. Я видѣлъ людей, которые въ области примѣненія своихъ сновъ къ реальной жизни стояли головой выше его.

Я могъ бы это смѣло сказать объ одномъ изъ своихъ товарищей, девять лѣтъ пробывшемъ въ университетѣ и, благодаря обилію вѣщихъ сновъ, державшемъ въ вѣчномъ страхѣ и подчиненіи многочисленныхъ родственниковъ, которые были глупы и богаты — совпаденіе, столь часто встрѣчающееся въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Лѣтомъ Игнаша всегда жилъ у одного изъ нихъ. Цѣлые дни очень много ѣлъ, не меньше спалъ, говорилъ грубости и пугалъ робкихъ деревенскихъ дѣвушекъ. Когда наступалъ срокъ отправки его въ Москву, Игнаша начиналъ ложиться спать не позже девяти вечера, оставляя себѣ добрыхъ двѣнадцать-четырнадцать часовъ на вѣщіе сны.

— Видѣлъ я сонъ сегодня, — разсказывалъ онъ, печально покачивая головой, — будто только я уѣхалъ, какъ тетя захворала. Хворала, хворала, и... Даже сказать страшно.

— Ну, что ты, Игнаша... — пугалась одна изъ тетокъ, — должно быть, отъ творога такіе сны снятся. Поѣшь на ночь — вотъ и результаты...

— Творогъ творогомъ, а четвертую ночь подрядъ вижу. Я ужъ и говорить не хотѣлъ, да думаю скрывать больше нечестно.

— Когда же захворала-то я...

— Ахъ, тетя, и говорить не хочется!..

— Нѣтъ, ты обязанъ сказать, Игнаша!.. Я тебѣ не чужой человѣкъ.

— Самъ знаю. Слушайте, тетя: какъ только сложу будто чемоданъ, чтобы въ Москву ѣхать, такъ у васъ изъ комнаты стоны...

— А ты вѣрно помнишь, что изъ моей?

— Еще-бы. Четыре раза видѣлъ. У дяди будто кто-то на мандолинѣ играетъ, а вы стонете.

И для большей убѣдительности добавлялъ:

— А по комнатамъ кто-то въ бѣломъ ходитъ. А пальцы у него черные и на мизинцѣ мѣдное кольцо.

Четыре недѣли подрядъ послѣ такого сна у Игнаши прятали чемоданъ,развлекали его деньгами и новыми костюмами, только чтобы онъ не вздумалъ уѣхать.

Когда это ему надоѣдало, онъ разрубалъ узелъ съ завидной простотой.

— Ну-съ, завтра ѣду. Сонъ даже сегодня увидѣлъ; какъ только уѣду, — дому прибыль. Будто бѣлый теленокъ побѣжалъ къ окну и сталъ стекло лизать. А отъ языка паръ.

Въ Москвѣ ему тоже сильно помогали сны. Проигравши гдѣ-нибудь въ желѣзку очередной присылъ изъ дома, сидя съ мутными глазами послѣ безсонной ночи, Игнаша тутъ же за столикомъ въ кафэ видѣлъ вѣщій сонъ, о которомъ немедленно сообщалъ роднымъ:

— ...Здоровье плохо. Доктора утѣшаютъ, что до осени дотяну. Настроеніе скверное. Вчера опять видѣлъ сонъ. Будто пришелъ мальчикъ изъ писчебумажнаго магазина въ зеленой рубашкѣ и сказалъ басомъ: укради триста рублей и сходи къ профессору Зиндану. Онъ тебя вылѣчитъ. А роднымъ отъ этого прибыль. Самъ мальчикъ лѣтъ семи, а сбоку будто борода треплется. Триста рублей придется зарабаты-

вать ручнымъ трудомъ — мести улицы, либо на заводъ поступлю...

Ровно черезъ шесть дней длинное письмо родителей и близкихъ родственниковъ убѣдительно умоляло Игнашу не растрачивать молодого здоровья, слѣдить за собой, купить теплое вязаное бѣлье и непремѣнно писать о каждомъ такомъ вѣщемъ снѣ.

— Изъ четырехсотъ тридцати рублей, которыя посылаемъ завтра, триста истрать на профессора, сто возьми себѣ, а тридцать — бѣднымъ...

Сколько получили отъ Игнаши бѣдные, — объ этомъ, у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Самъ онъ умалчивалъ объ этомъ, что же касается до трехсотъ, то они дѣйствительно быстро переходили въ чужія руки причемъ о новомъ обладателѣ ихъ Игнаша отзывался коротко и сердито.

— Арапъ, навѣрное... Карты въ рукахъ вертитъ и по сторонамъ смотритъ... Обязательно буду за другой столъ садиться...

Научная карьера его кончилась тоже какимъ-то подробнымъ вѣщимъ сномъ, который ясно опредѣлилъ, что если Игнаша будетъ утомлять себя экзаменами его тѣло привезутъ домой въ товарномъ вагонѣ.

Теперь у него два большихъ дома и онъ объ этомъ концѣ высказывается безъ особаго сожалѣнія...

*

Для вѣщихъ сновъ, вообще, нужно какое-то особое предрасположеніе и явно выраженную еще въ

дѣтствѣ склонность къ этому. Я лично давно уже потерялъ всякую надежду хотя бы на одинъ маленькій сонъ, надъ которымъ можно было бы призадуматься и прицѣпить его къ какому-нибудь послѣдующему факту.

Иногда я ловлю какого-нибудь мистически настроеннаго человѣка, и прошу его ввести меня въ курсъ дѣла.

— А къ чему это, если испанца видишь?

— Испанца?.. А какой онъ изъ себя?

— Маленькій такой, черный совершенно и голый.

— Можетъ это негръ, а не испанецъ?

— Представь себѣ, мнѣ самому это показалось, а онъ увѣрялъ, что онъ испанецъ.

— А что онъ дѣлалъ?

— Ничего не дѣлалъ. Будто бы дикіе гуси купались, а онъ только появился около меня, засмѣялся и исчезъ, а вмѣсто него мой портной и тоже смѣется.

— Портной — это къ дороговизнѣ и малокровію.

— А можетъ быть, это былъ не портной. Не помню ужъ точно.

— Ну, вотъ видишь — ты даже сна порядочнаго увидѣть не можешь...

И онъ правъ. А очень хочется. Чѣмъ я, въ концѣ-концовъ, хуже другихъ...

ВЕЩИ НА ЗНАТОКА

Я люблю вещи. Можетъ быть, это очень не хорошо, но, въ концѣ-концовъ, къ пепельницѣ, съ отбитымъ краешкомъ, на который такъ удобно класть потухающую папиросу, или къ граненому флакону на туалетѣ привыкаешь гораздо крѣпче и теплѣе, чѣмъ къ знакомому, который изъ года въ годъ приходитъ разъ въ недѣлю и надоѣдаетъ разсказами о своей семейной жизни. Перестанетъ онъ ходить, придетъ вмѣсто него другой еще не успѣвшій обнуднѣть человѣкъ, и радуешься, что того, прежняго, не стало... А когда кухарка добьетъ изломанную пепельницу, четыре года бездѣльничающую на столѣ — жалко. Какъ будто домашнюю кошку украли.

Но есть вещи, которыя ненавижу: вещи на знатока. И еще больше презираю ихъ счастливыхъ владѣльцевъ.

*

Онъ кончилъ университетъ гдѣ-то за-границей. Слушалъ гдѣ-то лекціи по искусству, носилъ большую шляпу съ широкими полями, ѣздилъ по городамъ съ картинными галлереями и, вернувшись, сталъ писать плохіе стихи и сердиться на редакторовъ.

Сейчасъ онъ стоитъ предо мной, смотритъ на меня съ недоброжелательнымъ сожалѣніемъ и тычетъ пальцемъ въ облѣзлый, облупившійся низенькій столикъ.

— Да вѣдь ему же около семидесяти лѣтъ... — возмущенно говоритъ онъ.

— Столъ не телячья котлета, — хмуро возражаю я: — на другой день не портится.

— Ему теперь цѣны нѣтъ.

— Съ моей точки зрѣнія тоже. На сломъ, можетъ быть, можно.

— Вѣдь такая же вещь краситъ комнату... Какъ вы не понимаете...

— Мнѣ кажется, комнату еще болѣе украсилъ бы обыкновенный болѣе молодой столъ, на которомъ удобно писать, обѣдать...

— Я даже удивляюсь... Неужели вы не понимаете — это же смѣшно. Можетъ быть, за этимъ столомъ писалъ и работалъ мой дѣдъ... Прадѣдъ, наконецъ...

— Это что же вамъ: по наслѣдству?

— Не въ этомъ дѣло. Купилъ по случаю.

— Слѣдовательно, чей-нибудь чужой дѣдъ завелъ себѣ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ приличный столъ, а вы теперь, когда ужъ онъ пришелъ въ негодность...

— Впрочемъ, эта вещь на знатока, — опредѣленно недружелюбно заканчиваетъ онъ и отходитъ.

Все-таки ему, какъ знатоку особенныхъ вещей — не терпится. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова тянетъ меня къ какому-то ящику, покрытому черной матеріей и, стаскивая ее, торжествующе смотритъ на меня.

— Фисгармонія! — Играете?

— Клавесины, — негодующе бросаетъ онъ, — вы знаете что это такое?

— Знаю. Играете?

— На нихъ нельзя. Это двадцатыхъ годовъ. Извѣстная въ то время фирма.

Клавесины занимаютъ добрую половину стѣны. Что они замѣняютъ у него — я не знаю. Можетъ быть, музыкальный инструментъ, можетъ быть, пишущую машинку. Я внимательно осматриваю ихъ и миролюбиво вставляю:

— А у меня грамофонъ дома дома. Хорошо, когда хочется музыки, завожу и слушаю.

Я не догадываюсь о томъ, какъ это можетъ оскорбить человѣка съ клавесинами. Онъ блѣднѣетъ, у него начинаютъ трястись губы, и черная матерія судорожно дрожитъ въ рукахъ.

— А у васъ... а у васъ, — лихорадочно подбираетъ онъ соотвѣтствующее оскорбленіе, — а къ вамъ... портниха знакомая не ходитъ?..

Расходимся мы съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Я — грубый, весело-нечуткій, онъ оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ.

*

Фамильныя цѣнности тоже ненавижу. Можно семь лѣтъ носить въ записной книжкѣ сухой цвѣтокъ, подаренный на вокзалѣ провинціальной гимназисткой. И если мнѣ покажутъ его — отнесусь съ уваженіемъ. Въ такомъ цвѣткѣ можетъ быть очень много голубой, радостно-печальной памяти.

Но вотъ мнѣ суютъ бабушкино кольцо. Я осматриваю его и вспоминаю, что гдѣ-то видѣлъ такое... Какъ же: сегодня же, когда зашелъ въ табачную за папиросами. Тамъ цѣлый выборъ такихъ, развѣшанныхъ на бѣлой картонкѣ. Ихъ покупаютъ солдаты въ воскресенье, когда получаютъ увольнительныя записки и идутъ въ гости къ знакомой, служащей одной прислугой.

Я смотрю на солдатское кольцо безъ достаточнаго уваженія, стараясь только удержаться отъ явно открытаго порицанія.

— Да... колечко.

— Фамильное. Желѣзное, съ какой-то стекляшкой и подумайте — бабушкино. Изъ рода въ родъ переходитъ.

— А развѣ его можно носить? — довѣрчиво спрашиваю я.

— Это кольцо? Да вы шутите, что ли? Это же рѣдчайшая вещь. Я ни разу въ жизни не встрѣчалъ такого...

Присматриваюсь ближе. Если такое кольцо принести въ ломбардъ, оцѣнщикъ затрясется, сниметъ очки и визгливо будетъ кричать сторожу, чтобы пьяныхъ не пускали въ залъ, когда и безъ того публики много. Если его надѣть на палецъ, всѣ обидятся. Пытаюсь подойти къ вопросу глубже.

— Любили покойницу-то?

— Какую?

— Да бабушку-то вашу?

— Это Евлампиху? Скотина была баба. Крѣпостныхъ запарывала и съ приказчикомъ жила. А оставила долги.

— Чего же вы съ ея кольцомъ носитесь? Отдайте на кухню. Кучеру къ празднику. Они это любятъ.

— Что? Фамильное кольцо?.. Такой работы?

Послѣ вашего ухода люди съ фамильными цѣнностями говорятъ о васъ долго, но очень сдержанно:

— А вѣдь гдѣ-то учился... И вотъ такой ломовой извозчикъ на приличной барышнѣ женится... У него, навѣрное, въ квартирѣ изъ всѣхъ предметовъ роскоши только сломанныя оглобли да ножки отъ стульевъ валяются... Водовозъ...

*

Чувство длительнаго, съ трудомъ подавляемаго бѣшенства вызываютъ во мнѣ вазочки, статуэтки и чашки, расчитанныя на знатока. Происхожденіе ихъ очень простое.

Старый паралитикъ Джекумме, самый неуважаемый итальянецъ изъ мѣстечка Альто-Азино, на югѣ Италіи рѣшаетъ покончить со своей лавчонкой и начинаетъ нищенствовать въ какомъ-нибудь большомъ городѣ. Торговалъ онъ всѣмъ, преимущественно колбасой и живой рыбой, но за четырнадцать лѣтъ торговли въ лавченкѣ его накопилось много стеклянной, фарфоровой и гипсовой дряни.

Въ моментъ его печальнаго разставанія съ прилавкомъ, въ лавченку входитъ компанія изъ четы-

рехъ человѣкъ, съ такими почтительными лицами и робкими улыбками, что Джекумме сейчасъ же узнаетъ въ нихъ русскихъ. Пятый, самый умный, остается за дверямъ и сердится, что его уже пять дней кормятъ одной морской рыбой съ сухимъ перцемъ.

— У васъ это продается? — спрашиваетъ одинъ изъ русскихъ, стирая потъ съ лысины и осторожно прикасаясь къ пыльному графинчику изъ-подъ уксуса.

Джекумме, которому становится неловко отъ посѣщенія богатыхъ иностранцевъ, рѣшаетъ на все отвѣчать утвердительно.

— Si, si, signore...

— Это же бокалъ эпохи Ботичелли, — радостно волнуется одинъ изъ русскихъ.

— Прежде всего, не бокалъ, а фіалъ, — торжествующе поправляетъ его другой спутникъ, съ унылымъ видомъ — хотя не эпохи Ботичелли, а эпохи Растрелли. И даже не Растрелли, а Медичи. Однимъ словомъ, Каролинговъ или Капетинговъ.

— Нужно купить, — волнуется тотъ, — я не могу упустить этой рѣдкости... — и робко спрашиваетъ у Джекумме: — Сколько?

«Неужели они хотятъ купить эту дрянь — недоумѣвающе соображаетъ Джекумме. — Надо посмотрѣть, не осталось ли тамъ уксуса. Уксусъ нынче дорогъ».

И опасливо поглядывая на покупателей, онъ поднимаетъ всѣ пять пальцевъ, при чемъ одинъ изъ скромности и изъ нежеланія упустить выгодный случай, осторожно полупригибается къ ладони.

«Спрошу пять чентезимовъ, вдругъ дадутъ... Мало ли бываетъ неожиданныхъ случайностей въ нашемъ мѣстечкѣ!..»

— Онъ сошелъ съ ума, — ужасается покупатель. — Онъ хочетъ пять лиръ за такую вещь... Да, вѣдь, это даромъ... Нужно еще хоть полъ-лиры прибавить... Не краденая ли еще вещь... Вотъ идіотъ-то...

Когда Джекумме получаетъ внезапно пять съ половиной лиръ за уксусную склянку, онъ блѣднѣетъ, чувствуетъ приступъ холода подъ сердцемъ и, какъ всякая экспансивная южная натура, начинаетъ выражать свои мысли вслухъ:

— Радуйся, старый Джекумме... Есть еще идіоты на свѣтѣ. Правда, они подданные другой страны, но твоя родина не закрыта для иностранцевъ...

Черезъ полгода меня поведутъ къ этой уксусной бутылочкѣ и начнутъ разсказывать исторію ея происхожденія, увѣряя, что въ Парижѣ знатоки дали бы за нее не меньше четырехъ тысячъ франковъ. Меня заставятъ восхищаться каждой царапиной, пылью и грязью на стеклѣ, которыя сдѣлали грязные ногти Джекумме — увѣряя, что каждая царапинка имѣетъ своего Меровинга, Капетинга и Стюарта.

Поэтому-то не такъ уже нелѣпо, когда я, связанный чѣмъ-нибудь съ хозяевами дома, вдругъ рѣшительно встаю и дрожащимъ голосомъ заявляю, кивнувъ головой на уксусное вмѣстилище:

— Или я, или она...

Значительно хуже, когда вещь покупается тутъ же въ нашемъ городѣ, на рынкѣ... Въ забракованный на фабрикѣ желтый кувшинъ старьевщикъ че-

тыре года наливалъ квасъ; потомъ забросилъ. Кувшинъ позеленѣлъ и потерялъ часть донышка.

Какими словами называютъ меня, когда я отказываюсь признать въ немъ лучшій изъ памятниковъ петровской эпохи...

*

Хорошо, очень хорошо имѣть грубую, невоспріимчивую къ эстетизму натуру. Я люблю мягкое англійское кресло изъ хорошей кожи, недавно присланное изъ магазина. Удобную электрическую лампу цѣню несравненно выше старинной люстры, мрачно коптящей подъ потолкомъ... Когда въ мебельномъ магазинѣ начинаютъ увѣрять, что предлагаемому мнѣ книжному шкафу пятьдесятъ четыре года, я рѣшительно уклоняюсь отъ чести справлять его юбилей у себя дома. Пусть этимъ занимаются другіе... Когда-то люди добывали огонь при помощи сухого дерева. Судя по описаніямъ, это было красиво. Но если каждый эстетически настроенный человѣкъ для того, чтобы закурить папироску будетъ останавливаться на улицѣ и долго тереть полѣно-о-полѣно — это будетъ некрасиво... Слишкомъ много приходится уважать разной живой дряни, если же къ этому еще прибавить хорошо спѣвшійся гарнитуръ изъ почтенныхъ креселъ, уважаемыхъ столовъ и досточтимыхъ вазочекъ — самому придется перекинуть черезъ руку салфетку, робко стоять по цѣлымъ днямъ у дверей собственнаго кабинета и безропотно раскланиваться во всѣ стороны. Мнѣ это не нравится.

КАНВА ДЛЯ БІОГРАФА

Около тридцати лѣтъ я дожидаюсь, что кто-нибудь напишетъ мою біографію. Срокъ, по моему, достаточный, чтобы описать жизнь одного человѣка. Тѣмъ болѣе, что умѣлые люди ухитрялись въ какіе-нибудь два-три года описать жизнь и исторію цѣлыхъ народовъ.

И тѣмъ не менѣе, въ печати нѣтъ даже краткой моей біографіи, не говоря уже о болѣе полной, снабженной всѣмъ тѣмъ, что для нея полагается: поясными портретами ближайшихъ родственниковъ, снимками съ дома, гдѣ я родился, гдѣ умеръ, и одинокой забытой могилой съ небольшой группой оживленныхъ почитателей.

Развѣ моя вина, что я не изобрѣлъ электрической лампочки, не выдумалъ особаго парового штопора, или первый не попытался присноровить обыкновенные кузнечные мѣха къ письменному прибору? Во всѣхъ этихъ случаяхъ обо мнѣ бы уже давно заговорили въ журнальной смѣси, и мои портреты сдѣлались бы достояніемъ широкихъ массъ читателей. Умереть безъ біографіи страшно. Правда, съ готовой біографіей это тоже не весело, но есть какое-то утѣшеніе, какъ у человѣка, который, забывъ чемо-

данъ въ гостиницѣ, въ поѣздѣ уже вспоминаетъ, что онъ также забылъ заплатить и за шесть недѣль полнаго пансіона.

Я самъ берусь за эту задачу. Это не автобіографія, потому что авторъ не хочетъ выставить себя въ такомъ выгодномъ освѣщеніи, что злѣйшіе враги его впадаютъ въ ничтожество и горько плачутъ о своемъ несправедливомъ отношеніи къ нему. Это простая объективная біографія, гдѣ если авторъ и ведетъ разсказъ отъ перваго лица, то только потому, что говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ слишкомъ скучно и обидно. Для третьяго лица есть чужіе люди, которыхъ не жалко.

Я родился въ небогатомъ семействѣ. Это была коренная ошибка, которую я не могъ простить себѣ цѣлую жизнь. Мои современники и сверстники, родившіеся въ зажиточныхъ семьяхъ, съ хорошимъ недвижимымъ имуществомъ, впослѣдствіи чувствовали себя значительно лучше. Но какъ можно требовать хорошей коммерческой смѣтки отъ существа, которое на третій день своего появленія орало и плакало отъ всякой причины, а на седьмой день безудержно радовалось отъ того, что кто-то тыкалъ ему большимъ корявымъ пальцемъ въ маленькій сморщенный носъ.

До четырехъ лѣтъ я рѣшительно ничего о себѣ не помню. Съ чувствомъ глухой обиды я узналъ послѣ, что это было самое заурядное прозябаніе, ни-

чѣмъ не выдвинувшее меня изъ толпы льстецовъ, таскавшихъ меня на рукахъ, сажавшихъ на шею и удивлявшихся тому, что въ одинъ прекрасный день я сталъ ходить.

Чуждый общественности, инертный ко всему тому, что тогда волновало лучшихъ представителей литературы, науки и искусства, я цѣлыми днями шлялся по комнатамъ, счастливый, если мнѣ удавалось разбить какую-нибудь чашку, вымазать пальцы въ вареньѣ или обратить на себя вниманіе домашней собаки.

Это время, когда возрастъ обрекъ меня суровой бездѣятельности, я считаю темнымъ пятномъ на своей жизни. Ни одного хорошаго знакомства, ни одной цѣнной встрѣчи.

Близкіе люди отмѣчаютъ одинъ случай извѣстнаго проявленія индивидуальности, когда я погнался съ палкой въ рукахъ за курицей, упалъ и повредилъ себѣ ногу, — но это никакого отношенія къ избранной мною впослѣдствіи карьерѣ не имѣло.

Курицу съѣли, меня перестали отпускать безъ няньки, и самый фактъ запечатлѣлся только въ памяти очень близкихъ людей.

Кстати о нянькахъ. Я очень много читалъ и слышалъ объ этихъ трудолюбивыхъ женщинахъ, которыя удачнымъ подборомъ незамысловатыхъ разсказовъ и сказокъ будили въ дѣтяхъ тяготѣніе къ литературѣ, страсть къ самостоятельному творчеству и, вообще, умѣло подготовляли изъ простого незатѣйливаго ребенка автора полнаго собранія со-

чиненій въ будущемъ. У меня не было такихъ нянекъ.

Лучше всѣхъ я запомнилъ изъ нихъ одну, довольно нестарую женщину, которая, укачивая меня, пѣла настолько нескромныя пѣсни, что ее быстро перевели въ кухарки, а послѣ вскорѣ выгнали за кражу бѣлья.

Другая нянька, дѣйствительно, много разсказывала. Но это были разсказы о нашихъ ближайшихъ сосѣдяхъ, при чемъ каждый изъ нихъ вырисовывался въ настолько мрачныхъ краскахъ, что я до семилѣтняго возраста находился со всякими сосѣдями принципіально въ состояніи затяжной войны: бросалъ черезъ заборъ камнями, показывалъ языкъ почтеннымъ дамамъ и кричалъ неодобрительные отзывы объ ихъ дѣтяхъ.

Единственная сказка, какую она знала, была страшно утомительна. Она разсказывала ее всегда, именно, въ тотъ моментъ, когда и я, и она засыпали, такъ что отданный самому себѣ языкъ называлъ волка Гришкой, поселялъ лису на нашей кухнѣ и въ разговоръ между двумя зайцами вкладывалъ собственное нянькино неудовольствіе незначительнымъ размѣромъ ея жалованья.

Предъ няньками моя литературная душа чиста: своего вклада туда онѣ не внесли.

До шести лѣтъ я перемѣнилъ совмѣстно со всей семьей довольно много городовъ. Объ этомъ у меня было крайне туманное представленіе. Моимъ компасомъ въ то время служила большая черная собака, по которой я опредѣлялъ свое мѣстоположеніе. Объ

одномъ городѣ я зналъ только одно отличительное качество, что когда мы жили въ немъ — на дворѣ была будка съ этой собакой. Въ другомъ ея не было, и она только прибѣгала къ вечеру поѣсть. Въ третьемъ я ее не видѣлъ совсѣмъ.

Два года спустя я узналъ, что это собака наша, и мы ее перевозили вмѣстѣ съ багажемъ изъ города въ городъ. Тогда я запутался окончательно.

Моя наружность въ то время... Я не знаю, что можно разсказать особеннаго о маленькомъ толстомъ мальчикѣ съ красными щеками и густыми рыжими волосами, которые впослѣдствіи мѣняли свой цвѣтъ, съ преступной легкомысленностью, дойдя до того, наконецъ, что мудрая природа совсѣмъ отняла волосы, отдавъ ихъ въ чьи-то болѣе надежныя руки.

Къ шести годамъ индивидуальныя черты стали проявляться въ неожиданно рѣзкихъ формахъ: я сталъ учиться читать и много ѣсть.

Первое сильно поощрялось, второе вызывало нѣкоторое опасеніе.

Помню, что оно вылилось даже въ открытое признаніе со стороны матери, которая однажды, погладивъ меня по головѣ, задумчиво сказала:

— Этотъ мальчикъ ѣстъ, какъ лошадь.

На меня это подѣйствовало ободряюще, потому что въ то время каждая лошадь вызывала во мнѣ искреннее уваженіе и нескрываемое восхищеніе и, если во время какой-нибудь игры мнѣ удавалось удачно заржать, я бѣжалъ къ старшей сестрѣ, отрывалъ ее отъ книгъ и съ замѣтной гордостью дѣлился своими впечатлѣніями:

— А я ржать какъ умѣю... Какъ настоящій...

Большей частью я оставался непонятымъ. У другихъ это не вызывало прилива большого восторга.

Къ этому же времени надо отнести мое первое знакомство съ товарообмѣномъ и приблизительной стоимостью денегъ.

Однажды, удачно вымѣнявъ подаренный какимъ-то гостемъ полтинникъ на большое яблоко, я быстро пристрастился къ этому занятію и удачно завелъ торговыя постоянныя сношенія со всѣми дворовыми мальчиками. Впрочемъ, одну изъ самыхъ крупныхъ своихъ торговыхъ операцій, когда я вымѣнялъ гимназическую фуражку брата на два большихъ гвоздя, я считаю неудачной.

Думаю, что это названіе не преувеличено; братъ загналъ меня возможно дальше отъ родительскихъ глазъ въ уголокъ какого-то сарая и долго билъ, не жалѣя ни энергіи, ни времени, точно дѣло шло не о простой засаленной фуражкѣ, а о цѣломъ гардеробѣ оперной пѣвицы.

Я былъ безпомощенъ. Брату это понравилось, и съ этого дня онъ сталъ бить меня довольно часто, не всегда затрудняясь подыскивать подходящія причины.

Это отчасти — а не какія-нибудь няньки — и дало толчекъ моей творческой фантазіи. Такъ какъ онъ билъ меня въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ мои крики ничѣмъ существенно помочь не могли, плакать я прибѣгалъ на болѣе близкое разстояніе къ дому. Еще не понимая, что всякое событіе должно имѣть свою причину, я сталъ пользоваться плачемъ, такъ ска-

зать, въ видѣ аванса, еще въ предчувствіи избіенія. Выбиралъ мѣсто подъ окномъ материнской спальни, во время ея сна, и начиналъ ревѣть.

Обласканный, я съ каиновскимъ хладнокровіемъ сплеталъ на брата массу жестокихъ небылицъ, въ результатѣ которыхъ онъ ходилъ жестоко наказанный, а я бѣгалъ около него и дразнилъ.

Желая найти выходъ негодующему чувству, онъ находилъ сестру и билъ ее. Она была значительно старше меня, но фактъ одинаковой зависимости отъ брата сближалъ насъ, и я даже чувствовалъ извѣстное превосходство, какъ уже привыкшій къ этому дѣлу человѣкъ.

Читалъ я къ восьми годамъ уже много. Подборъ книгъ особый. Сказки я презиралъ: въ это время меня уже трудно было убѣдить въ томъ, что зайцы разговариваютъ о погодѣ. Я еженедѣльно видѣлъ одного изъ нихъ на кухнѣ въ ободранномъ видѣ и зналъ, что ѣдятъ только переднюю часть, а изъ задней варятъ супъ собакамъ. Меня влекла другая литература. Я охотно читалъ книги, которыя удавалось скрасть изъ книжнаго шкафа. И чѣмъ непонятнѣе была книга (назову любимыхъ авторовъ: Мопасанъ, Шопенгауэръ, Бѣлинскій), тѣмъ она болѣе выростала на моихъ глазахъ.

Это осталось и до сихъ поръ. Даже теперь я съ глубокимъ чувствомъ уваженія смотрю на исторію живописи, мемуары, исторіи болѣзней, изслѣдованія различныхъ областей чистой математики, охотно переплетаю ихъ и дарю на именины чѣмъ-либо непріятнымъ для меня людямъ.

Къ восьми же годамъ я почувствовалъ острую нужду въ деньгахъ. Безъ нихъ для меня ближайшій магазинъ, гдѣ продавались такія вкусныя вещи, оставался неприступной цѣнностью. Шмыганіе около его дверей, легкое хныканіе и жалкія слова ни къ чему существенному не приводили, а самый фактъ, что гдѣ-то рядомъ лежатъ лимонные леденцы или сухіе абрикосы, абсолютно недосягаемые, могъ кого угодно привести въ бѣшенство. Денегъ, попадавшихся въ руки, хватало въ обрѣзъ: двѣ копѣйки въ недѣлю. Тогда появились первые заработки. Теперь бы я счелъ это большимъ униженіемъ, но тогда я смотрѣлъ на дѣло значительно легче.

Я протискивался въ комнату сестры, когда она рѣшала какую-нибудь трудную ариѳметическую задачу, садился на полъ и начиналъ вести себя настолько шумно, что эта кроткая дѣвочка выходила изъ себя:

— Убирайся, ты мнѣ мѣшаешь...

— А я не уйду!

— А я скажу мамѣ, что ты мѣшаешь...

— А я скажу, что ты меня избила и выгнала изъ комнаты.

Въ ея большихъ черныхъ глазахъ вспыхивала тѣнь болѣзненнаго негодованія, и она горестно замолкала.

Именно, въ этотъ моментъ я и могъ выступить съ опредѣленнымъ предложеніемъ:

— Дай двѣ копѣйки, тогда уйду.

Она рылась въ карманахъ, перевертывала книги и находила монету. Въ этотъ день я считалъ себя

самостоятельнымъ взрослымъ человѣкомъ, умѣющимъ своими силами зашибить копѣйку.

Я бралъ приблизительно такую же сумму, въ видѣ отступного, съ брата, съ обязательствомъ не увязываться за нимъ, когда онъ пойдетъ гулять, съ матери — за гарантію не вертѣться около таза съ кипящимъ вареньемъ и даже съ милаго старика сосѣда — за полный отказъ отъ привлекательной возможности бросать камнями въ его пчелиные ульи.

Въ то время у меня не было постоянной работы, я былъ молодъ и ко всѣмъ своимъ поступкамъ относился съ благодушнымъ одобреніемъ. Двѣ копѣйки... Развѣ можетъ кто-нибудь изъ васъ, отравленныхъ сегодняшнимъ днемъ, понять, какая это большая ободряющая сумма?.. Можно выиграть имѣніе, можно растратить тысячи на пустяки, можно проѣсть сто рублей, но ничто не вызоветъ такого радостнаго волненія и сладко мучительныхъ колебаній въ душѣ, когда въ рукахъ восьмилѣтняго, полнаго вѣры въ жизнь и ея радости, молодого человѣка, окажутся двѣ копѣйки.

Сколько плановъ и предположеній, когда въ лѣтній полдень ходишь по двору съ двумя копѣйками плотно зажатыми въ кулакѣ, и обдумываешь, сразу ли кинуть всю сумму на пріобрѣтеніе различныхъ благъ, или оставить копѣйку на черный день, каковымъ можетъ оказаться и завтрашній. Тѣмъ болѣе, что во время моего дѣтства на одну копѣйку давали три большихъ карамели или цѣлый карманъ подсолнуховъ, не говоря уже о томъ, что на двѣ копѣйки можно было купить полфунта яблокъ. Если

къ этому прибавить, что приказчики въ провинціи были радостны и разговорчивы и совсѣмъ не обращали вниманія на мѣшки съ черносливомъ, который удобно и незамѣтно прятался за пазухой — волненіе человѣка съ двумя копѣйками было вполнѣ понятно...

Между семью и восемью годами я не сильно обременялъ квартиру своимъ присутствіемъ, являясь большей частью только къ обѣду, да и то такъ облѣпленный грязью отъ ногтей до висковъ, что до мытья становился неузнаваемымъ даже для близкихъ.

Въ большомъ городѣ мальчику изъ хорошей семьи нужно потратить очень много времени для того, чтобы придумать такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ вымазаться. Даже теперь, когда я встрѣчаю этихъ чистенькихъ мальчиковъ, у меня въ душѣ просыпается жалость. Хочется поймать его и окунуть въ лужу. Родители, конечно, нашли бы мое поведеніе страннымъ и высказались бы противъ, но мальчикъ сразу почувствовалъ бы, что корабли сожжены, и сразу оживился бы. Игралъ бы онъ тогда значительно веселѣе. Провинція это понимаетъ.

Прежде всего утромъ каждому изъ малолѣтнихъ жильцовъ нашей улицы вмѣнялось старымъ обычаемъ въ обязанность сбѣгать въ сосѣдній оврагъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Во-первыхъ, безъ нашего вѣдома туда кто-нибудь могъ сбросить дохлую кошку, и ее надо было осмотрѣть, во-вторыхъ, среди насъ была крѣпкая увѣренность, что тамъ водятся черти и днемъ было совершенно безопасно осматри-

вать тѣ норы, гдѣ они прячутся... Не только активный участникъ, но даже пассивный наблюдатель вылѣзалъ изъ оврага съ такимъ запасомъ земли на всемъ тѣлѣ, что старшіе неоднократно грозились посѣять на насъ картошку или рѣпу.

Къ ихъ чести надо добавить, что ни разу этой угрозы они въ исполненіе не приводили.

Когда до меня стали доходить отдаленные слухи, что меня хотятъ черезъ годъ отдать въ гимназію, я сталъ часто плакать. Это былъ мой первый искренно высказанный взглядъ на систематическое образованіе.

Обиженная такимъ непониманіемъ жизни и ея требованій, мать какъ-то сухо замѣтила, что если я буду плакать, она отдастъ меня въ ученье сапожнику.

Увы, зерно нравоученія упало не на ту почву. Я искренно обрадовался и почти полгода лелѣялъ мечту, что меня отдадутъ сапожнику, и я буду разносить по домамъ ботинки, снимать мѣрки, приходить по праздникамъ за чаевыми, а когда меня будутъ хвалить за хорошія подметки, улыбаться и, какъ Матвѣичъ, нашъ дворовый сапожникъ, хрипло отвѣчать:

— Работамъ, какъ умѣмъ.

Матвѣича я очень уважалъ и ставилъ на недосягаемую высоту за умѣнье сплевывать сквозь зубы. Это выходило страшно внушительно и выдѣляло его изъ ряда другихъ, не умѣющихъ такъ прекрасно держаться, людей.

Помню, что я цѣлую недѣлю учился этому самостоятельно, а когда понялъ, что это требуетъ опыт-

наго педагога, бралъ уроки у самого Матвѣича, отплативъ ихъ большимъ рыбьимъ хвостомъ и французской бутылкой, выпрошенными у себя на кухнѣ. Кухня... Довольно долгое время она замѣняла мнѣ театръ, аудиторію и мѣсто, гдѣ можно съ пользой повеселиться...

На кухнѣ можно было видѣть, какъ добиваютъ сонную рыбу, какъ вытаскиваютъ заглотыша изъ сома, какъ щиплютъ курицу и изъ нея же извлекаютъ недонесенныя яйца... На кухнѣ можно было заранѣе узнать, когда родится теленокъ и на что можетъ пригодиться при простудѣ шерстяная ниточка. Съ кухни я всегда возвращался съ ворохомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, каковые доводилъ за обѣдомъ до всеобщаго свѣдѣнія.

Вопросы эти носили всегда настолько рѣзкій и злободневный характеръ, что сладкое я доѣдалъ въ сосѣдней комнатѣ. Слабыя обѣщанія, что я узнаю все, когда выросту большой, въ то время меня утѣшали мало.

Меня стали брать въ гости. Съ этого момента начинается уже другая полоса въ жизни, совершенно самостоятельная, о которой я какъ-нибудь разскажу въ другой разъ.

Я сейчасъ опять вспомнилъ, что я не изобрѣтатель электрической лампочки, и моя біографія не такъ уже интересна...

ПЕЧЕНЬ

Каждый изъ насъ похожъ на хозяина громадной квартиры, гдѣ каждая комната сдана одному жильцу, всегда готовому напакостить. Вотъ въ крайней комнатѣ старая дѣва — слѣпая кишка, всегда вѣжливо ноющая и вдругъ внезапно начинающая рвать волосы, биться въ истерикѣ и писать предсмертныя записки.

Вотъ сосѣдки по комнатѣ, двѣ злобныя сплетницы-старухи — почки. Обѣ долго живутъ мирно со всѣмъ населеніемъ квартиры, ихъ незамѣтно по цѣлымъ днямъ, — какъ ни съ того, ни съ сего обѣ вѣдьмы поднимаютъ бѣшенный скандалъ, стучатъ кулаками въ стѣны и пугаютъ проклятіемъ. Вотъ жилецъ самой маленькой комнаты, честный канцеляристъ — желудокъ, работающій по четырнадцати часовъ въ сутки, аккуратно платящій за квартиру. Его не видно, не слышно, но два раза въ году онъ запиваетъ, бьетъ стекла, бѣгаетъ по коридору съ ножомъ грозится всѣхъ вырѣзать.

Много еще такихъ квартирантовъ въ насъ. Я не знаю всего населенія квартиры и отношусь къ нему съ большимъ предубѣжденіемъ. Когда болитъ рука, ее можно перевязать, горло можно сма-

зать и даже зубу можно кинуть какую-нибудь дешевую взятку изъ аптекарскаго магазина, но когда начинаетъ чувствовать себя не на мѣстѣ что-то внутреннее, еще ни разу не давшее знать о себѣ — становиться противно, что нельзя отнести себя въ какую-нибудь добросовѣстную мастерскую для прочистки всего механизма...

Одинъ пожилой человѣкъ спросилъ меня, знаю-ли я, что такое печень.

Я отвѣтилъ, что не смѣшаю ее съ мухоловкой или охотничьимъ ружьемъ, но близко не знакомъ.

— Когда-нибудь узнаете... — недружелюбно попророчествовалъ онъ.

— Что-же, это интересно, — легкомысленно согласился я, — навѣрное, и у меня есть печень.

Дѣйствительно, въ это время я еще не зналъ, что за квартирантъ, живущій въ насъ гдѣ-то недалеко отъ двухъ старыхъ вѣдьмъ и канцеляриста. Случай натолкнулъ меня познакомиться ближе.

*

Я ѣхалъ на пароходѣ. Попался очень милый сосѣдъ по каютѣ, пожилой инженеръ, много видавшій въ своей жизни и занимавшій меня разсказами.

Какъ-то вечеромъ я замѣтилъ, что онъ сталъ сдержаннѣе въ разговорѣ, хмурился и мрачно смотритъ на жизнь.

— Вамъ, кажется, нездоровится? — вѣжливо спросилъ я. Онъ холодно посмотрѣлъ на меня, аккуратно сложилъ газету и въ упоръ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— А позвольте васъ спросить, — змѣинымъ шопотомъ началъ онъ, — какое вамъ дѣло? Что вы мнѣ — сватъ, братъ...

— Нѣтъ, — робко отвѣтилъ я, — не сватъ и не братъ.

— Такъ какого-же чорта вы лѣзете ко мнѣ, — истерически завопилъ онъ, — съ вашими идіотскими вопросами!

— Я думалъ, что вы...

— А, вы думали! — возмущенно крикнулъ онъ.

— Вы думали... А я не могу думать?..

— Можете, конечно...

— А если я васъ съ вашимъ багажомъ...

— Позвольте...

— Нѣтъ, это вы позвольте... Если вы скажете еще хоть слово, я...

Вдругъ онъ быстро улыбнулся, радостно потеръ руки и облегченно вздохнулъ.

— Отпустила...

— Кто отпустила? — быстро начавъ увязывать вещи, спросилъ я, искоса поглядывая — открыта-ли дверь.

— Печень, печень, батюшка... Съ самаго утра видѣть сегодня никого не могу... Вы не сердитесь?

— Да я-то нѣтъ, собственно... Не люблю я очень, чтобы кричали на меня...

— Да развѣ я кричу? — виновато опустилъ онъ глаза, — печень кричитъ.

— Какой у нея непріятный голосъ...

— А вы думаете. Жена около одиннадцати лѣтъ выдерживала. Потомъ съ адвокатомъ однимъ сбѣ-

жала. Ничего, и у адвоката печень есть. Здѣсь университетское образованіе не при чемъ. Чайку бы выпить...

— Вы не зовите. Я пойду скажу самъ...

Провозился я на палубѣ минутъ десять. Когда вернулся обратно въ каюту, инженеръ сидѣлъ спиной къ двери и куда-то сосредоточенно смотрѣлъ:

— Ну, сейчасъ чай будетъ...

— Что? — вскочилъ онъ со стула. — Чай? Можетъ, еще мороженное будетъ. Можетъ быть, вы слона сюда принесете?

— Послушайте...

— Нѣтъ, вы послушайте!.. Я не позволю вамъ...

Я перешелъ въ другую каюту. Часа черезъ два онъ сидѣлъ у меня и извинялся нѣжными, кроткими словами. Я отпустилъ его съ игривой пѣсенкой на устахъ, а черезъ двѣ минуты до меня долетѣло бѣшеное рычанье изъ коридора.

— Кошка?! Кошку на пароходѣ завели! А если я ее за хвостъ и въ дымовую трубу?!.. А если я... А если она...

Тогда я уже началъ понимать, что такое печень. Въ дальнѣйшемъ я понялъ это еще осязательнѣе.

*

Я запомнилъ одного нотаріуса, у котораго была прекрасная практика до первыхъ самостоятельныхъ шаговъ его печени.

Кліенты уходили очарованные его мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ и небывалой воспитанностью.

— Ваша уважаемая бумага немного недѣйствительна, — ласково объяснялъ онъ кліентамъ, — во-первыхъ, на ней подложная подпись, во-вторыхъ, на ней по-японски написано нѣсколько ругательствъ, что не можетъ служить копіей коммерческаго договора.

Кліентъ, очарованный лаской въ чужомъ помѣщеніи, оставался снимать копію со старыхъ погашенныхъ векселей только для того, чтобы услышать еще нѣсколько словъ объ уваженіи и преданности, и уходилъ домой, унося въ душѣ самое трогательное воспоминаніе о нотаріусѣ.

Не прошло и трехъ лѣтъ со дня первой боли въ печени, какъ нотаріальная контора сдѣлалась грозой мѣстнаго района и стала безлюдной.

Нотаріусъ сидѣлъ у входа въ контору и ругалъ всѣхъ проходящихъ мимо. Если приходилъ кліентъ, онъ хваталъ его бумаги, кричалъ на него, что это украденный вексель, и грозился сейчасъ-же позвать полицію.

Кліенты убѣгали, оставляя въ его рукахъ цѣнные документы и требовали ихъ обратно черезъ полицію. По ночамъ онъ плакалъ слезами раскаянія, въ минуты примиренія печени съ окружающей ее обстановкой, но въ это время кліенты спали у себя по домамъ и контора была закрыта.

Значительно позже, когда этотъ нотаріусъ вырѣзалъ себѣ печень, дѣло его, дававшее семь тысячъ убытка, стало приносить двадцать двѣ тысячи прибыли.

По отношенію къ печени почему-то существуетъ выраженіе: разыгралась. Это выраженіе, конечно, гораздо больше подходитъ къ грозѣ или артисткѣ, но я охотно употребляю его по отношенію къ печени одной молодой красивой дѣвушки, моей доброй знакомой. Почему у нея была эта болѣзнь статскихъ совѣтниковъ и старыхъ редакторовъ — я не знаю. Даже если допустить, что она была захвачена не по чину и возрасту, наличность ея отвергать было бы нелѣпо.

Эта дѣвушка въ теченіе одного приступа выгоняла изъ собственнаго дома до семи молодыхъ людей, каждый изъ которыхъ былъ заранѣе приглашенъ ея родителями.

Подгоняемая печенью, она не знала пощады. Одного нашего общаго знакомаго она послала домой заняться дѣломъ еще въ тотъ моментъ, когда онъ съ пріятной улыбкой на чисто-выбритомъ лицѣ снималъ пальто въ передней.

Еще грустнѣе кончились ея добрыя отношенія съ однимъ талантливымъ архитекторомъ, къ которому она привязалась изъ-за его голоса, во время дѣлового разговора о срокѣ и подробностяхъ ихъ свадьбы.

— У Лизы очень доброе сердце, — въ утѣшеніе бѣдному архитектору сказалъ отецъ этой дѣвушки.

— Да, но у нея печень! — съ ужасомъ въ глазахъ пробормоталъ несчастный юноша и въ тотъ-же день уѣхалъ въ провинцію. Тамъ онъ выгодно женился жилъ въ большой дружбѣ съ женой и только ворчалъ, когда къ столу подавали жареную печенку.

А Лиза очень скучала о немъ, плакала вмѣстѣ съ закадычной подругой, а когда подступала печень, бросала карточку испугавшагося архитектора на полъ, топтала ее ногами и говорила, что выкинетъ его изъ дома, если онъ пріѣдетъ съ визитомъ.

•

Я и самъ ужасно боюсь этого кусочка внутренностей. Непріятно, привыкнувъ быть совершеннымъ въ выраженіяхъ, вѣжливымъ и скрытнымъ въ области душевныхъ переживаній, вдругъ начать разговоръ съ человѣкомъ, пришедшимъ справиться о здоровьѣ, въ явно неподходящемъ тонѣ.

— А какое вамъ дѣло?

— Да я собственно...

— Что-же тамъ: собственно?

— Видите-ли...

— Ничего я не вижу.

А потомъ на другой день похлопывать его заискивающе по плечу и виновато улыбаться:

— Вы ужъ не сердитесь... Все печень проклятая...

КНИГИ

Когда на улицѣ, особенно въ сумерки, встрѣчаешь красивую женщину, какъ-то робко сжимается и падаетъ сердце. Я не понимаю, почему это происходитъ, но отъ этого внезапнаго и короткаго ощущенія чужой красоты самъ начинаешь казаться себѣ какимъ-то забитымъ, незамѣтнымъ и обиженнымъ.

Пройдетъ полчаса, душа заполнится другимъ, о чемъ думалъ раньше. Но когда придешь домой и останешься одинъ въ комнатѣ, промелькнувшее лицо вспыхнетъ и затеплится гдѣ-то внутри, какъ колебанье отъ лампадки.

Во мнѣ оставляютъ такой же слѣдъ, заставляютъ переживать то же самое нѣкоторыя книги. Часто передъ какой-нибудь очередной, надоѣвшей работой возьмешься за такую книгу, вчитаешься, и вдругъ почувствуешь такую силу таланта въ ней, такой красивый умъ и радостный, какъ трава на городскомъ дворѣ, языкъ, — что откладываешь ее въ сторону и по-ребячьи начинаешь грустить, какъ гимназистъ, котораго не взяли на пикникъ.

И когда садишься писать, каждое свое слово кажется такимъ сухимъ, деревяннымъ, повторнымъ — до полнаго отчаянія... Можетъ быть, безъ такихъ

минутъ каждый изъ насъ очерствѣлъ-бы и заглохъ, но онѣ очень тяжелы...

Сотни умныхъ людей не могутъ такъ перевернуть душу, какъ одна нѣжная и умная книга.

*

Въ моемъ представленіи книги — тѣ же люди.

Вотъ книга — инженеръ, съ мягкимъ голосомъ и хорошимъ заработкомъ. Въ волосахъ его пріятная сѣдина; онъ чисто одѣвается, у него жена полная красивая брюнетка, которая заботится о немъ и его двухъ дѣтяхъ. Когда-то онъ бродилъ по улицамъ и искалъ случайныхъ встрѣчъ, потому что бурлила душа отъ одиночества; потомъ писалъ рефераты о соціализмѣ и горячо спорилъ. Теперь все это ушло. Онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ, хорошо обращается со служащими, спроситъ въ кабинетѣ правленія о прибавкѣ мелкимъ конторщикамъ и учитъ семилѣтняго братишку горничной.

Но инженеръ забылъ что-то. Онъ забылъ цвѣты, забылъ малиновую кофточку, мелькавшую въ зелени сада; забылъ, какъ онъ вскакивалъ въ постели и долго ходилъ по комнатѣ только потому, что невдалекѣ игралъ какой-то провинціальный вальсъ оркестръ. Онъ забылъ, какъ онъ смотрѣлъ черезъ окно въ небо и, сжимая кулаки, клялся отказаться отъ Бога за то, что онъ голоденъ; надъ нимъ смѣялась въ глаза дѣвушка съ длинными и нѣжными пальцами и розоватой шеей, а потомъ бѣжалъ къ церкви и въ мучительномъ страхѣ крестился на старую потемнѣвшую икону.

Такая книга-инженеръ — большой бытовой романъ. Кто-то неглупый и умѣющій писать сѣлъ и описалъ жизнь шести человѣкъ, спаянныхъ однимъ помѣщеніемъ и стремленіемъ сойтись въ этомъ помѣщеніи, или убѣжать изъ него. Все умѣло, правдоподобно и похоже на жизнь. Каждый человѣкъ изъ романа — на лицо. Говоритъ, что нужно. Дѣлаетъ, что нужно...

И все это, точно разсказъ о неблизкихъ родныхъ, который выслушиваешь безъ напряженія, но только для того, чтобы забыть его черезъ недѣлю. Это не паутина, плавающая по воздуху и сплетающаяся въ небывалые узоры, а нитка на бумагопрядильной фабрикѣ, идушая по желобкамъ и челнокамъ... Паутину разовьетъ вѣтеръ: полюбуйся ея узоромъ и запомни. А нитка не перервется — пущенная опытными руками по желобкамъ новѣйшей конструкціи машины: она тянется, тянется длинная, робкая, увѣренная въ своемъ приходѣ до стальной вертѣлки, сматывающей ее въ катушку.

Меня не волнуютъ эти книги-инженеры. Я рекомендую ихъ знакомымъ, когда у меня просятъ почитать.

— Только мнѣ не ерунду, а такъ что-нибудь.

— Возьмите эту книгу! Хорошая.

И странно, что такую книгу даже возвращаютъ. Не-какъ ту, которую вы любите и которую, унося отъ васъ, не читаютъ, а, продержавъ у себя полгода, передаютъ по ошибкѣ другому.

Меня эти книги не заставляютъ что-нибудь переживать. Неоплодотворяющія книги.

Такую книгу можно написать... Если бы у меня не болѣла спина, не было бы головныхъ болей и можно бы мѣсяца три отдохнуть, я написалъ бы такую.

Это такъ же обидно, какъ сказать какому-нибудь любителю о его хрустальной вазочкѣ:

— Ахъ, эта... А у меня было нѣсколько штукъ такихъ, да я раздарилъ... Видъ очень дешевый...

Есть книги, которыя на меня производятъ такое же впечатлѣніе, какъ прилично одѣтый и выдержанный въ разговорѣ, сутенеръ, случайно приведенный кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ къ вамъ домой на именины, или на дачу.

Вы чувствуете, именно чувствуете, а не догадываетесь, что его золотой портсигаръ купленъ какой-нибудь пудреной старой женщиной, у которой запахъ крѣпкихъ духовъ не можетъ отбить отвратительнаго запаха дряблаго и толстаго женскаго тѣла. Костюмъ сшитъ портнымъ, подъ поручительствомъ какого-нибудь деликатнаго человѣка, которому неловко было отказать въ этомъ, и теперь онъ ежемѣсячно выплачиваетъ изъ двухсотрублеваго жалованья за право наглаго человѣка быть въ хорошемъ сѣромъ костюмѣ. И въ каждомъ словѣ его, въ каждомъ жестѣ его мнѣ слышится что-то оскорбительное, какъ хриплая торговля проститутки подъ окномъ у чахоточнаго. Съ мужчинами онъ разговариваетъ подчеркнуто вѣжливѣе, чѣмъ съ женщинами. Я хорошо

знаю, что если всѣмъ уйти и оставить его наединѣ съ той гимназисточкой, съ черной бархаткой въ волосахъ, которая пришла ко мнѣ провѣрить свое сочиненіе и сейчасъ съ дѣтскимъ конфузливымъ удовольствіемъ вылавливаетъ цукаты изъ торта, онъ скажетъ ей что-нибудь такое нехорошее, отъ чего гимназисточка вдругъ сразу заплачетъ и, уходя сейчасъ-же домой, посмотритъ на меня грустными, обиженными глазами.

Я много видѣлъ, многихъ зналъ и такой человѣкъ мнѣ понятенъ сразу. Но всѣ, сидящіе у меня, слушаютъ его наглую болтовню, хамскій паѳосъ и мелкую ложь, повидимому, съ удовольствіемъ. Особенно женщины.

И я не могу ничего сдѣлать. Какъ я могу объяснять каждому, что это за человѣкъ. А если я, когда всѣ станутъ расходиться, остановлю кого-нибудь и сухо попрошу:

— Вы бы ужъ лучше не приводили бы этого типа...
— всѣ неохотно улыбнутся.

Неужели могъ я, котораго они почему-то считаютъ неглупымъ, могъ приревновать посторонняго молодого человѣка за вниманіе, какое ему оказано...

И книги такія есть. Это тѣ повѣсти и сборники разсказовъ, о которыхъ сначала узнаешь по газетамъ, по большимъ объявленіямъ: готовится къ «печати», и по тѣмъ разговорамъ о нихъ, которые шумны и противны мнѣ почему-то, какъ кухарочья сплетня о новомъ дворникѣ. Въ такой наглой книгѣ всѣ вопросы дня. Здѣсь неестественная любовь, ренегатствующіе политики, проблемы дѣтской невозму-

жалости и старческаго безсилія... Здѣсь все, что заставляетъ говорить о себѣ, какъ замѣтка городской хроники вечерней газеты.

— Читали?

— Читалъ. И что администрація смотритъ...

Это — романы писательницъ, разсказывающіе о мужчинахъ съ низкими лбами и крѣпкими мускулами, насилующихъ и обольщающихъ. Это — романы писателей о демоническихъ женщинахъ, говорящихъ о жизни по краткимъ учебникамъ философіи для экстерновъ и покоряющихъ сердца геніевъ мѣстнаго района.

Здѣсь все украдено, сбито въ приторную пѣну и запаковано въ пестрыя коробочки съ лаковыми картинками. И чѣмъ наглѣе такая книга-сутенеръ, тѣмъ больше о ней говорятъ, спорятъ и пишутъ, и тѣмъ противнѣе она мнѣ... Въ ней что-то площадное, какъ въ большихъ плакатахъ о новыхъ десятикопѣечныхъ папиросахъ.

Такая книга можетъ лежать у меня на столѣ по мѣсяцамъ. Я безпомощно буду бороться съ ней и не смогу ее прочесть. А если и прочту, то никогда не заговорю о ней ни съ кѣмъ. Развѣ можно говорить о такой книгѣ, когда ее только что освѣжевали, какъ свиную тушу, десять газетныхъ обозрѣвателей и пять фельетонистовъ...

— Читали книжку эту самую?

— Читалъ.

— Занятная. Въ ней даже что-то новенькое въ темкахъ есть...

Нѣтъ. Даже великосвѣтскій романъ восьмидесятыхъ годовъ, напоминающій стараго приживала въ блестящемъ отъ времени сюртукѣ и грязномъ, всегда съѣхавшемъ на-бокъ и вылѣзающемъ въ сторону галстухѣ — лучше.

*

Всѣ уѣхали. Прислуга пришла и отпросилась на цѣлый день со двора. Отпустилъ. Праздничный день; на улицѣ солнце, тепло.

— И великолѣпно, что никого нѣтъ. По крайней мѣрѣ поработаю, почитаю, полежу — полѣнюсь...

Два часа это дозволяетъ полное удовольствіе. И вдругъ становится скучно. Такъ скучно, что высовываешься изъ окна и начинаешь смотрѣть внизъ — кто идетъ по двору, куда бѣжитъ кошка, и удастся ли воробью стащить кусочекъ булки съ кухоннаго окна. Потомъ начинаешь звонить по телефону. Въ это время никого нѣтъ дома — какъ будто всѣ знакомые сговорились уѣхать на этотъ день изъ города, или пойти по театрамъ и гостямъ.

Звонишь къ людямъ, которыхъ просто не долюбливаешь. Все равно — придетъ, посидитъ, живой человѣкъ рядомъ будетъ. И даже заранѣе чувствуешь, какъ онъ, разогнавъ обидную тоску, уйдетъ, и это будетъ пріятно.

И вдругъ звонокъ у дверей. Отворяешь съ недовѣріемъ — навѣрное, кто-нибудь ошибся квартирой. Кто же можетъ пріѣхать сейчасъ?

— Ты дома? Вотъ не думалъ, что застану...

— Боже мой, да это ты... Вотъ хорошо-то сдѣлалъ что пришелъ...

Милый старый пріятель. Васъ почему-то отдѣлила отъ него жизнь; вы переѣхали на другой конецъ города, ѣздить другъ къ другу далеко. Даже не встрѣчались на улицѣ... Но прежняя дружба осталась. И вотъ сейчасъ начнутся разговоры о какихъ-то общихъ Мишкахъ и Николаяхъ Ивановичахъ, о знаменитой ступенькѣ, черезъ которую всѣ спотыкались, о привычкахъ старой квартирной хозяйки.

Все настроеніе разомъ мѣняется. День уже не кажется такимъ, требующимъ выхода на улицу. Шлепая туфлями, вы сами бѣгаете на кухню подогрѣвать чай, роетесь въ буфетѣ, разыскивая что-нибудь сладкое къ чаю... Долго тянется мягкая бесѣда, и вамъ почему-то безконечно милыми кажутся лицо, и каждое простое слово, и шутка человѣка, пришедшаго посидѣть и вспомнить старое...

Такихъ старыхъ товарищей-книгъ немного. Чаще всего такую книгу можно купить у букиниста. Роешься въ сваленныхъ грудахъ безплатныхъ приложеній, или полуоборванныхъ книжонокъ безъ переплетовъ, въ крайнемъ случаѣ, съ одной корочкой, покупаешь ее на всякій случай, приносишь домой и почти забываешь ее въ ежедневной сутолокѣ. А когда становится мутно на душѣ, возьмешь ее изъ шкафа и долго еще не рѣшаешься читать.

— Стоитъ-ли?

Начнешь читать, вчитываешься и не оторвешься три-четыре часа.

Такія книги у Диккенса, у стараго рубахи-парня Твэна и немного сантиментальнаго отъ усталости ума Джерома. На каждой страницѣ какая-нибудь строчка заставляетъ на секунду оторваться отъ книги и улыбнуться ласковой улыбкой. И когда дочитаешь книгу, кажется, что закрылъ дверь за кѣмъ-то, съ кѣмъ сжился и кто уѣзжаетъ, можетъ быть, навсегда.

Есть книги — какъ дворовый скандалъ. Нѣтъ ничего интереснаго въ томъ, что дворникъ завелъ драку и крупную ругань съ возчикомъ, выкладывающимъ у забора дрова. Изо всѣхъ оконъ высовываются горничныя, по чернымъ лѣстницамъ шопотъ любопытныхъ. И самъ почему-то высовываешься изъ окна. Забываешь объ этомъ черезъ двѣ минуты, но все-таки остаются въ памяти фигуры двухъ освирѣпѣвшихъ людей — съ полѣньями въ рукахъ.

Такія книги — разоблаченія. Выгнанный жуликъ разоблачаетъ тайны цирковой борьбы. Неудачный журналистъ разоблачаетъ конторскія тайны газеты, въ которой онъ не смогъ устроиться работать. Обозленный, неотдохнувшій лѣтомъ чиновникъ подъ псевдонимомъ разоблачаетъ свой департаментъ. Кажется, нѣтъ никакого дѣла до всего этого, а хватаешь книжку и читаешь... Развѣ легко не прислушаться къ тому крику на дворѣ, по поводу котораго такой топотъ по черной лѣстницѣ?

•

Есть книги — старыя дѣвы изъ богатыхъ семействъ, начинающія подчитываться и эксцентричничать отъ безнадежности въ области брака. Это — книги новеллъ, лирическихъ миніатюръ и символическихъ пьесъ. Ихъ никто не читаетъ цѣликомъ. Обидно разрѣзываютъ въ рединѣ и забываютъ вмѣстѣ съ разрѣзнымъ ножомъ на ночномъ столикѣ.

— Гдѣ это у меня ножъ?.. Вы не видѣли? Кажется, что я оставилъ его въ какой-то книгѣ, а какой — не помню.

Совсѣмъ какъ о тѣхъ старыхъ дѣвахъ:

— Да, и Стеблицкая была, кажется, неглупая, только манерная ужъ очень. У ней, между прочимъ, такія же серьги, какъ у Нины. Вы давно Нину не видѣли?

*

По-моему каждому типу человѣка есть параллельная книга.

Вотъ родственникъ, пріѣхавшій погостить и котораго не только нельзя выжить, но еще надо съ нимъ возиться — толстый романъ классика, о которомъ было кѣмъ-то съ укоромъ сказано: такую книгу надо знать, батенька...

Вотъ тупой идіотъ съ зеленымъ галстухомъ и дубовой логикой, знакомый по дачѣ — соціальный романъ, переданный какимъ-то редакторомъ, съ просьбой написать о немъ поскорѣе рецензію.

Надоѣдливый юноша, сынъ бывшаго квартирнаго хозяина, робкій, но упорный въ своихъ разговорахъ

о красотѣ природы и необходимости одиночества — томикъ лирическихъ стиховъ неудачнаго, но грамотнаго поэта...

⁘

Но книги лучше людей. Ихъ можно захлопнуть и бросить. Ахъ, если бы можно было подходить къ разнымъ умнымъ циникамъ и веселымъ тупицамъ и захлопывать ихъ, какъ книги, для того, чтобы, втиснувъ среди другихъ книгъ въ шкафъ, забыть ихъ. Этого нельзя. Люди мало даютъ, но много требуютъ. Книги даютъ много и требуютъ мало: способности думать и чувствовать...

ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО

(Руководство для чужихъ)

На стѣнахъ американскихъ конторъ, особенно около неспособныхъ и тупыхъ клерковъ, висятъ маленькія картонныя таблички съ напечатанными на нихъ правилами: «Какъ надо жить».

Тупые клерки опасливо посматриваютъ на нихъ, опаздывая на службу, или прокуривъ время для срочной работы. Пользы, конечно, отъ этихъ табличекъ столько же, какъ если бы вмѣсто нихъ висѣло прошлогоднее расписаніе дачныхъ поѣздовъ. Если бы какой-нибудь очень послушный, придурковатый клеркъ захотѣлъ жить и работать по этимъ табличамъ, это былъ бы уже не клеркъ, а мѣстный слонъ, и его не стали бы держать въ конторѣ, а исподволь показывали бы въ большомъ городскомъ музеѣ.

Такія правила какъ: «Будь почтителенъ къ старшимъ», конечно, никого не убѣдятъ. Если къ занятому юношѣ подойдетъ убѣленный сѣдинами пьяный фонарщикъ и начнетъ предлагать тутъ же, на дѣловыхъ бумагахъ, устроить азартную игру въ карты, какъ бы ни твердо запомнилъ юноша это правило о вѣжливости, онъ все же принужденъ будетъ выкинуть фонарщика за дверь.

Кромѣ того, пропитавшись абсолютнымъ уваженіемъ къ старшимъ, такой человѣкъ будетъ рѣшительно озадаченъ, когда его спросятъ объ обязанности пожилого человѣка къ молодому. Долженъ ли онъ уважать своего собесѣдника, или наоборотъ, убѣдившись, что на его сторонѣ перевѣсъ въ тридцать восемь съ лишнимъ лѣтъ, можетъ смѣло называть его на ты, посылать за маленькими порученіями и звать унизительнымъ именемъ.

Здѣсь нужны другія правила. Я часто думалъ о нихъ, и въ умѣ у меня мелькаютъ тѣ правила жизни, какія я велѣлъ бы вывѣсить у себя дома, въ конторѣ или другихъ мѣстахъ, гдѣ толчется посторонній народъ.

Я передумалъ всѣ малѣйшія детали ихъ и думаю, что у меня много единомышленниковъ. А главное изъ нихъ это одно:

Не сознавайся въ своихъ ошибкахъ

Вы принесли домой тухлаго сига.

— Этотъ сигъ пахнетъ, — радостно отзываются близкіе люди.

Передъ вами вырастаетъ трудная задача: — признать свою ошибку, или нѣтъ? Если вы сознаетесь, что сигъ тухлый, довѣріе къ вамъ потеряно.

Черезъ два дня васъ спросятъ:

— А это у тебя что? Шоколадъ?.. Дай-ка, я развяжу... Ну и шоколадецъ... Рыбой пахнетъ.

— Можетъ быть, это на кухнѣ селедку приготовляютъ?

— Селедка не при чемъ. Это отъ твоего шоколада какой-то севрюгой пахнетъ. Малосольной.

Вы твердо увѣрены, что этого быть не можетъ. Въ кондитерской, гдѣ вы покупали конфеты, была только одна рыба, да и то нарисованная желтой краской на какой-то коробкѣ.

— Не можетъ рыбой пахнуть.

— Ты скажешь... Принесъ-же въ прошлый разъ тухлаго сига...

И это возраженіе всегда будетъ висѣть надъ вашей головой.

Если вы купите этажерку изъ корельской березы васъ будутъ увѣрять, что она липовая:

— Я же тебя увѣряю...

— Ты увѣряешь... Принесъ же тогда тухлаго сига...

Золотыя запонки, купленныя вами по случаю за два рубля, — непремѣнно мѣдныя и стоятъ сорокъ копѣекъ. Большія, брызжущія сокомъ, груши годны только для компота въ небогатомъ семействѣ. И причиной всему тотъ несчастный сигъ, который оказался гнилымъ, въ чемъ вы сами сознались.

Попробуйте теперь не допускать возможности ошибки съ вашей стороны.

— Что? И ты говоришь, что этотъ сигъ гнилой?..

— Понюхай!

Въ области распознаванія свѣжести продуктовъ обоняніе — вѣрный другъ человѣка. Оно ясно и твердо подсказываетъ вамъ, что этотъ сигъ можетъ служить чѣмъ угодно, вплоть до украшенія письменнаго

стола, какъ пресспапье, но только рѣшительно не годенъ для пищи. Тѣмъ не менѣе съ добродушной и слегка иронической улыбкой вы говорите:

— Этотъ сигъ? Да это прекрасный болотный сигъ, отъ котораго всегда немного пахнетъ тиной.

Если къ вамъ прислушиваются, небрежно добавьте:

— А также водорослями. Немного сладковатый запахъ.

— Никогда не ѣла такихъ сиговъ.

Согласитесь.

— Очень просто. Потому что ты платишь за пару десять рублей, а этотъ одинъ стоитъ девяносто.

Пятирублевый сигъ не обидится за такое преувеличеніе его рыбочной стоимости, а впечатлѣніе получится вѣское.

— Я лично только такіе сиги и люблю. Они, между прочимъ, въ большомъ ходу въ Испаніи. Тамъ ихъ подаютъ во время малыхъ пасхальныхъ праздниковъ. Преимущественно въ Коста-Рико.

— Гдѣ-же ты досталъ такого? — все еще съ легкой тѣнью недовѣрія слышится вопросъ со стороны.

— Конечно, не на спичечной фабрикѣ. Зашелъ въ магазинъ и сталъ обнюхивать рыбу. Сразу по специфическому запаху узналъ.

Всѣ начинаютъ относиться и къ сигу, и къ вамъ съ уваженіемъ. Ѣдятъ его, правда, мало, но вы сидите, какъ истый гурманъ, наблюдая уничтоженіе придуманнаго вами лакомства.

Если даже кто-нибудь, кому попался особенно зеленый кусокъ, сухо проворчитъ: — ну и дураки же эти испанцы, — общій тонъ уваженія къ вамъ отъ этого не уменшится.

Слѣдуя этой теоріи, можете въ любое время угощать кого-угодно кислымъ кавказскимъ виномъ, утверждая, что это дорогое венгерское, перелитое въ обыкновенную бутылку только потому, что при суровомъ русскомъ климатѣ оно можетъ сохраняться въ посудѣ только такой формы.

— Какое же оно кислое... — болѣзненно вырывается у угощаемаго.

— Еще бы, — усмѣхнетесь самовольно, — кислота по спеціальному заказу. Мнѣ спеціально изъ одного мѣстечка около Кисловодска его посылаютъ. Можетъ быть, слышали: Накръ-Уйява?.. Нѣтъ? Жаль, очень хорошее мѣстечко.

Будучи пойманнымъ въ томъ, что вы не знаете какой-нибудь послѣдней новости, взволновавшей всю Россію, не вздумайте сознаться, что не читаете газетъ. Скажите, не скрывая своего насмѣшливаго отношенія къ собесѣдникамъ:

— Тоже... Новость... Да, я объ этомъ полтора мѣсяца тому назадъ зналъ...

— Да, вѣдь, это же три дня тому назадъ случилось.

— Что же, я шведскихъ газетъ не читаю что ли?

Противъ этого аргумента никто уже спорить не сможетъ. Даже, если всѣ твердо увѣрены, что кромѣ русскаго языка, да нѣсколькихъ армянскихъ анекдотовъ съ акцентомъ, вы ничего не знаете.

Что вамъ тогда стоитъ сказать:

— Я — по-шведски? Какъ свои пять пальцевъ. А гдѣ же я, по вашему, до одиннадцати лѣтъ учился? Пойди, провѣряй ваши метрики.

Еще разъ повторяю: никогда не сознавайтесь въ своихъ ошибкахъ, если хотите, чтобы васъ уважали.

*

На моихъ глазахъ женились двое моихъ знакомыхъ.

Одинъ былъ изъ тѣхъ, вѣчно конфузящихся, всегда кающихся и чувствующихъ себя почему-то виноватыми, людей, которыхъ всѣ жалѣютъ и лѣзутъ къ нимъ съ жалостью въ самыя неподходящія для этого минуты.

Онъ женился на рыжей и веснущатой дочери провинціальной вдовы полковника. Это была непозволительно некрасивая, но добродѣтельная до цинизма, довольно пожилая дѣвушка.

За мужемъ она ухаживала, какъ за ребенкомъ. Даже хуже. Утромъ, не давъ ему, какъ слѣдуетъ помыться, она зазывала его разными ласкательными, всегда новыми и тутъ же на мѣстѣ придуманными, именами въ столовую и начинала откармливать необязательными блюдами до обязательнаго завтрака. Она зашивала его бѣлье съ такой радостью, какъ будто бы это была творческая работа по созданію новыхъ цѣнностей для человѣчества. Она слѣдила за порядкомъ у него на столѣ, писала къ нему любовныя письма на службу и такъ густо увѣсила стѣны

своей комнаты его поясными портретами, что негдѣ было вбить гвоздь для полотенца. Тогда, желая нарушить эту жуткую для мужского сердца атмосферу, онъ сталъ привязываться къ ней, что она плохо варитъ кофе.

— Мусикъ, тогда его будетъ варить прислуга, — обиженно предложила она.

— Хочу, чтобы ты сама! — настаивалъ неблагодарный.

— Что хочетъ Лусикъ — для меня законъ!

— Хочу этого!

— Хорошо, Тусикъ.

Весь пропитанный черной неблагодарностью, Тусикъ жаловался у знакомыхъ, что по утрамъ у него скверный кофе.

— Вотъ, — радостно замѣтили знакомые, которые никогда объ этомъ раньше не думали, — мы же говорили чтобы вы на ней не женились...

Тусикъ сознался въ своей ошибкѣ.

— Да, насчетъ кофе я сплоховалъ: не умѣетъ она!

Вымучивъ у него сознаніе какой-то ошибки, его стали жалѣть. Дома у него была спокойная тишина, семейная ласковость и прекрасная атмосфера для работы, но его не отпускали изъ гостей до глубокой ночи.

— Куда вы, еще... Всѣ, вѣдь, знаютъ... Выходите утромъ натощакъ... Сидите ужъ...

Бѣднягу сумѣли убѣдить, что у него дома адъ. Онъ торопился убѣгать изъ своего кабинета, а, воз-

вращаясь домой, входилъ въ столовую, схватившись за голову, и кричалъ:

— Я не могу жить въ этомъ аду... Здѣсь меня мучаютъ, меня окружаютъ враги, мнѣ не даютъ спокойно работать...

Жена его стала сохнуть и къ четвертому году совмѣстной жизни высохла окончательно. У него началось подергиванiе лицевыхъ мускуловъ.

Это былъ глупый человѣкъ.

Другому, о которомъ я упомянулъ, никто не совѣтовалъ жениться на его невѣстѣ.

— Бросьте, — дружески говорили ему, — правда, она очень хорошенькая, у нея милый голосъ, она молода но... Лиза... вѣдь это же существо, которое... Вы же сами черезъ годъ будете сидѣть и методически вырывать у себя на головѣ волосы...

— Не буду!

— Нѣтъ, будете... Къ намъ же жаловаться придете.

— А вотъ, посмотримъ...

— Сознаете свою ошибку, да поздно будетъ...

Рвалъ онъ на себя волосы черезъ болѣе раннiй промежутокъ времени. Это случилось ровно черезъ четыре съ половиной мѣсяца, когда онъ почувствовалъ себя лишнимъ въ домѣ, а незнакомаго молодого человѣка, встрѣченнаго имъ въ будуарѣ жены, кореннымъ туземцемъ въ своей семьѣ.

У него началась мрачная жизнь. Сердечное: «ты», которое царило въ первые два мѣсяца послѣ свадьбы, быстро замѣнилось официальнымъ: «послушайте, вы, какъ васъ»...

Когда у жены было свободное время, а занятаго у нея не было почти совсѣмъ, она кричала на него, не заказывала обѣда, отрывала его отъ работъ очередными скандалами по поводу сезонныхъ туалетовъ и гнала его близкихъ изъ дому съ нехорошими фразами вслухъ.

— У меня домъ похожъ на собачью пещеру у Неаполя, — мрачно думалъ онъ, не совсѣмъ увѣренный, вѣрно-ли онъ называетъ городъ, — съ одной разницей... Въ пещерѣ умираютъ собаки, а здѣсь и человѣкъ больше двухъ дней не выдержитъ...

Онъ ходилъ въ пальто съ рваной вѣшалкой. Прислуга не чистила ему ботинокъ. Ужиналъ онъ въ скверныхъ ресторанахъ, вблизи его дома и нажилъ катарръ.

Но это былъ умный человѣкъ, который никогда не сознавался въ своей ошибкѣ.

Онъ подолгу засиживался въ холостыхъ компаніяхъ, а когда его спрашивали, почему онъ такъ часто оставляетъ жену, онъ только уклончиво улыбался.

— Будетъ ужъ... Мнѣ пріѣлся этотъ домашній рай съ его обѣдами, взаимными ласками и поцѣлуями...

И тѣ, кто даже знали о его семейной жизни, не могли сбить его съ этой твердой позиціи.

— Ну, какъ у васъ дома?

— О, — закатывалъ онъ глаза, — жена сумѣла создать такую жизнь, какой я даже и не ожидалъ отъ нея...

— Пріятно слышать въ наше время...

— Да, у насъ рѣдкая семейная жизнь...

Въ гостяхъ онъ цѣловалъ у жены руки. Если она кричала на него, или просто заявляла, что онъ ей надоѣлъ, онъ только подмигивалъ кому-то въ ея сторону и, посмѣиваясь, шепталъ:

— Все еще сердится... Простить не можетъ, что вчера Вѣрочкѣ Окториной на улицѣ поклонился... Но, — серьезно добавлялъ онъ, — разъ на ревность толкаетъ чистая любовь, она простительна...

Ему стали завидовать.

— Кто бы подумалъ... Такая была дрянь въ дѣвицахъ, такой женой стала. Должно быть, онъ ее передѣлалъ. Вотъ, что дѣлаетъ любовь сильнаго человѣка...

Больше всего удивлялась сама жена.

— Ты знаешь, — разсказывала она очередному молодому человѣку, — Игнатій Петровичъ мой или сумасшедшій, или такой жуликъ... Меня всѣ такъ поздравляютъ съ семейнымъ счастьемъ, что мнѣ даже страшно становится...

— Навѣрное, жуликъ, — поддакнулъ молодой человѣкъ.

Жена стала присматриваться. Кончилось это тѣмъ, что она убѣдилась въ томъ, что ни одинъ изъ туземцевъ ея будуара не доросъ въ своемъ умственномъ развитіи до ея мужа, и начала за нимъ ухаживать.

При совмѣстной жизни это удается довольно легко, и не прошло семи мѣсяцевъ, какъ жизнь стала налаживаться. Мужъ сталъ тогда созывать знакомыхъ и выгнанныхъ когда-то близкихъ, чтобы тѣ стали очевидцами его счастья.

Когда перебывали всѣ и готовы были клятвенно удостовѣрить, что они не видѣли большаго семейнаго счастья, онъ позвалъ однажды любимую жену и, назначивъ ей двѣсти рублей содержанія въ мѣсяцъ, выкинулъ ее окончательно изъ дома. Такъ поступаютъ люди, которые не желаютъ допустить, что они могутъ дѣлать ошибки.

*

Не сознавайтесь въ ошибкахъ. Нужно хоть кому-нибудь быть твердымъ, властнымъ и самонадѣяннымъ, среди трусливыхъ, маленькихъ и робко выдумывающихъ причины, въ чемъ бы себя можно было обвинить...

ОДЕРЖИМЫЕ

Нѣтъ болѣе ужасной болѣзни. Тихой, медленной, одновременно съѣдающей мозги и выпивающей кровь...

Ночью ему снятся лихорадочные сны. Онъ ссорится съ пиковымъ королемъ, который говоритъ басомъ и подмигиваетъ. За нимъ гонится простая девятка трефъ и хватаетъ его горячими руками за горло.

Онъ просыпается, расталкиваетъ жену и хриплымъ голосомъ шипитъ:

— Послушай, послушай... Тутъ гдѣ-то четверка бубенъ...

— Гдѣ? Что? — пугается жена.

— Ничего, ничего. Это такъ. Показалось, что около тебя...

— Тебѣ нехорошо, голубчикъ?

— Ничего, ничего. Спи.

Закрываетъ глаза и засыпаетъ, сдавленный грудой бубновыхъ семерокъ. Бѣгаетъ по какому-то лѣсу, а семерки смѣются. И онъ смѣется, но не надъ ними, а надъ собой, потому что держитъ въ рукѣ трефовую даму и машетъ ею въ воздухѣ.

Утромъ просыпается и сразу вспоминаетъ, что если бы снялъ во-время банкъ въ клубѣ, были бы деньги.

— Идіотъ! — говоритъ онъ вслухъ.

— Ты кого голубчикъ?

— Шемарина. Онъ посовѣтовалъ.

— Ничего не понимаю.

— Развѣ ты поймешь... — горько отзывается онъ — Тебѣ только деньги приноси...

— Если ты говоришь о клубѣ, — сразу обижается жена, — такъ изъ этого мѣста, кажется, ты не балуешь приносомъ денегъ...

— Какъ, — негодуя на людскую неблагодарность, — замѣчаетъ онъ, — а кто тебѣ принесъ въ апрѣлѣ четыреста тридцать рублей? Помнишь, еще двѣ четвертныя слиплись!

— А теперь — ноябрь.

Отвѣчать трудно.

— Лучше бы позаботилась о томъ, чтобы кофе по утрамъ было... А не къ обѣду...

Голову ломитъ. Тѣло ломитъ. Глаза красные, опухшіе отъ безсонной ночи.

Идетъ къ умывальнику и тупо смотритъ на водяную струю, брызжуще льющуюся изъ крана. Повѣситься бы...

*

Передъ обѣдомъ заходитъ близкій человѣкъ и долго уговариваетъ:

— Бросили бы, Алексѣй Григорьичъ.

— Да я бросилъ, — робко оправдывается больной, — вчера только сходилъ...

— И третьяго дня были?

— Насчетъ третьяго дня, это вы вѣрно. Былъ.

— Опять проиграли?

— Это, какъ сказать. У меня вчера былъ моментъ, когда въ банкѣ шестьсотъ рублей было.

— Сняли?

— Почти что. Далъ только одну маленькую карту...

— Деньги-то сняли?

— Не въ томъ дѣло, милый... Я ему даю восьмерку, а у меня на рукахъ дама, тройка и...

— Деньги-то, говорю, сняли?

— Вы меня перебиваете, дорогой... Онъ открываетъ восьмерку, а я... Ну, что вы — деньги, деньги, деньги... Проигралъ.

— Жалко, поди!

— Да-нѣтъ! Ничего.

— Ахъ, какъ ему жалко. Онъ до этого полчаса мялъ бумажникъ, какъ мокрую тряпку, расчитывая, не застряла ли гдѣ-нибудь неожиданная бумажка, перешарилъ во всѣхъ карманахъ пиджака и даже осмотрѣлъ старую визитку, какую не надѣвалъ больше двухъ мѣсяцевъ.

Вспомнилъ, что Шанинъ взялъ въ долгъ десять рублей, и немного успокоился. Потомъ на бумажкѣ тупымъ карандашомъ подсчитывалъ какія-то цифры съ маленькими вопросиками.

— Не ѣздили бы, Алексѣй Григорьичъ...

— И не поѣду. Будетъ. Поѣздилъ. Удивительно не везетъ. Вчера былъ такой случай: сдаю я карты и даю сосѣду слѣва короля...

— Вы бы сегодня пришли къ намъ, вотъ и не поѣхали бы...

— Ага! Такъ вотъ я говорю: даю ему короля, а себѣ открываю шестерку... Тогда онъ...

— И что васъ туда такъ тянетъ?

Очень обидно, когда игроку не дадутъ высказаться, какъ ему не везетъ. Вѣдь онъ разсказываетъ такой удивительный случай, какъ тремя картами онъ не могъ побить очка, а этотъ лѣзетъ со своими разспросами...

Ушелъ бы, иначе еще грубости дождется.

— Рѣшительно не понимаю. Взрослый человѣкъ, неглупый и ѣздите. Вотъ у меня зять — его туда калачемъ не заманишь...

— Вы меня извините, но онъ дегенератъ, — внезапно рѣшаетъ обиженный, — его вообще никуда не тянетъ. Ему бы дома сидѣть, да корзины плести для продажи.

— Не знаю. Жена не жалуется, какъ у нѣкоторыхъ.

— Подумаешь, заслуга...

Прогналъ человѣка... Очень обидно. А ты слушай, когда тебѣ разсказываютъ: вѣдь, это же музейный случай невезенія, когда тремя картами одно очко не могъ покрыть, да еще при томъ условіи, что...

*

— У тебя что, работа?

— Да, срочная. Закрой двери, а если кто придетъ скажи, что занятъ...

Какъ умѣютъ прыгать эти строчки передъ глазами, когда такой одержимый оторвется отъ бумаги и, взглянувъ на часы, убѣдится, что настало время, когда въ клубѣ съѣзжаются. Нужно работать.

Сегодня работать. Завтра работать. Такъ жизнь и проходитъ. Подумаешь, какая бѣда, если бы онъ этотъ вечеръ провелъ въ клубѣ. Какъ пріятно вернуться сегодня часа въ четыре ночи домой — дольше онъ не засидится — бросить на столъ, не считая, нѣсколько пачекъ денегъ, лечь спать пріятно усталымъ. Одѣваться лѣнь, впрочемъ. Рубашка немного грязная, пятно какое-то на груди.

На чемъ это онъ остановился? Ахъ, да:

— Исходя изъ этого, акціонерное общество «Прагонилъ, Фурштейнъ и Ко» полагаетъ, что дивиденды на этотъ годъ не должны быть полностью переданы въ руки тѣхъ лицъ, которыя....

Собственно говоря, это не пятно, а маленькое пятнышко. И если его прикрыть галстухомъ, ничего не будетъ замѣтно. Надѣлъ пальто, сѣлъ на извозчика и черезъ двадцать минутъ — въ клубѣ. Тѣмъ болѣе, что завтра жена въ театрѣ, никто дома мѣшать не будетъ, вотъ и доработаетъ.

Кому еще какія слова онъ давалъ? Подумаешь... Кому какое дѣло до того, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ? Пусть подавятся своими совѣтами, а ему все равно.

Уже безъ восьми десять. Два часа идетъ игра, можетъ быть, кто-нибудь роздалъ деньги, мѣста за столомъ заняты, а онъ...

Опять не почистили пальто. Нужно позвать Дашу... Впрочемъ, тамъ швейцарь почиститъ...

— Извозчикъ! Уголъ... Ну, братъ, у тебя лошадь шагомъ пойдетъ... Извозчикъ! Уголъ Петровской и...

*

Жизнь полна враговъ. Извозчикъ медленно трясется по улицамъ, трамваи перерѣзываютъ путь, останавливаютъ. Что только городъ смотритъ на эти безобразія.

Ну, конечно... Двадцать минутъ одиннадцатаго, а въ пять закрываютъ.

— Извозчикъ, да не спи ты, змѣя...

Нужно разстегнуться, найти въ бумажникѣ пятьдесятъ рублей и отложить ихъ въ заднiй карманъ. Эти бы не проиграть. Въ концѣ-концовъ, это свинство — проигрывать все. А завтра ходи, разыскивай...

Оказывается, не онъ одинъ опоздалъ. Еще кто-то подъѣзжаетъ къ клубу. Навѣрное, Хашковъ. Ему уже двѣ недѣли не везетъ — дастъ отвѣтъ и проиграетъ много. Нужно будетъ за нимъ присмотрѣть.

— Извозчикъ, дай сдачи съ трехъ рублей... Фу, какъ ты копаешься... Нѣтъ, не рубль сорокъ, а рубль пятьдесятъ пять... Ну, возьми себѣ... Копуша...

*

И вотъ у него уже сладко кружится голова. Душа у него, какъ у Гоголевской Катерины, отдѣлилась отъ тѣла и «прозрачная» рѣетъ по комнатѣ.

Тѣло, притиснутое, сидитъ на стулѣ и налегло грудью на столъ, а душа за каждымъ столикомъ смотритъ за деньгами большими, жадными глазами и кипитъ.

Нѣтъ, сегодня у него положительно день счастья и удачи. Только что поставилъ двадцать пять, дали пятьдесятъ. Поставилъ ихъ, дали сто. Сейчасъ вотъ отдалъ тридцать, да это пустяки. Нужно сходить поужинать.

Сидитъ, ѣстъ цыпленка, а на душѣ легко, легко. Нужно основательно поѣсть, а то голова заболитъ. Ему некуда торопиться. Онъ вѣдь не изъ тѣхъ людей, съ мутными взглядами и дрожащими руками, которые не могутъ оторваться отъ стола съ картами и шарятъ въ карманахъ. Вдругъ, молъ, сейчасъ будетъ раздача денегъ... Дожидаются...

Впрочемъ, весьма возможно, что этотъ самый господинъ, въ черномъ пенснэ, мечетъ неудачный банкъ и всѣ наживаются...

А онъ тутъ сидитъ и ѣстъ. Тоже, умный. Дома не сможетъ поѣсть, что ли... Вѣдь это не цыпленокъ, а лошадь какая-то, его и къ утру не доѣстъ.

— Голубчикъ... Я кофе еще просилъ — такъ не надо. Послѣ...

*

Да, этотъ вечеръ рѣшительно удачный. Около него уже четыреста съ лишнимъ. Могъ бы, конечно, встать и уѣхать, но какой смыслъ, разъ такъ везетъ. Выигралъ четыреста, точно также можетъ и тысячу...

Фу, какъ этотъ банкометъ быстро мечетъ. Положительно, онъ не успѣваетъ ставить.

— На лѣвое крыло тридцать... Можно къ вамъ пятьдесятъ?.. Это мои деньги... Что? Пожалуйста, пожалуйста, я вамъ ихъ протягиваю... Что? Сколько не хватаетъ? Сорока? Иду. Пожалуйста... Сколько съ меня? Ахъ, да да, я и забылъ, что тутъ мое слово на семьдесятъ... Сюда пятьде...

Странно. Везетъ, а странно. Было четыреста, а теперь сто тридцать. Нужно достать изъ задняго кармана эти пятьдесятъ рублей. Все-таки на столѣ больше денегъ будетъ. Опять слиплись — это къ счастью.

Нѣтъ, кажется, ему не везетъ. Лучше перейти на другой столикъ. Поставить сразу, удвоить все, потомъ еще удвоить. Потомъ еще. И бросить. Ого, да тутъ, кажется, раздаютъ даромъ... Да, да, онъ кладетъ шестьдесятъ въ кругъ. Комплектъ? Здорово... Нужно переждать.

Послѣдніе тридцать рублей горятъ въ рукѣ, какъ щепка, вынутая изъ печки. Теперь, кажется, можно. Не побьетъ-же онъ седьмой разъ...

Рѣшительно не везетъ...

Развѣ эти десять рублей... На извозчика есть. А вдругъ — вмѣсто десяти двадцать, вмѣсто двадцати сорокъ вмѣсто...

Ну, конечно. Развѣ съ его счастьемъ играть!..

*

Какъ быстро ѣдетъ извозчикъ. Дуракъ. Больше своего рубля не получитъ.

А какъ хорошо было бы, если бы онъ сегодня не поѣхалъ. Сейчасъ, навѣрное бы, спалъ, завтра бы проснулся утромъ, пошелъ гулять... Фу-ты, какая гадость. На эти сто тридцать рублей — это деньги... Если-бы взять гвоздь и гвоздемъ себя, да такъ, чтобы...

Почему это швейцаръ дрыхнетъ и никогда не идетъ на звонокъ. Трудно подняться... Мужикъ!

— А? Что? Кто тамъ? Кто?

— Это я... Ты спишь?

Вопросъ праздный. Въ шесть часовъ утра приличная женщина его круга непремѣнно должна спать. А его жена вообще никогда позже этого не ложится.

— Сплю. Опять?

— Видишь — я... Я, собственно, на полчаса туда поѣхалъ...

— Сколько...

— Собственно говоря, если бы удержался одно время...

— Опять?

— Одно время у меня было четыреста. Потомъ мнѣ дали карту... Потомъ я далъ карту... Почему-же ты плачешь?..

Ну, зачѣмъ, зачѣмъ... Вѣдь далъ-же онъ себѣ слово, что со вчерашняго дня...

Сѣрый, гнилой сонъ ложится пыльный тряпкой на голову. Прокуренное горло дышитъ тяжело. И вотъ снова какая-то нахальная семерка начинаетъ гоняться за нимъ, вертится передъ глазами, растетъ въ плотную сырую массу и налегаетъ на грудь...

Дворники начинаютъ шумѣть по асфальту дровами...

*

Это страшная болѣзнь, .заразная и требующая строгаго карантина. Говорятъ, что она излечима. Я думаю — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, повторная форма черезъ извѣстные промежутки — обязательна.

ЗДОРОВАЯ ЖИЗНЬ

Я не знаю человѣка, которому бы всѣ окружающіе не совѣтовали перемѣнить жизнь и начать новую. Тотъ, кому совѣтуютъ, начинаетъ стыдиться собственной жизни, мучиться угрызеніями совѣсти, перестаетъ уважать себя и молчаливо воспринимаетъ указанія. Въ результатѣ — окружающіе пріобрѣтаютъ лишній опытъ, какъ сравнительно легко, свести на-нѣтъ взрослаго и культурнаго человѣка.

У каждаго изъ нихъ изсине-желтыя лица, безнадежно выцвѣтающіе глаза и по нѣскольку реберъ, такъ развязно вылѣзающихъ изъ-подъ кожи, что становится страшно за мебель: повернется такой человѣкъ неловко на креслѣ и порветъ ребромъ дорогую обшивку.

Именно такіе люди приходятъ къ сытому и здоровому знакомому и начинаютъ увѣрять:

— Вамъ необходимо начать новую жизнь. Вы ведете сидячій образъ жизни.

— Вести бѣгающій образъ я не могу, — холодно отклоняетъ совѣтъ спокойный человѣкъ, — это не соотвѣтствуетъ ни моимъ умственнымъ способностямъ, ни моему характеру.

— Вы, въ сущности, еще такъ молоды...

— Я не думаю, чтобы я началъ бѣгать даже къ старости. Этого не случается даже съ лошадьми.

— Отъ своей сидячей жизни вы разжирѣете.

— Я, собственно, не предполагалъ, чтобы мой торсъ понадобился-бы, какъ модель для скульптора, или начинающаго художника.

— Совершенно не для этого... Вамъ нужно гулять. По крайней мѣрѣ, хоть версты четыре пѣшкомъ. Тогда вы сохраните моложавый видъ.

— Это слишкомъ большая цѣна. Если я въ мои двадцать шесть лѣтъ для моложавости долженъ дѣлать четыре лишнихъ версты, къ пятидесяти годамъ для той-же цѣли мнѣ придется бѣгать по семнадцати верстъ въ сутки. Это немного для товарнаго поѣзда, но для меня много.

— У васъ будетъ ожирѣніе сердца. И вообще всякое ожирѣніе. Ноги будутъ дряблыя и начнутъ пухнуть.

— А они непремѣнно будутъ пухнуть?

— Непремѣнно. Развѣ, если паралича раньше не будетъ...

— У меня, кажется, впереди небогатый выборъ.

— Сами виноваты...

Спокойный человѣкъ провожаетъ совѣтчика и начинаетъ думать. Съ одной стороны, конечно, тотъ правъ. Непріятно, когда тридцатилѣтняго человѣка изъ-за его неосторожной наружности, дѣти начинаютъ звать дѣдушкой, а любимая дѣвушка въ отвѣтъ на тихіе, произносимые шопотомъ, намеки, проситъ

ее удочерить, ссылаясь на бѣдственное положеніе семьи.

Съ другой стороны, сознаніе спокойнаго человѣка не можетъ покориться передъ необходимостью безцѣльно ходить по промозглымъ улицамъ, толкаться съ мальчишками изъ лавочекъ и заглядывать въ напудренныя лица улыбающихся женщинъ.

Впрочемъ, сознаніе — не желудокъ. Его убѣдить легче. Спокойный человѣкъ начинаетъ медленно падать.

*

На другой день онъ выходитъ гулять, придумывая для собственнаго самолюбія самыя рискованныя причины прогулки. Желаніе взять прейсъ-курантъ фотографическихъ издѣлій въ магазинѣ на другомъ концѣ города, необходимость занести взятую два года тому назадъ книгу одному человѣку, который, судя по всему, уѣхалъ въ провинцію и живетъ безвыѣздно въ имѣньи — все это медленно и туго выискивается во время нудныхъ поисковъ воротничка, цинично пропавшей запонки и синяго галстуха, который найти все-таки легче, чѣмъ завязать.

— Холодно сегодня?

— Сегодня? Очень. Тутъ дворникъ съ дровами приходилъ, такъ разсказывалъ, что въ семнадцатомъ номерѣ отмерзло.

Дворники вообще терпѣливый народъ, и человѣкъ изъ семнадцатаго номера не будетъ даромъ отмораживать ухо. Это очень жуткія извѣстія для спокойной прогулки.

Воротникъ поднимается еще дома, для рта оставляется узенькое отверстіе, теплая фуфайка бодритъ обѣщаніемъ сохранить организмъ. Въ такомъ видѣ спокойный человѣкъ проходитъ двѣ улицы, пока окончательно не убѣждается, что съ крышъ очень сильно течетъ, около тротуара вода, а извозчики, повидимому еще со вчерашняго дня перемѣнили сани на пролетки.

— Я хочу домой, — говоритъ онъ вслухъ, уныло озираясь кругомъ.

Чужіе люди безотвѣтно проходятъ мимо. Въ большомъ городѣ такъ легко погибнуть безъ участія и ласки. Спокойный человѣкъ сразу догадывается.

— Уже? Погулялъ? Это двѣнадцать минутъ на воздухѣ. Я еще не успѣла даже форточку у тебя въ комнатѣ открыть...

Мнѣ очень не хочется гулять. Я очень не люблю гулять.

— Ну садись, садись... Брякайся въ кресло. Разлагайся. Опухай.

Спокойный человѣкъ садится въ кресло, сразу чувствуя всю нѣжность и пріятность этого незатѣйливаго предмета кабинетной мебели. Опухаетъ. И отъ того, что это происходитъ въ комнатѣ, за чтеніемъ хорошей книги въ тишинѣ, онъ начинаетъ молчаливо благодарить обстоятельства, позволяющія ему медленно пріобрѣтать ожирѣніе сердца.

Черезъ нѣсколько дней онъ снова пытается прогуляться и закупить папиросъ. Оказывается, что сегодня откуда-то внезапно выплывшій двунадеся-

тый праздникъ, и все закрыто, а на улицахъ только портнихи и гимназисты.

Возвращается онъ печальный, съ отмороженнымъ пальцемъ, и окончательно рѣшаетъ прекратить прогулки. Отъ этого на душѣ становится легче.

*

— Вы превращаете день въ ночь.

— Спеціально этимъ я не занимаюсь. Порядки мірозданія для меня не такъ интересны.

— У васъ пропадаетъ всякій вкусъ къ жизни.

— Очень жаль, если человѣчество кажется прекраснымъ только въ половинѣ девятаго утра...

— Попробуйте пожить по-человѣчески. Пересильте себя на нѣсколько дней и вы увидите, что изъ этого выйдетъ... Вставайте въ восемь утра, а ложитесь въ одиннадцать.

*

Человѣкъ испорченной жизни начинаетъ съ размаху пересиливать себя.

— Сегодня я ложусь въ десять вечера, — круто рѣшаетъ онъ, снимаетъ трубку съ телефона и начинаетъ раздѣваться.

Сначала это кажется забавнымъ и напоминаетъ легкій послѣобѣденный сонъ, потому что обѣдъ, дѣйствительно, былъ всего два часа тому назадъ.

Спокойный человѣкъ сладко потягивается и черезъ полчаса засыпаетъ. Во снѣ кто-то угощаетъ его шашлыкомъ, къ которому подаютъ такой вкусный хлѣбъ, что проснувшемуся спокойному человѣку очень хочется ѣсть. Голодный человѣкъ за-

жигаетъ лампу, садится на постель, закуриваетъ папиросу и долго думаетъ о томъ, какъ третьяго дня ему подали на завтракъ кусокъ телятины въ сметанѣ. Послѣ этого онъ беретъ книгу и читаетъ до трехъ часовъ. Будятъ его въ девять утра.

Встаетъ онъ злой, невыспавшійся, ходитъ по дому и придирается ко всѣмъ. Его сразу начинаетъ интересовать, почему сегодня яйца уже три рубля десятокъ, а молоко девяносто копѣекъ бутылка. Сѣсть, читать или работать онъ не можетъ: въ комнатѣ еще не прибрано.

На улицѣ темно. Единственно, что спасаетъ положеніе, это попытка почитать лежа, которая оканчивается здоровымъ и крѣпкимъ сномъ до обѣда. Проснувшись, онъ заявляетъ, что сразу послѣ сна ему ѣсть не хочется, а обѣдать онъ будетъ послѣ. По столовымъ часамъ послѣ — это половина восьмого. Къ половинѣ десятаго онъ чувствуетъ, что день начался и безчеловѣчно его кончать раньше четырехъ ночи.

Слѣдующая попытка быть уже съ утра на ногахъ ведется по пути наименьшаго сопротивленія. Вернувшись утромъ изъ клуба, спокойный человѣкъ начинаетъ день прямо въ смокингѣ, въ которомъ и является къ утреннему чаю, увѣряя, что не поспать одну ночь — совсѣмъ не такъ тяжело.

Черезъ два дня онъ начинаетъ путать дни. Выходитъ, что онъ былъ въ клубѣ вчера, — тогда почему же онъ не помнитъ, гдѣ и сколько онъ спалъ. Если онъ былъ въ клубѣ третьяго дня — почему же онъ пришелъ сегодня: клубъ въ опредѣленное

время всегда закрывается. Если онъ былъ сегодня — то такимъ образомъ онъ попалъ въ клубъ до десяти утра, когда клубъ открывается въ восемь вечера.

Размышленія кончаются неожиданнымъ сномъ въ ваннѣ, при чемъ первоначально теплая вода постепенно мѣняетъ свою температуру, и уснувшій просыпается отъ нестерпимаго холода, бѣгаетъ по комнатѣ и разсказываетъ, что ему снилось: будто-бы его обложили орѣховымъ мороженнымъ и били сверху молоткомъ по полѣнницѣ.

Въ теченіе цѣлой недѣли онъ не можетъ отоспаться, ходитъ сосредоточенный и проигрываетъ въ карты. Потомъ начинаетъ входить въ нормальный порядокъ прежней жизни, но чувствуетъ уже себя передъ кѣмъ-то виноватымъ и, проснувшись въ половинѣ второго, вмѣсто обычнаго часа, хватается за голову и скорбно думаетъ о тяжелыхъ послѣдствіяхъ такой жизни.

*

На своемъ вѣку я видѣлъ много людей со стальной мускулатурой, которыхъ увѣряли, что упражненія гирями скверно дѣйствуютъ на сердце. Они бросали упражняться, хирѣли, кожа у нихъ становилась прозрачной, румянецъ испуганно сползалъ съ лица, и отъ полной перемѣны жизни сердце, дѣйствительно, начинало болѣть. Врачи находили порокъ его, и человѣкъ внезапно умиралъ отъ подагры, или острой неврастеніи.

Я видѣлъ худосочныхъ, щуплыхъ людей, обѣщавшихъ все же прожить еще не мало лѣтъ. Ихъ убѣждали въ необходимости заняться тяжелымъ спортомъ, перетаскивать тяжести и лазить по горамъ.

Худосочный человѣкъ убѣждался въ справедливости совѣтовъ, копилъ деньги и уѣзжалъ за-границу. Черезъ полгода его хоронили у подножья какой-то швейцарской двухверстной горы, на которую онъ пытался взобраться съ гирей на шеѣ, не переставая дѣлать лучшіе пріемы шведской гимнастики.

При мнѣ жену одного профессора, очень милую и кроткую, но немного лѣнивую женщину, убѣдили въ опасности валяться до часу въ кровати. Дама послушалась и занялась хозяйствомъ. Стала вставать въ шесть утра и ходила по базарамъ, разговаривала съ торговками и приказчиками, поучаясь у нихъ хозяйственной сообразительности. И что-жъ? — не прошло и полгода, какъ жена профессора во время журфиксовъ стала разговаривать такимъ языкомъ, что многіе разсѣянные люди стали посылать ее за спичками и звать сокращенно: Аннушка.

Такъ опасно прерывать нормальный ходъ жизни, къ которому человѣкъ привыкъ...

Никогда не мѣняйте жизнь. Организмъ самъ разбирается лучше насъ. Что же касается людей, совѣтующихъ это сдѣлать, — то, вѣдь, ни одинъ изъ нихъ не доживаетъ до зрѣлаго возраста, и каждому хочется, чтобы ближній умеръ раньше его самого.

КОНЕЦЪ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(Изъ записокъ доктора Ватсона)

Я никогда не ожидалъ, что моему другу Шерлоку Холмсу всего въ нѣсколько дней предстоитъ такъ безславно пасть въ глазахъ общественнаго мнѣнія, но, увы! — это такъ. Лучше было бы моему другу пасть отъ предательской руки наемнаго убійцы, чѣмъ позволить восторжествовать надъ собой злѣйшему его врагу, профессору Моріарти, — но послѣдній поставилъ на карту все и выигралъ ставку.

Шерлокъ Холмсъ уже давно сталъ замѣчать, что Моріарти что-то замышляетъ, и нѣсколько дней былъ озабоченъ. Впрыскивалъ морфій и игралъ на скрипкѣ. Потомъ, какъ это бывало всегда, его охватила кипучая дѣятельность. Онъ переодѣвался рыбакомъ, чтобы попасть на фешенебельные балы Уайтчепель-Сити, загримировывался старой продавщицей гнилыхъ яблокъ, чтобы быть не замѣченнымъ въ литерной ложѣ Дарлингъ-Холла, но все было напрасно.

— Моя пѣсня спѣта, — съ грустью сказалъ онъ въ одинъ изъ вечеровъ, изъ предосторожности закуривая сигару съ обратнаго конца. — Моріарти задумалъ что-то слишкомъ серьезное.

— Вы побѣдите, Холмсъ, — твердо отвѣтилъ я, вставая съ постели, чтобы пожать ему руку, — вы побѣдите.

— Посмотримъ, — загадочно произнесъ онъ. — Скоро борьба начнется.

И, не мѣняя тона, онъ загадочно легъ спать.

Борьба, дѣйствительно, началась.

*

Ночью мы были разбужены рѣзкимъ звонкомъ.

— Это звонитъ Грегсонъ, — увѣренно сказалъ Холмсъ, просыпаясь.

— Почему вы думаете? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Посмотрите на колокольчикъ, — кивнулъ головой Шерлокъ на прихожую.

— Я не вижу.

— Посмотрите на часы.

— Смотрю. Два ночи.

— Вы не наблюдательны. Читайте.

И Шерлокъ показалъ мнѣ записку: «Ровно въ два буду. Грегсонъ».

— Въ нашей профессіи ничего нѣтъ загадочнаго, милый Ватсонъ, — снисходительно улыбнулся Холмсъ. — Нужно только идти путемъ умозаключеній. Войдите, Грегсонъ.

Никто не входилъ. Я поблѣднѣлъ и схватился за револьверъ.

— Достаньте, Ватсонъ, валерьяновыхъ капель. За дверями женщина. Она волнуется и не рѣшается войти. Войдите.

Дверь отворилась, и на порогѣ показался громадный рыжій мужчина, съ большимъ пятномъ крови на ладони.

— Это вы — Шерлокъ Холмсъ?

Мой другъ осмотрѣлъ прибывшаго съ ногъ до головы и кинулъ:

— Я. Садитесь. Вы каменотесъ?

— Меня зовутъ Джемсомъ Кеннеромъ. По профессіи — убійца малолѣтнихъ. Вы разслѣдуете дѣло объ убійствѣ старухи въ домикѣ у Реджинальдъ-Парка?

— Васъ это интересуетъ?

Я увидѣлъ, что глаза у Холмса загорѣлись особымъ огонькомъ.

— Немного.

— Старушку-то я убилъ.

Я опустился на стулъ. Холмсъ вздрогнулъ.

— Разскажите подробности.

— Да тутъ и подробностей никакихъ не было. Вошелъ черезъ открытую дверь, ударилъ дубинкой, а деньги взялъ.

Холмсъ посмотрѣлъ на Джемса Кеннера и покачалъ головой.

— Убійца не вы.

— Вотъ тебѣ разъ, — возмутился Кеннеръ, — чай, мнѣ лучше знать.

— Не правда. Вы подосланы Моріарти.

— Это — къ вамъ, отъ Моріарти. А старушку по собственному почину. Своя, такъ сказать, иниціатива.

— Докажите.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Наручники сейчасъ надѣнете, или послѣ?

*

Черезъ полчаса мы были на мѣстѣ происшествія, въ домикѣ у Реджинальдъ-Сквера. Грегсонъ, Холмсъ, Кеннеръ и я вошли въ домъ, а полицейскіе остались у воротъ.

Кеннеръ весело расхаживалъ по комнатѣ.

— Отсюда вотъ вошелъ, — спокойно объяснялъ онъ, — шагнулъ черезъ порогъ; старушка, значитъ, удивилась, да отъ меня. Здѣсь вотъ я ее догналъ и доканалъ по головѣ.

— Негодяй говоритъ правду, — прошепталъ Холмсъ. — Кеннеръ! Почему вы сознались?

— Да что же не сознаваться-то? Кабы не убійство, а то дѣло чистое. Убилъ и сознался.

— Васъ повѣсятъ, — вѣжливо вставилъ Грегсонъ.

— Да, за такія дѣла по головѣ нельзя гладить, — охотно согласился Кеннеръ. — Повишу за старушкино здоровье.

— Холмсъ стоялъ хмурый.

— Погода въ этотъ день была грязная, — нерѣшительно сказалъ онъ, посматривая на полъ, — и вы долго ходили по улицѣ.

— Это вѣрно. Дождина былъ здоровый, а я пѣшкомъ приперъ.

— Скотина, — шепнулъ Холмсъ, — все изъ-подъ рукъ вырываетъ... Ушли вы изъ дома...

— Черезъ четверть часа. Парадным ходомъ.

Кеннеръ немного помолчалъ, посмотрѣлъ на часы и зѣвнулъ:

— Ну, въ тюрьму, такъ въ тюрьму... Время дѣтское, отправить еще и сейчасъ успѣете...

Когда мы вдвоемъ подъѣзжали къ дому, Шерлокъ закурилъ трубку.

— Моріарти пустилъ въ ходъ небывалое оружіе. Я погибаю.

⁂

Не успѣли мы отдохнуть отъ потрясеній этой ночи, какъ черезъ четыре дня весь Лондонъ потрясло извѣстіе о кошмарномъ убійствѣ въ отелѣ «Средней Козы», гдѣ жертвами пали старикъ-отецъ съ однимъ законнымъ и двумя побочными сыновьями.

Грегсонъ позвонилъ сейчасъ же, какъ только полиціи стало извѣстно объ убійствѣ.

— Пріѣзжайте, — взволнованно говорилъ онъ. — Насъ не пускаетъ въ гостиницу хозяинъ. Онъ увѣряетъ, что онъ сообщникъ, и ему не приказано никого пускать въ комнаты убитыхъ, до вашего пріѣзда.

— Нужно взять револьверъ, Холмсъ?

— Не берите, — грустно прошепталъ мой другъ. — Онъ намъ, кажется, не понадобится... Ѣдемте.

У воротъ насъ дожидался кэбъ. Кучеръ наклонился къ Холмсу и громко сказалъ:

— Скорѣе, сэръ. Я уходилъ изъ дома послѣднимъ, едва успѣвъ покончить съ младшимъ изъ семьи, и каждую минуту туда можетъ войти поли-

ція. Она отниметъ у васъ честь раскрытія преступленія.

Не разъ намъ приходилось переживать жуткія минуты, но ѣхать среди бѣлаго дня въ кэбѣ, управляемомъ сенсаціоннымъ убійцей — это было слишкомъ.

Въ комнатѣ убитыхъ мы застали полный безпорядокъ. Я посмотрѣлъ на Холмса: онъ стоялъ блѣдный, съ дрожащими руками. Тяжело вздохнувъ, Холмсъ опустился на колѣни и, посмотрѣвъ на слѣдъ, оставленный грязной ногой, съ ужасомъ схватился за голову.

Слѣдъ былъ тщательно очерченъ мѣломъ, а около него лежала приколотая кнопкой записка: «32 сантиметра. Слѣдъ мой. Ботинки покупалъ на Бриджъ-Авеню въ Универсальномъ магазинѣ, у приказчика съ рыжей бородой. Вильямъ Стрэдъ».

— Ватсонъ, я съума схожу...

Мы осторожно подошли къ подоконнику. На немъ лежалъ окурокъ, а около окурка чьей-то неторопливой рукой было написано: «Окурокъ мой, сообщника. Улица Пятерыхъ, д. № 5, въ подвалѣ, вызвать черезъ Джима, по прозванію Зеленая Крыса. Дома отъ 4 до 6. Самуилъ Брайтонъ, бѣглый каторжникъ».

— Позовите прислугу отеля, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Холмсъ, безсильно опускаясь въ кресло. — А вы, Грегсонъ, съѣздите по адресу Универсальнаго магазина и допросите приказчика...

Когда лакеи отеля собрались въ комнату, Шерлокъ окинулъ ихъ пытливымъ взглядомъ и спросилъ:

— Кто былъ дежурнымъ сегодня ночью?

— Я, сэръ, — почтительно отвѣтилъ самый молодой, съ непріятнымъ хищнымъ лицомъ, — я впускалъ убійцъ. У насъ было условлено, что они придутъ на полчаса раньше, но они опоздали.

— Долго они здѣсь были? — упавшимъ голосомъ сказалъ Холмсъ.

— О, нѣтъ сэръ, — отвѣтилъ другой лакей. — Я все время стоялъ на стражѣ, чтобы кто-нибудь не вошелъ. Всего четверть часа. Эти почтенные господа поумирали быстро.

— Не будь я Джекъ Спринтъ, за которымъ полиція гоняется четыре года, — вскрикнулъ третій лакей, — если кто-нибудь умиралъ быстрѣе этихъ молодыхъ джентельменовъ.

— Цѣлью было ограбленіе? — отвернувшись въ сторону, спросилъ Холмсъ.

— О, да, сэръ. Въ несгораемомъ ящикѣ мы оставили записку, сколько нами взято денегъ, а также подробный адресъ лица, у котораго эти деньги хранятся.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Грегсонъ.

— Я видѣлся съ приказчикомъ. Лицо, купившее ботинки, оставило у него свой адресъ и просило сообщить о немъ полиціи. Это Вильямъ Стрэдъ.

— Не забудьте, что я убивалъ, — раздался сзади насъ голосъ.

Мы обернулись. Передъ нами стоялъ кучеръ нашего кэба.

— И я человѣкъ, — добавилъ хозяинъ отеля, входя въ комнату, — и меня забывать не надо. Не

знай я обо всемъ, ничего и не произошло бы. Фамилія моя — Бриджерсъ. Судился четыре раза.

— Дѣлайте, что хотите, Грегсонъ, — крикнулъ Холмсъ, затыкая уши. — Моріарти издѣвается надо мной... Если еще пять-шесть такихъ убійствъ, мнѣ придется открыть табачную лавочку, или сдѣлаться маркеромъ... Я долженъ чѣмъ-нибудь зарабатывать кусокъ хлѣба...

И, съ истерическими криками, онъ бросился на улицу.

*

Во время разслѣдованія слѣдующаго убійства, на которое Грегсонъ и его товарищъ Лестардъ позвали Холмса, убійца просто дожидался около трупа и читалъ газету.

— Какъ вы долго, — съ укоромъ обратился онъ къ Холмсу. — Я уже и слѣды оставлялъ, и окурки бросалъ, и оттиски съ пальцевъ понадѣлалъ на всѣхъ стеклахъ, даже руку разрѣзалъ, чтобы оттиски яснѣе были, а вы такъ опаздываете...

— Подлецъ, — съ возмущеніемъ бросилъ Холмсъ, — отъ себя работаешь, или отъ Моріарти?

— Отъ него. Онъ сегодня къ вамъ въ шесть часовъ звонить будетъ.

Это оказалось правильнымъ. Ровно въ шесть часовъ раздался телефонный звонокъ, и трубка едва не выпала изъ рукъ Холмса, когда онъ приложилъ ее къ уху.

— Здравствуйте, Холмсъ. Это я — Моріарти.

— Я сотру тебя съ лица земли, — хрипло крикнулъ Холмсъ. — Я не арестую тебя сейчасъ, но когда придетъ время...

— Будетъ, Холмсъ. Вы обязаны меня арестовать. Я говорю въ присутствіи двухъ постороннихъ лицъ, хозяина булочной и какого-то футболиста, что вы обязаны арестовать меня. Иначе я донесу полиціи... Жду васъ на четырнадцатой аллеѣ Гайдъ-Парка. Приходите съ Ватсономъ и полиціей.

— Я схожу съ ума, — прошепталъ Холмсъ. — Онъ меня преслѣдуетъ... Одѣвайтесь, Ватсонъ.

Когда мы съ Шерлокомъ, Грегсономъ и дюжиной полисменовъ пріѣхали на условленное мѣсто, Моріарти уже стоялъ тамъ, дожидаясь насъ, окруженный массой публики и репортеровъ. Холмсъ вплотную приблизился къ Моріарти.

— Я безсиленъ, — задыхаясь отъ злобы, несмотря на свое хладнокровіе, сказалъ Холмсъ. — — Вы припрятали концы въ воду, и я не могу васъ арестовать. Но я доберусь до васъ, когда у меня будутъ въ рукахъ данныя...

— Объ ожерельѣ лэди Грахамъ? — спросилъ Моріарти.

— Вы, конечно, отправили его въ Америку вмѣстѣ съ перстнемъ графа Пешбери?

Ничего подобнаго, — и Моріарти опустилъ руку въ карманъ, — вотъ ожерелье, вотъ перстень.

— А вотъ, кстати, медальонъ убитаго герцога Рококо. А вотъ браслеты графини Ампиръ.

— А... того... собственноручныя убійства...

— Для двухъ висѣлицъ хватитъ. Во-первыхъ, убійство стараго фермера въ Пенджберѣ. Самъ работалъ. Во-вторыхъ...

— Грегсонъ, — сдерживая слезы отчаянія, пробормоталъ Холмсъ, — я, кажется, здѣсь лишній.

На другое утро репортеры большихъ газетъ оповѣстили о случившемся читателей поучительной замѣткой, которая заканчивалась такъ:

«...нарядомъ полиціи былъ арестованъ извѣстный преступникъ, профессоръ Моріарти. При арестѣ присутствовало много посторонней публики. Среди присутствующихъ: Шерлокъ Холмсъ...»

⁂

Черезъ полгода однажды утромъ я безцѣльно бродилъ по улицамъ Лондона. Около Гайдъ-Парка я встрѣтилъ какую-то процессію. То были безработные. И когда я ближе всмотрѣлся въ проходящихъ мимо, я на мгновеніе увидѣлъ четкій профиль Шерлока Холмса.

— Холмсъ! — крикнулъ я.

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на меня усталыми глазами и, повидимому, не узнавъ, сказалъ:

— Можетъ быть, сэръ хочетъ предложить мнѣ какую работу? Въ этомъ проклятомъ Лондонѣ можно сдохнуть съ голода, не имѣя опредѣленной профессіи...

И, махнувъ рукой, онъ пошелъ дальше.

ПРИСТРОЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

Говорятъ, что люди вообще очень неотзывчивы — и трудно упросить чужого человѣка оказать какую-нибудь очень цѣнную любезность. По-моему, это — неправда. Мнѣ приходилось натыкаться на очень хорошихъ людей, дѣлающихъ много добраго; я испытывалъ много теплоты отъ совершенно чуждыхъ для меня людей...

Но если когда-нибудь спросятъ меня, много ли я дѣлалъ одолженій, положа руку на сердце, скажу: немного. Поэтому-то я страшно удивляюсь тѣмъ людямъ, которые были въ моемъ положеніи и все-таки ухитрялись исполнять чужія просьбы. А обращаются ко мнѣ часто.

*

— А у меня къ вамъ просьба...

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Вы знаете Нюру Рыскову?

— Нѣтъ.

— А Владиміра Ивановича?

— Какого?

— Невысокій такой, на горлѣ швовъ. Должно быть, операцію дѣлали...

— Нѣтъ, извиняюсь, не знаю.

— А вы бы могли быть ей очень полезны... Владиміръ Ивановичъ обѣщался и нечего не могъ сдѣлать... А вы такой милый, вы сдѣлаете...

— Я съудовольствіемъ, тоько я не знаю, право...

— Пристройте ее. Она знаетъ французскій, прекрасно на машинкѣ пишетъ...

Куда же ее — въ контору?

— Нѣтъ, она не хочетъ. У нея раньше даже голосокъ былъ. У васъ, вѣдь, есть связи — устройте ее на сцену.

— Куда же я, собственно, ее могу?..

— Куда-нибудь, только чтобы голосъ не требовался.

— Видите ли, голосъ, собственно, только въ циркѣ не особенно нуженъ, да и то, если она наѣздницей хочетъ...

— Пристройте ее въ драму... Она когда-то играла и очень хорошо, говорятъ... Мнѣ Владиміръ Ивановичъ говорилъ...

— Хорошо, я запишу. Какъ ея фамилія?

— А какъ я сказала? Рыскова, кажется. Я съ ней не знакома сама-то. Вы только не забудьте.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Эту нехитрую фразу изъ двухъ одинаковыхъ словъ я говорю всегда. Конечно, было бы справедливѣе освѣдомить просительницу, что я все равно ничего не сдѣлаю, но это вызвало бы такой длительный разговоръ, что мнѣ пришлось бы уйти изъ собственнаго дома и выждать у крыльца, пока просительница вспомнитъ, что она осталась одна и уйдетъ.

Если бы я захотѣлъ пристроить незнакомую Нюру Рыскову, мнѣ пришлось бы пойти къ хорошо знакомому антрепренеру и сказать ему:

— Я очень прошу васъ взять одну артистку, которая знаетъ французскій языкъ и пишетъ на машинкѣ.

— На машинкѣ? — немного подумаетъ антрепренеръ. И хорошо пишетъ?

— Очень. —Многіе прямо удивляются.

— И французскій знаетъ?

— Еще бы... До послѣдняго слова.

— У меня есть одинъ знакомый нотаріусъ, — еще немного подумавъ, скажетъ антрепренеръ, — впрочемъ, мы съ нимъ въ ссорѣ... Я могу дать къ нему карточку...

— Это своимъ чередомъ... Кстати, помиритесь. Нѣтъ, вы возьмите ее на сцену... Вотъ эту, которая французскій знаетъ...

— На сцену? Нѣтъ, на сцену не могу, — съ радостнымъ задоромъ отказываетъ антрепренеръ, — у меня труппа, а не пріемъ объявленій...

Хотя я самъ прекрасно понимаю, что онъ взять ее не можетъ, тѣмъ не менѣе, изъ приличія я долженъ обидѣться. Обиду онъ принимаетъ, какъ должное, а вечеромъ, на генеральной репетиціи разсказываетъ премьершѣ:

— Вы знаете, приходитъ ко мнѣ сегодня одинъ тихій идіотъ и предлагаетъ взять въ труппу барышню съ пишущей машинкой... Я ему говорю: зачѣмъ? А онъ говоритъ, контору объявленій от-

кроете. Гдѣ? На сценѣ? Нѣтъ говоритъ, у нотаріуса, съ которомъ я въ ссорѣ.

— Машинка? — разсѣянно спрашиваетъ премьерша.

— Какая машинка? Ахъ да.... И по-французски, говоритъ, знаетъ... А, вѣдь, о немъ всѣ, какъ объ умномъ человѣкъ говорили...

— На жульничество у нихъ умъ весь уходитъ,— вставляетъ въ разговоръ свое замѣчаніе подошедшій любовникъ, — представьте себѣ: захожу я сегодня въ магазинъ, прошу мнѣ дать семги, а приказчикъ...

*

— Да вы только дайте ему рекомендательное письмо.

— Кому?

— Да Володѣ, племяннику моему.

— Куда же я ему дамъ?

— Да у васъ столько знакомыхъ... Неужели это такъ трудно...

— Позвольте, да, можетъ быть, онъ инородческую семинарію кончилъ, а я ему дамъ письмо къ хозяину кинематографа...

— Нѣтъ, чтобы постоянное мѣсто было. Кинематографъ что... Такъ — полотно. Подрыгало и конецъ. Вы ему дайте къ какому-нибудь солидному знакомому...

— Вы увидите, онъ такой работящій, скромный...

— Да вы придумайте сами мѣсто, куда онъ захочетъ поступить...

— Захочетъ... Если бы хотѣлъ, такъ самъ давно бы пристроился... Мальчишка нигдѣ не кончилъ, сапоги только изнашиваетъ, а вы тоже — придумайте...

— Что же вы, собственно, отъ меня хотите?

— А что онъ отъ меня хочетъ? Пристала сестра — устрой, да устрой Володю. Третій сынъ, любитъ его страшно, а я прямо видѣть его не могу. Рыжій весь, лицо въ угряхъ и грубитъ... Можетъ быть, въ банкъ его можно?

— Въ какой же банкъ?

Какой-нибудь — для внѣшней тамъ торговли, для внутренней-ли... мальчишка способный, пойметъ скоро...

— У меня нѣтъ знакомыхъ въ банкахъ.

— Такъ-какъ... Конечно, если бы не бѣдняка въ банкъ опредѣлить, а шансонетку какую-нибудь, или испанку, такъ и знакомые бы нашлись...

— Шансонетки въ банкахъ не служатъ...

— Мы знаемъ, въ какихъ онѣ банкахъ по ночамъ служатъ... Такъ, значитъ, не соблаговолите?

— Да, Семенъ Никитичъ, ну, что вы, право... Я съ удовольствіемъ бы, только...

— Какъ знаете, конечно... Только когда вашей супругѣ тазъ для варенья понадобился, такъ я самъ на извозчикѣ его привезъ... Извините, что своей просьбой побезпокоилъ...

— Помилуйте, при чемъ же здѣсь...

Хладнокровно я отказался помочь молодому бѣдному человѣку. Почему у меня не отзывчивое, кроткое и нѣжное сердце?.. Я долженъ былъ бы, собственно, вызвать моторъ и возможно скорѣе по-

ѣхать къ незнакомому директору банка и постараться возможно мягче попросить его помочь бѣдному Володѣ.

— Что же онъ знаетъ что-нибудь? — освѣдомился бы директоръ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ бы я и неминуемо долженъ былъ бы перебрать всѣ Володины достоинства, — но зато онъ рыжій, лицо у него все въ угряхъ, и онъ очень часто любитъ грубитъ матери.

— У меня банкъ ведетъ операціи съ хлѣбомъ... — неопредѣленно и осторожно уклонился бы директоръ.

— Онъ мальчикъ способный и все пойметъ. Способный мальчишка. Лицо въ угряхъ.

— Онъ что — вамъ родственникъ?

— Почти: его дядя самъ привезъ мнѣ тазъ для варенья, на извозчикѣ.

Я думаю, вамъ понятно, почему я не ѣзжу къ директорамъ банковъ и не завожу съ ними такихъ разговоровъ, несмотря на то, что Володина мама очень хочетъ, чтобы ея третій рыжій сынъ поступилъ на хорошее и прилично оплачиваемое мѣсто.

*

—Васъ кто — Леонидъ Петровичъ прислалъ?

— Да. Мнѣ сейчасъ восемнадцать. Недѣли двѣ тому назадъ минуло...

— Ага... Чѣмъ же, собственно, могу служить вамъ?

— Меня за это изъ шестого класса почти и вышибли, а я все равно не бросилъ. Написалъ я пародію

на учителя въ стихахъ. Хотите, я прочту? Я наизусть помню.

— Нѣтъ, ничего... Какъ-нибудь... Чѣмъ я могу быть...

— Я и прозой, и стихами могу. Очень мнѣ вся эта писательская штука легко удается. Даже самъ удивляюсь. Хотите, я вамъ на пробу дамъ статейку о кременчугскихъ гласныхъ?.. Я могу сразу написать.

— Вы что-же, собственно... Литературой занимаетесь?..

— Литераторъ. Вотъ, разрѣшите — карточка моя.

— Ага...

— Мнѣ Леонидъ Петровичъ и сказалъ, что вы меня къ себѣ взять можете. Я хоть каждый день писать могу.

— У меня литературно-художественный журналъ...

— Это какъ — со стихами значитъ?.. Вотъ хорошо-то... А вы за стихи отдѣльно платите?

— Платимъ. Только видите-ли, у меня все такъ переполнено...

— А мнѣ Леонидъ Петровичъ сказалъ, что вы меня пристроите... Я даже домой письмо написалъ...

— Если, можетъ быть, изрѣдка...

— Не каждый-же день... Ну, хоть раза три въ недѣлю...

— У меня журналъ разъ въ недѣлю выходитъ...

— А по другому это нельзя?

— Какъ по другому?

— А чтобы чаще...

— Нельзя.

— А какъ же мнѣ Леонидъ Петровичъ говорилъ...

Вечеромъ звонитъ самъ Леонидъ Петровичъ.

— Ну, что, пристроили парнишку моего? Большущее вамъ спасибо...

— Видите-ли, Леонидъ Петровичъ, я бы съ такимъ удовольствіемъ, только...

— Неужели нельзя?.. Мнѣ даже какъ-то обидно... Онъ удивительно симпатичный мальчуганъ... Ну, возьмите его кѣмъ-нибудь. Вамъ, вѣдь, нуженъ помощникъ...

Что можетъ быть интереснаго въ разговорѣ, когда, въ концѣ его, вашъ собесѣдникъ рѣзко вѣшаетъ трубку, а на вашъ торопливый звонокъ сію-же минуту, не мѣняя голоса, отвѣчаетъ, что барина нѣтъ дома, а когда будетъ — неизвѣстно. Для того, чтобы исправить ошибку, необходимо разыскать рекомендованнаго Леонидомъ Петровичемъ юношу и пристроить его на возможно-отвѣтственную работу. Самое цѣнное, конечно, для просителя, чтобы я взялъ его своимъ помощникомъ.

— Коленька, вы, кажется, сейчасъ нехорошо обругали вотъ этого большого человѣка и не пустили его въ комнату? Такъ нельзя. Это издатель...

— Что это вы ножницами рѣжете? Рукопись? Это ничего, что на ней написано: въ наборъ. Все равно рѣзать нельзя. И вотъ эти фотографическія карточки изъ печки надо вынуть. Отъ нихъ запахъ, когда они горятъ, за нихъ заплачено по десяти

рублей, и, кромѣ этого, безъ нихъ я номеръ не могу выпустить...

— Этотъ человѣкъ, Коленька, корректоръ... Тотъ, который смотритъ, чтобы ошибокъ не дѣлали... А вы ему пальто полъ вымыть... Этого не надо дѣлать, Коленька...

Къ счастью, я неотзывчивый на чужія просьбы человѣкъ и не обзавожусь такими помощниками. Конечно, клеймо эгоиста очень тяжело, но... Вы понимаете...

*

И ни разу ко мнѣ не пришелъ химикъ съ просьбой пристроить его въ лабораторію; не приходилъ и студентъ съ просьбами объ урокахъ; не заглядывалъ безработный инженеръ, чтобы захватить рекомендательное письмо къ хозяину большого, хорошо оборудованнаго завода...

Что-же касается Нюры Рысковой, Володи и Коленьки, конечно, по отношенію къ нимъ я былъ сухимъ и безсердечнымъ эгоистомъ. Развѣ я виноватъ, что мнѣ не хочется создавать себѣ репутацію добраго, отзывчиваго малаго, у котораго сильно замѣчается уклонъ къ пониженію умственныхъ способностей?..

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ

I

Я очень завидую авторамъ, которые читаютъ свои произведенія съ эстрады. Должно быть, это очень пріятно: видѣть читателя передъ, слѣдить за его вниманіемъ и непосредственно видѣть, какое впечатлѣніе производятъ собственныя строки на чужого человѣка.

— Это же такъ просто, — покровительственно объяснилъ мнѣ одинъ изъ такихъ авторовъ, — надѣньте фракъ, заучите наизусть какой-нибудь небольшой разсказчикъ и читайте. Не нужно только, чтобы очень длинно было.

Съ его точки зрѣнія, все обстояло дѣйствительно очень просто: выбрать короткій разсказъ и надѣть фракъ. У меня было и то, и другое, но я колебался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не попался, какъ молодой ершъ, на удочку, — на чье-то ласковое приглашеніе выступить на благотворительномъ концертѣ.

— Мы вставимъ васъ между скрипачемъ и балетной артисткой, — предупредили меня.

— А это удобно? — немного опасливо освѣдомился я.

— А почему-же? Одинъ танцуетъ, другой читаетъ, третій играетъ...

— Съ точки зрѣнія раздѣленія труда это, конечно, правильно: одинъ человѣкъ не можетъ одновременно играть на скрипкѣ, танцовать характерный танецъ и читать вслухъ собственный разсказъ. Только какъ это вдругъ вылѣзти послѣ скрипача, да еще передъ танцами...

— Можете сначала.

— Ну да, тоже... Я кончу читать, а послѣ меня скрипки да танцы... Убрали, дескать, лишняго человѣка, теперь и повеселиться можно...

— Ну, послѣ можете читать.

— Тоже какъ-то неловко выйдетъ... Публика развеселится, будетъ еще хоръ балалаечниковъ вызывать или цыганской пѣвицѣ хлопать, а тутъ я съ разсказомъ вылѣзаю...

— Не знаемъ ужъ, право, какъ... Мы подумаемъ.

— Прекрасно. И я подумаю.

Должно быть, ни та, ни другая сторона не думала. Иначе они не поставили бы меня четвертымъ номеромъ, послѣ цыганки и до итальянскаго баритона, а я вообще отказался бы, сославшись на любовь къ одиночеству и возможную въ этотъ день оттепель.

II

Въ артистической было весело и людно. Всякая комната, гдѣ до вечера могли умѣститься только два

старыхъ шкафа и одинъ сломанный диванъ, становится людной и веселой, когда въ нее входятъ двѣнадцать исполнителей разныхъ номеровъ и больше трехъ четвертей струннаго оркестра, не считая инструментовъ.

— Вы что сегодня поете? — ласково спросила меня какая-то полная дама, пудрясь передъ карманнымъ зеркальцемъ.

— Сегодня ничего, — сдержанно отвѣтилъ я.

— Тогда бы ушли, голубчикъ, — тѣмъ же тономъ бросила она, — для васъ, музыкантовъ, кажется, какую-то отдѣльную комнату нашли...

— Я не музыкантъ, сударыня, — хмуро возразилъ я.

— Ну, что это со мной, — весело разсмѣялась она, — всѣхъ сегодня путаю... Разговариваю съ распорядителемъ, а думаю, что музыкантъ. Милый, принесите мнѣ лимонада...

— Видите ли...

— Только холоднаго. Терпѣть не могу, когда теплую бурду приносятъ...

Лимонадъ въ буфетѣ отпустили неохотно.

— Съ антракта торговать начнемъ... Вамъ какого?

— Холоднаго. Мнѣ съ собой.

Буфетчикъ сунулъ мнѣ въ руку мокрую бутылку и занялся какимъ-то очереднымъ дѣломъ.

— У меня нѣтъ штопора...

— Что же вы тогда говорите, что съ собой надо? Пейте здѣсь.

— Мнѣ для артистки...

— Ну, это не моя обязанность. У меня все платное...

Уломавъ его, я понесъ черезъ публику стаканъ лимонада. Съ непривычки это было очень тяжело, тѣмъ болѣе, что по пути меня кто-то задержалъ и долго заказывалъ два бутерброда съ копченой колбасой, только чтобы безъ жира, а масла побольше.

Въ артистической дамы, которая пудрилась, уже не было.

— Это что у васъ, лимонадъ? — спросила дѣвица, разсматривавшая сбоку ноты и пробовавшая голосъ. — Холодный?

— Холодный.

— Спасибо.

Изъ вѣжливости она не ткнула мнѣ пустой стаканъ въ руки съ просьбой принести еще, а поставила его куда-то на футляръ мандолины.

— Этотъ лимонадъ не для васъ, — съ запоздалой грустью сообщилъ я дѣвицѣ съ нотами.

— Развѣ? — удивилась она, — ну все равно. Лимонаду вообще много.

Грудной голосъ дамы, пославшей меня за нимъ, выдѣлялся откуда-то извнѣ:

— Ну что за безобразіе... Послала какого-то олуха за лимонадомъ и до сихъ поръ нѣтъ...

Я прислонился къ косяку и сталъ ждать.

— А мы васъ ищемъ-ищемъ, — весело подбѣжалъ распорядитель, — вы только что пріѣхали? Поздненько.

— Я давно. Я за лимонадомъ ходилъ.

— Что же вы мнѣ не сказали, что хотите лимонада... Семенъ, принесите господину...

— Мнѣ не надо. Это дама просила...

— Ахъ, вы съ дамой... Почему же вы не сказали? Я велю ее усадить въ четвер...

— Не надо — она въ артистической...

— Въ артистической посторроннимъ нельзя...

Кто-то потянулъ его за рукавъ, и я остался одинъ. Концертъ уже начался, и меня два раза предупредилъ какой-то хмурый человѣкъ, что если я аккомпаніаторъ, то мнѣ надо знать, что лѣвая педаль у піанино работаетъ плохо. Спасибо, что и такое достали, а если я недоволенъ, то долженъ объ этомъ сказать Николаю Евгеньевичу.

— Между прочимъ, что вы будете читать? — спросилъ распорядитель, неизвѣстно откуда вынырнувъ передо мной.

— У меня съ собой тутъ есть кое-что... Вотъ одинъ разсказикъ...

Въ краткихъ словахъ я передалъ ему содержаніе разсказа объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который пріѣхалъ на лѣто къ родственникамъ, сталъ увлекаться природой и что изъ этого вышло.

— Прекрасная вещица,—восторженно похвалилъ онъ, поглядывая на часы, — вы такъ наизусть ее и заучили?

— Ну гдѣ тамъ, — добродушно улыбнулся я, — это я вамъ фабулу только разсказалъ...

— Фабулу? — съ ужасомъ переспросилъ онъ. — Это значитъ, въ теченіе одиннадцати минутъ — одну фабулу?

— Да, а что? Разсказъ, если изъ него кое-что выбросить, займетъ какихъ-нибудь 40—50 минутъ.

— Ну что вы... Да развѣ же можно! — хрипло вырвалось у распорядителя.

— А какъ же повѣсти публично читаютъ? — немного обидѣлся я. — Не могу же я выйти, сказать афоризмъ и уйти... Впрочемъ, у меня есть маленькая вещица. Дѣйствіе происходитъ въ аптекѣ...

— Прекрасная фабула, — вѣжливо согласился онъ, выслушавъ разсказъ о веселомъ инцидентѣ въ аптекѣ.

— Это не фабула, а весь разсказъ.

— Весь? — въ голосѣ его послышалось смутное чувство опасности, да это же на полторы минуты...

— Ну, хотите, я могу минуты двѣ такъ на сценѣ постоять. Безъ разговора... Руками что-нибудь тамъ дѣлать или стулъ передвигать...

— Такъ, такъ... — неопредѣленно произнесъ онъ.

Помирились мы на третьемъ разсказѣ.

III

Вышелъ я подъ громкіе и восторженные аплодисменты. До сихъ поръ я рѣшительно не зналъ, кому аплодировали — только что ушедшей цыганской пѣвицѣ, появившемуся въ дверяхъ зрительнаго зала итальянскому баритону, или мнѣ.

Одинъ изъ знакомыхъ, послѣ этого вечера увѣрялъ, что — мнѣ, такъ какъ я очень похожъ на одного популярнаго артиста, котораго публика любитъ и всегда радостно встрѣчаетъ. Кажется, это было

самое правильное толкованіе одобренія и радости, высказанныхъ публикой.

Я поклонился и сталъ читать. По моему, это былъ очень веселый и милый разсказъ, способный вызвать улыбку даже у волка изъ провинціальнаго звѣринца, но публика слушала его сосредоточенно и молча, какъ исповѣдь спасеннаго самоубійцы.

Изъ заднихъ рядовъ стали выдѣляться какіе-то голоса. Я прислушивался; безусловно, они относились именно ко мнѣ, а не къ тому, что я читалъ:

— Громче...

— Ничего не слышно...

— Погромче...

Повидимому, эти люди думали, что у каждаго автора голосъ, какъ у крючника, если они надѣялись услышать что-нибудь изъ самыхъ отдаленныхъ дебрей хоръ.

Я сталъ читать громче, но имъ окончательно пришлось по вкусу это публичное препирательство со мной, и голоса еще рѣшительнѣе заявили:

— Ничего не слышно.

Передо мной встала рѣшительная дилемма: или начать выкрикивать каждое слово съ такимъ расчетомъ, чтобы его услышали даже извозчики, зябко дожидавшіеся у подъѣзда, или уѣхать домой и развивать голосъ для слѣдующаго выступленія въ концертной программѣ.

Я выбралъ среднее: бросилъ всякую интонацію и логическія ударенія и сталъ читать еще громче. Въ жизни такимъ тономъ я разговариваю только лѣтомъ на дачѣ, когда, перегнувшись изъ окна, начинаю

убѣждать пастуха, чтобы онъ прогналъ коровъ дальше отъ моей террасы.

Публикѣ понравилось это больше. Въ паузахъ многіе даже смѣялись, мѣшая сосѣдямъ внимательно искать въ программѣ, какой номеръ будетъ дальше.

Помню, что я сумѣлъ прочесть разсказъ только до половины, внезапно раскланялся и быстро проскочилъ въ артистическую. Публика аплодировала.

— Это мнѣ? — радостно-возбужденно спросилъ я даму, посылавшую меня за лимонадомъ.

— Развѣ вы уже кончили? — встревожилась она, хватая ноты.

— Да...

— Что же я скрипку не слышала... Должно быть, подъ сурдинку играли?

— Я не скрипачъ, — сурово замѣтилъ я, — я юмористъ. У меня и книги свои есть.

— А, юмористъ, — разочарованно произнесла она. — Ну, такъ это вамъ хлопаютъ.

Я потихоньку спустился внизъ, одѣлся и уѣхалъ.

*

Больше я не буду выступать на концертахъ. Развѣ только въ малорусскомъ хорѣ, гдѣ можно постоять сзади и дипломатически раскрыть ротъ, когда услышишь, что рядомъ громко запѣли...

НЕЗАМѢТНЫИ ГЕРОЙ

Есть сейчасъ цѣлая категорія людей, которые не принимаютъ особенно широкаго участія въ верхахъ общественной жизни, но несутъ на себѣ всѣ тяжести новаго строя. Это домовые уполномоченные.

Когда-нибудь историкъ русской революціи отмѣтитъ ихъ отвѣтственную и почетную работу, а пока пусть слабая моя рука очертитъ жизнь этихъ незамѣтныхъ героическихъ тружениковъ.

Попадаютъ въ домовые уполномоченные по неосторожности.

Къ разсѣянному квартиранту, поднимающемуся по лѣстницѣ къ себѣ на квартиру въ седьмой этажъ, внезапно подходитъ швейцаръ и строго сообщаетъ:

— Васъ, господинъ, въ двѣнадцатый номеръ требуютъ.

— А зачѣмъ?

— Всѣхъ требуютъ.

Во время переворота въ странѣ это аргументъ довольно сильный, и неосторожный квартирантъ идетъ

въ двѣнадцатый номеръ, гдѣ собраніе уже въ полномъ разгарѣ: всѣ молчатъ, а одинъ изъ жильцовъ судорожно смотритъ на часы и умоляетъ ласковымъ взглядомъ, чтобы кто-нибудь попросилъ слова.

— Господа, — беретъ слово одинъ изъ квартирантовъ, — изъ меня могъ бы выйти прекрасный домовый уполномоченный. Несмотря на то, что я инженеръ, меня съ дѣтства влекло именно къ этому, но увы... Я встаю въ семь часовъ и ухожу изъ дома...

— Мы всѣ уходимъ, — глухо волнуются квартиранты, — всѣ...

— Да, но вы приходите, — рыдающимъ голосомъ бросаетъ находчивый человѣкъ, — а я... Я иногда застрѣваю на службѣ по четверо сутокъ... Конечно, я могу быть домовымъ уполномоченнымъ, но именно того дома, гдѣ я провожу все свое время...

Слѣдующій оправдывается тѣмъ, что у него больная жена, и ему, въ случаѣ, если выборъ падетъ на него, придется выкинуть умирающую женщину на улицу. Другой сознается, что онъ дезертиръ, страдаетъ падучей и не ручается за свои нервы, если его выберутъ...

Послѣ шести-семи такихъ объясненій, всѣ сразу выбираютъ человѣка неосторожнаго.

— Господа, — неувѣренно сообщаетъ предсѣдатель, — намъ нуженъ домовый уполномоченный. Это, конечно, жуткое явленіе, но это — такъ.

— Господа, — съ дикимъ ужасомъ въ голосѣ начинаетъ неосторожный человѣкъ, которому сразу не удается придумать вѣскихъ причинъ для отказа, — конечно, я очень благода...

— Просимъ, просимъ, — съ чувствомъ глубокаго энтузіазма, откликаются вывернувшіеся изъ опасности, — просимъ, гражданинъ Михальчукъ...

— Я, Степановъ, — горькій обидой вырывается у выбраннаго.

— Степановъ? Неужели? Просимъ, просимъ...

Съ этого момента темные щупальцы несчастія опускаются на душу неосторожнаго человѣка, а его хрупкій организмъ безжалостно бросается въ водоворотъ невѣдомыхъ событій.

*

Легче въ хорошо организованномъ демократическомъ государствѣ высчитать, сколько въ немъ незаконнорожденныхъ, чѣмъ выяснить количество жильцовъ въ обыкновенномъ петербургскомъ домѣ, когда за это берется неопытный человѣкъ.

Населеніе каждой квартиры, при первомъ же опросѣ о количествѣ населяющихъ ее и ихъ фамиліяхъ, сразу начинаетъ относиться недовѣрчиво.

— Опять за электричество деньги?

— Да нѣтъ, это для списковъ. У васъ сколько...

— Ну, предположимъ, семь. Фамиліи? Лучше бы кранъ въ ванной починили, чѣмъ фамиліи-то опрашиватъ...

— Это, видите ли, нужно для хлѣбныхъ карточекъ...

— Такъ бы и говорили. Пишите: 11.

— Вы же сказали — семь...

— Ну, сказала... Что же вы придираетесь-то? Теперь полиціи нѣтъ, свобода печати, а вы по старорежимному...

Ночью уполномоченный начинаетъ провѣрять списки.

Наиболѣе смышленные квартиранты, предчувствуя полученіе хлѣбныхъ карточекъ, вписываютъ въ число живущихъ рѣшительно всѣхъ, кто только переступилъ когда-либо порогъ ихъ квартиры. Послѣ подробнаго перечисленія всѣхъ квартирантовъ, давно умершихъ родственниковъ, идутъ явно непребывающія лица, потому, что послѣ фамиліи Хучаковъ и помѣтки, — монтеръ, стоитъ — Марья Егоровна, холостъ. На одномъ листѣ даже помѣчено: кошка Авдотья, потомъ перечеркнуто и стоитъ лаконически: трое домашнихъ животныхъ.

Результаты получаются неожиданные. Оказывается, что домъ очевидно, предназначенъ подъ дешевую ночлежку: въ 45 квартирахъ около двухъ тысячъ жильцовъ.

Послѣ безсонной ночи, уполномоченный зоветъ дворника и проситъ его провѣрить.

— Скажите, что молъ для комиссаріата нужно и чтобы не врали.

Населеніе дома сразу пугается, куда-то исчезаетъ и получается впечатлѣніе, что весь домъ на одинъ день превратился въ сиротскій пріютъ: въ сорока пяти квартирахъ можно, по спискамъ, едва насчитать тридцать семь человѣкъ, изъ которыхъ двадцать четыре не достигаютъ семилѣтняго возраста.

Черезъ два дня послѣ раздачи хлѣбныхъ карточекъ, толпы людей, изъ которыхъ добрая половина живетъ въ другомъ концѣ города, волнуются у дверей квартиры уполномоченнаго и требуютъ немедленнаго удовлетворенія продовольственнаго кризиса.

— Гдѣ моя карточка?

— А вы изъ какого номера?

— Изъ семнадцатаго. Акимъ Сергѣевичъ Пыринъ.

— Здѣсь въ спискахъ Пырина нѣтъ. Есть Исуковъ, Харявина, Тилякова...

— Тилякова? Это и есть. Анна Гавриловна?

— Именно.

— Я и есть. Это они по ошибкѣ.

— Позвольте...

— Нѣтъ, это вы позвольте! Что же вы квартирантскія карточки задерживать будете... Я не посмотрю, что теперь свобода да аннексіи разныя, это ужъ вы извините....

*

Мало-по-малу кругъ вѣдѣній домового уполномоченнаго начинаетъ расширяться. Онъ уже выдаетъ записки на спиртъ, собираетъ листки о подоходномъ налогѣ, составляетъ списки избирателей въ районныя думы и начинаетъ забывать о прежней жизни.

Новыя обязанности всецѣло заполняютъ его досугъ, который пришелъ послѣ невозможности посѣщать прежнюю службу.

— Это вы выдаете для дѣтей молоко?

— Это въ молочной, сударыня.

— Тамъ не выдаютъ. Говорятъ, что молочная уже два мѣсяца какъ закрыта. Выдайте молочную карточку. Вы обязаны.

— Сударыня, но молочныхъ карточекъ... Что же вы волнуетесь?

— Да развѣ легко матери, когда ея дѣти...

— Захватите вашихъ малютокъ и отнесите ихъ въ . . .

— У меня одинъ служитъ въ банкѣ, а другой вольноопредѣляющійся. Я не могу ихъ никуда разносить...

— Сударыня, но...

— Ну да, конечно. Кому не лестно припрятать общественныя карточки и самому...

*

Ночью, слегка украсивъ себя розовымъ капотомъ, приходитъ другая дама.

— Я къ вамъ, какъ къ домовому уполномоченному. Приходитъ сейчасъ Сергѣй Петровичъ, совершенно пьяный, въ карманѣ у него вѣеръ и, зная, что моего мужа нѣтъ дома...

Протирая глаза и горько вздыхая, уполномоченный вытаскиваетъ изъ письменнаго стола списки домовыхъ жильцовъ.

— Изъ какого номера.

— Двадцать третьяго.

— Сергѣй Петровичъ... Сергѣй Петровичъ... Здѣсь такого нѣтъ. Я не могу выдать карточку... Скажите, чтобы зашелъ завтра утромъ.

Дама смотритъ на него удивленными глазами, потомъ вздыхаетъ и начинаетъ снова:

—Я къ вамъ какъ къ домовому уполномоченному. На чемъ это я остановилась? Ахъ, да... Врывается ко мнѣ въ будуаръ, хватаетъ меня за руки и начинаетъ кричать, что я разбила ему жизнь...

— Вы требуете милицію, сударыня? — уныло спрашиваетъ уполномоченный...

— Зачѣмъ-же... Можетъ быть, вы сами...

*

Во время обѣда приходитъ грузный мужчина и долго бьетъ кулакомъ по столику въ прихожей.

— Это что же-съ? Сегодня одни условія, завтра другія? Да? Такъ я говорю, господинъ домовый?

— Въ чемъ дѣло? — успокаивая испуганную семью, выбѣгаетъ уполномоченный.

— Я васъ спрашиваю, имѣетъ онъ право? Сейчасъ я плачу восемьдесятъ съ дровами, а осенью сто десять безъ дровъ платить буду? Да?

— Это же домохозяинъ...

— Обуздайте. Можетъ, у меня тоже домъ есть, а только нарочно въ квартирѣ живу... Прошло ваше царство, будетъ, голубчики... Не позволю за горло себя хватать...

— Я же домовый уполномоченный....

— Ну да, знаю. Жалованье отъ хозяина получаете, а съ квартирантовъ шкуру дерете?

Когда онъ уходитъ, уполномоченный долго сидитъ на диванѣ, мнетъ старый окурокъ и, не спуская глазъ

съ портрета Льва Толстого, висящаго на стѣнѣ, горько шепчетъ:

— За что? За что?

*

— Баринъ! васъ сегодня бить хотѣли. Спасибо, старшій дворникъ уговорилъ.

— Кто, Дуняша?

— Прачки. Онъ, говорятъ, наши сахарныя сожралъ, а теперь хлѣбныя дожираетъ. Пусть подавится карточками, а морду утюгами ему нахлопаемъ, — это вамъ-то. Карточки имъ не дали, — вотъ онѣ и обижаются.

— Онѣ же не здѣсь живутъ. Сюда только приходятъ.

— Это, говорятъ, мы безъ него знаемъ, а только не его дѣло, гдѣ кто живетъ. Пусть лучше за собой смотритъ.

— Вы хоть имъ объяснили-бы, Дуняша?

— Объяснила.

— А онѣ что?

— Смѣются. Все равно, говорятъ, скандалъ устроимъ. Не будетъ онъ живъ въ этомъ домѣ...

О томъ, что избирательные бюллетени будутъ раздаваться въ теченіе трехъ дней, отъ восьми до шести, населеніе оповѣщается за недѣлю раньше. Въ назначенный день приходятъ только двое за разрѣшеніемъ на спиртъ, при чемъ оказывается, что это

одинъ и тотъ же пріятель швейцара изъ сосѣдней гостиницы, но подъ разными фамиліями.

Изъ квартирантовъ приходитъ только комнатный жилецъ, который долго разсматриваетъ бюллетени и сокрушенно замѣчаетъ:

— Въ Швейцаріи лучше. Тамъ не въ районныя думы, а прямо въ Учредительное Собраніе. А у насъ что — анархія.

Забѣгаетъ горничная снизу, попросить, нельзя ли получить нѣсколько бюллетеней для отсылки ея жениху въ дѣйствующую армію.

— Онъ этимъ страсть какъ заинтересуется.

Ночью уполномоченному снятся тяжелые сны, что въ районную думу прошелъ покойный Столыпинъ, и онъ въ этомъ виноватъ, потому, что никто изъ жильцовъ не взялъ бюллетеней. Просыпаясь рано утромъ, ходитъ неумытый по комнатамъ. Потомъ достаетъ старый альбомъ, смотритъ на свою карточку, гдѣ онъ снятъ маленькимъ гимназистомъ, и тихонько плачетъ.

УВАЖЕНІЕ

Въ то время было очень много сильныхъ натуръ: люди питались сочнымъ мясомъ, пили ковшами вино, звали другъ друга на ты и скептически относились къ женщинамъ — всѣ эти причины помогали сильнымъ натурамъ таковыми и оставаться.

Но Родамусъ Кверкъ, оружейный мастеръ Роттердама даже среди современниковъ отличался крѣпостью своихъ убѣжденій, силой воли и желѣзнымъ спокойствіемъ. Въ 1647 году, когда въ Голландіи многіе начали увлекаться инквизиціей, Родамусъ Кверкъ первый пришелъ въ городскую ратушу и, вызвавъ въ коридоръ четырехъ старѣйшихъ гражданъ, сказалъ имъ увѣренно и продуманно:

— На этихъ дняхъ я думаю основательно и подольше поговорить съ дьяволомъ. Я знаю, что люди, которые зарабатываютъ хлѣбъ инквизиціей, попытаются надѣть на меня желѣзные сапоги или еще что-нибудь острое, тяжелое и неудобное. Предупредите ихъ, старички, что если кто-нибудь изъ нихъ попытается подойти къ моему дому я буду бить, не считаясь съ временемъ дня, каждаго большимъ кускомъ желѣза, который я берегу уже одиннадцать лѣтъ.

Родамусъ никогда такъ долго и много не разговаривалъ. И онъ самъ, и старики были очень удивлены продолжительностью его рѣчи, но она была очень проста и убѣдительна.

— Поняли? — изъ предосторожности все-же спросилъ Родамусъ.

— Поняли?

— Такъ и передайте!

— Такъ и передадимъ, — обѣщались старые голландцы.

Что касается инквизиторовъ, то предупрежденные членами роттердамскаго муниципалитета, они не пытались привязаться къ Родамусу по поводу его намѣреній: эти люди всячески оперировали съ желѣзомъ и издѣліями изъ него въ большихъ темныхъ подвалахъ и загородныхъ постройкахъ, но когда это-же желѣзо въ видѣ массивнаго куска находилось въ рукахъ такого сильнаго человѣка, какимъ былъ Родамусъ, — они предпочитали заниматься другими очередными дѣлами.

Хорошо сознавая это, Родамусъ, наканунѣ праздника оставшись одинъ въ своей полутемной мастерской, вымылъ руки, пригладилъ жестокіе бурые волосы и, обернувшись на западъ, произнесъ обычное приглашеніе того времени:

— Діаволъ, діаволъ, зову тебя въ гости!

Быть можетъ, теперь для этого понадобились бы особыя пригласительныя карточки, отпечатанныя на толстомъ картонѣ съ золотыми обрѣзами, да и то только, чтобы получить отъ дьявола вѣжливое увѣдомленіе, что сегодня онъ занятъ и заѣдетъ на ми-

нуточку въ четвергъ послѣ восьми. Тогда всѣ способы общенія были значительно проще, и черезъ шесть-семь секундъ дьяволъ уже стоялъ около Родамуса, слегка усталый, немного обрюзглый, но готовый къ услугамъ и дѣловому разговору.

— Ты звалъ меня, Родамусъ?

Естественно, что въ первый моментъ Родамусъ немного смутился: это было чувство батрака, который пришелъ наниматься къ вліятельному герцогу, Прежде всего разница положеній, потомъ ясно сознаваемая зависимость, да и самый моментъ говорилъ о многомъ. Дьяволъ — не уличный мальчишка, котораго въ любой моментъ можно зазвать въ домъ за гнилое яблоко и тридцать разъ выгнать за назойливость.

— Да, это я — Родамусъ Кверкъ, немного дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Родамусъ, — звалъ тебя къ себѣ.

— Кверкъ... Кверкъ, — что-то вспоминая пробормоталъ дьяволъ, — какая знакомая фамилія... Кажется, я зналъ твоего дѣдушку. Это былъ очень упрямый старикъ, посылавшій ко мнѣ рѣшительно всѣхъ, кто приставалъ къ нему съ вопросомъ о деньгахъ. Позже я встрѣчался съ нимъ въ преисподней, но тамъ его и не узнать — не выходитъ изъ котла, постарѣлъ и какъ-то сдалъ назадъ...

— Его звали Игнаціусъ.

— Совершенно вѣрно. Подлый былъ старикъ... Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

Дѣловой разговоръ продолжался не особенно долго. Единственной ходовой монетой въ переговорахъ

съ дьяволомъ была человѣческая душа, и Родамусъ охотно предложилъ свою, какъ и предполагалъ заранѣе, но когда дѣло дошло до записки на бумагѣ, оружейникъ немного помолчалъ и коммерчески задумался.

— Конечно, тебѣ нужно богатство, — небрежно напомнилъ ему дьяволъ, — пиши: получаю турецкими цехинами одинъ милліонъ четыреста пятьде...

— Не надо, — хмуро отрѣзалъ Роадмусъ, — ты мнѣ отсыпешь сколько угодно денегъ, какъ голландской, такъ и иностранной валютой, но къ этому ты прибавишь внѣ договора хорошенькую проказу, и я буду на этой самой иностранной валютѣ гнить гдѣ-нибудь на задворкахъ собственнаго замка. Не надо.

— Ты знаешь, — прищурилъ глазъ дьяволъ, — это остроумно. Съ кѣмъ-нибудь я это продѣлаю.

— Мнѣ уже сорокъ два года, и я кое-что понимаю — самодовольно ухмыльнулся Родамусъ, — не надо мнѣ и красавицы жены.

— А есть у меня на примѣтѣ одна датчанка...

— Спасибо. Не надо. Держу пари, что ты уже въ душѣ ухмыляешься надъ тѣмъ, какъ подосланный тобой какой-нибудь баккалавръ, молодой лоботрясъ, въ бархатныхъ штанахъ, будетъ еженощно циркулировать въ окно моей спальни, туда и обратно...

— Родамусъ! Ты гораздо умнѣе, чѣмъ кажешься, — съ ѣдкой улыбкой произнесъ дьяволъ, — если откинуть уже упомянутаго дѣдушку, вы всѣ Кверки были неглупымъ народомъ.

— Думаю, что мой внукъ не скажетъ иного и обо мнѣ. Ну такъ вотъ что...

Въ простыхъ незатѣйливыхъ выраженіяхъ Родамусъ разсказалъ дьяволу о томъ, что бы ему хотѣлось получить за полный переходъ его души въ чужую собственность.

Онъ уже сказалъ, что богатства ему не надо. Конечно, тридцать-сорокъ тысячъ золотыхъ въ кладовой, это уже явится какъ бы простой любезностью со стороны дьявола. Въ особенной красотѣ онъ тоже не нуждается: исчезновеніе двухъ бородавокъ съ шеи, отсутствіе морщинъ на лбу, да немножко блеска въ глазахъ — вотъ все, что онъ бы хотѣлъ въ этой области. Лѣта, конечно, остаются прежними. Вѣдь онъ, Родамусъ, будетъ продолжать прежнюю жизнь въ Роттердамѣ, въ томъ же домѣ, и смѣшно было бы, если бы завтра его сосѣди увидѣли, вмѣсто прежняго Родамуса, мальчишку семи лѣтъ, тянущагося за леденцами, или безпутнаго двадцатилѣтняго бездѣльника, пристающаго на улицахъ къ чужимъ невѣстамъ.

Ему нужно одного: общаго уваженія, признанія его всѣми самымъ достойнымъ человѣкомъ въ Роттердамѣ, а уже онъ, Родамусъ, сумѣетъ при этихъ условіяхъ обезпечить себѣ легкую счастливую жизнь. Когда же придетъ смерть, дьяволъ можетъ взять его душу и распоряжаться ей, какъ всякой движимой собственностью.

— Ты хочешь такъ мало — искренно удивился дьяволъ. — Мнѣ даже какъ-то неловко... Хочешь все-таки я дамъ тебѣ ту датчанку, о которой уже говорилъ она завтра же...

— Возьми ее себѣ и женись на ней хоть черезъ полчаса. Шаферомъ на этой свадьбѣ меня ты не увидишь...

— Сбавь себѣ хоть десять лѣтъ... — стоялъ на своемъ дьяволъ.

— Сбавь ихъ, если тебѣ такъ хочется, моей собакѣ. Ей это будетъ полезно: она слишкомъ стара и ее обижаютъ даже цыплята.

Разсказывать о составленіи и подписаніи договора было бы лишнимъ. Въ то время такія сдѣлки были частымъ явленіемъ и дьяволъ уже по шаблону потребовалъ подписи кровью на пергаментѣ изъ кожи чумной змѣи.

— Ничего не подѣлаешь, братъ Родамусъ.

— Сычъ тебѣ братъ, — весело отвѣтилъ уже повеселѣвшій Родамусъ, — не фамильярничай...

Подписавъ договоръ, дьяволъ немного попахъ сѣрой, деревянно засмѣялся и, поздравивъ Родамуса Кверка съ новой жизнью, исчезъ.

II

Это новая жизнь началась со слѣдующаго же дня. Утромъ Родамусъ вышелъ изъ своей мастерской и еще смутно ощущая, что произошло вчера, позвалъ проходившаго по улицѣ торговца капустой.

— Эй!.. Торговецъ!..

Тотъ лѣниво обернулся, подошелъ и поставилъ на землю темное деревянное корытце, съ рыхлыми сочными вилками капусты, шелестѣвшими при каждомъ толчкѣ.

— Дрянь капуста-то, — сокрушенно и полусочувственно пробормоталъ Родамусъ, — мелкая и трухлявая.

— Эта? — пожалъ плечами торговецъ. — Эта — дрянь? Много ты понимаешь...

— Родамусъ Кверкъ знаетъ, что онъ говоритъ...

Что-то странное произошло съ торговцемъ, когда онъ услышалъ это имя. Онъ снялъ шляпу съ нечесанной головы, отступилъ на два шага и, молча преклонивъ колѣно, робко сказалъ:

— Ахъ, если бы я зналъ, что предо мною достойнѣйшій изъ достойныхъ, самъ Родамусъ Кверкъ, развѣ я посмѣлъ бы совать ему подъ носъ эту заваль, которую...

— Ну то-то, — самодовольно усмѣхнулся Родамусъ, — возьми свою капусту и иди, куда знаешь...

— Посмѣю ли взять товаръ, осужденный самимъ Родамусомъ? — пылко воскликнулъ торговецъ, — О, нѣтъ, никогда! Я хочу умереть такимъ же честнымъ, какимъ умеръ мой отецъ...

Онъ выбросилъ капусту на землю и топталъ ее ногами до тѣхъ поръ, пока до сосѣдняго дома вся земля не была усѣяна бѣлыми хлопьями. Потомъ оторвался отъ этой работы и долго кланялся вслѣдъ уходящему Родамусу.

— А дьяволъ, кажется, не овралъ, — думалъ тотъ, радостно потирая руки, — начало хорошее...

Свѣтило яркое, заигрывающее съ душой солнце. Въ ногахъ чувствовалась крѣпость, и юношеская бодрость разливалась по тѣлу.

Королевскій трубачъ, только что отнявшій у какого-то гражданина зеленый праздничный поясъ, увидѣвъ Родамуса, перебѣжалъ на другую сторону и, торопливо спрятавъ добычу, сдѣлалъ церемонный глубокій поклонъ.

— Привѣтъ достойнѣйшему...

Это былъ одинъ изъ лучшихъ заказчиковъ; и Родамусъ уже хотѣлъ подойти къ нему и справиться, не надо ли ему починить латы къ веснѣ, но потомъ сдержалъ себя и, еле кивнувъ головой, милостиво замѣтилъ:

— Проходи, голубчикъ...

На слѣдующемъ поворотѣ, около большого каменнаго моста, случилось то, къ чему Родамусъ впослѣдствіи уже привыкъ, но что сейчасъ ему показалось необычайнымъ и даже сверхожиданнымъ.

Поперекъ дороги лежалъ пьяный торговецъ смолой, оборванный, грязный, и горланилъ какую-то непристойную пригородную пѣсню. Старая женщина, наклонясь надъ нимъ, уныло плакала и причитала что-то, называя пьянаго сынкомъ.

— Пьянъ? — спросилъ Родамусъ.

— Какъ свинья, — отвѣтила женщина.

— Какъ же тебѣ не стыдно? — укоризненно покачалъ головой Родамусъ.

— А тебѣ какое дѣло? — задорно спросилъ пьяный, не подымаясь съ земли. — Много васъ тутъ укоряльщиковъ шляется... Ты еще кто такой?

— Я? Я Родамусъ Кверкъ, оружейникъ... И я говорю тебѣ, что лучше умереть, чѣмъ вести такой образъ жизни, пьяное животное...

Продавцу смолы было всего тридцать шесть лѣтъ но уже съ семнадцати онъ пилъ, какъ лошадь. Иногда устраивались спеціальные съѣзды изъ родственниковъ, чтобы его отговорить отъ гибельной привычки, но ничего не помогало. Онъ спаивалъ самыхъ слабохарактерныхъ изъ нихъ и уже не одинъ валялся въ уличной пыли, а съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ по крови...

Но когда Родамусъ произнесъ свою суровую фразу, пьяный вдругъ сталъ отдирать свое худое тѣло отъ земли, мутно озираясь по сторонамъ, и съ внезапными слезами обнялъ мать.

— Матушка, — сурово борясь съ хмелемъ, надрывно выкрикнулъ онъ: — самъ Родамусъ Кверкъ говоритъ, что лучше смерть, чѣмъ такая жизнь... Самъ достойнѣйшій изъ до...

Подбѣжавшіе видѣли только, какъ какой-то грязный человѣкъ, пошатываясь, добрелъ до перилъ моста и съ тяжелымъ вздохомъ отчаянія кинулся въ воду.

— Вѣчная благодарность тебѣ, — въ экзальтаціи произнесла старуха, припадая къ ногамъ Родамуса. — Мой сынъ умеръ по совѣту достойнѣйшаго изъ достойныхъ...

— Что я надѣлалъ!.. — пробормоталъ Родамусъ.

— Слава Родамусу Кверку, — зашептала собравшаяся къ мѣсту происшествія толпа, — достойнѣйшему изъ достойныхъ...

Родамусъ повернулъ домой, а старуха пошла среди толпы и радостно кричала:

— Мой сынъ удостоился смерти по совѣту самаго достойнѣйшаго изъ достойныхъ въ Роттердамѣ...

Когда Родамусъ подходилъ къ дому, изъ сосѣдняго двора выбѣжала собака, залаяла на него и вдругъ, сразу спохватившись, завиляла хвостомъ.

Въ глазахъ ея Родамусъ прочелъ такое уваженіе къ нему, что у него даже навернулись слезы умиленія.

— Да, дьяволъ — честный парнище, — вслухъ сказалъ онъ, отворяя двери, — обѣщаніе онъ исполняетъ великолѣпно... И все за какую-то поношенную душу, которой все равно никому не жалко.

III

Въ одну изъ пятницъ Родамусъ захотѣлъ нанять мастеровъ въ свою мастерскую.

Въ прежнее время онъ долженъ былъ бы обойти всѣ роттердамскіе базары и до хрипоты горла убѣждать базарныхъ гулякъ бросить непутевую жизнь и пойти къ нему, Родамусу, въ мастеровые, за что при жизни они будутъ получать столъ пищу и хозяйскія бесѣды о загробной жизни, а послѣ смерти небольшое, но удобное мѣсто въ раю.

Теперь Родамусъ просто открылъ окно и, подозвавъ какую-то няньку, спокойно сказалъ ей:

— Женщина, подойди на перекрестокъ и скажи, что Родамусу Кверку нужны мастера.

Нянька бросила ребенка на суглинистую почву улицы, закричала что-то невятное и пошла къ перекрестку.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ передъ домомъ Родамуса уже стояла громадная толпа людей, жаждавшихъ поступить къ Родамусу въ мастеровые.

Здѣсь были принцы королевской крови, лучшіе портные въ городѣ, дамы полусвѣта, старый ростовщикъ съ племянникомъ, иностранные гимнасты и даже двѣ цирковыя наѣздницы-арабки.

Не было только настоящихъ оружейныхъ мастеровъ. Ихъ не пустили, какъ людей неблагороднаго происхожденія, мозолить глаза Родамусу.

— При чемъ вы здѣсь, граждане? — удивленно спросилъ Кверкъ. — Мнѣ нужны спеціалисты...

— Изъ уваженія къ тебѣ, Родамусъ, — съ поклономъ отвѣтилъ одинъ изъ принцевъ, — я готовъ... э... ткать оружіе...

— Оружіе не ткутъ. Куютъ его, — поправилъ Кверкъ.

— Изъ уваженія къ тебѣ, Родамусъ, — воскликнула толпа, — мы готовы дѣлать все, что угодно. Только прими насъ.

Для мастерской наступили тяжелыя времена. Никто не работалъ изъ-за денегъ. Всѣми руководилъ исключительный, радостный даже для того времени, такой порывъ уваженія къ Родамусу, что всѣ работали по девятнадцати часовъ въ день, но оружіе выходило очень похожее на кухонныя принадлежности. Одна дружина, вооруженная такимъ оружіемъ, не могла бы обратить въ бѣгство четырехъ кошекъ.

Родамусъ ходилъ сѣтовать къ начальнику оружейнаго цеха, но тотъ покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Единственно, что я могу сдѣлать изъ уваженія къ тебѣ, это — распустить весь цехъ оружейниковъ. Съ завтрашняго дня онъ не существуетъ.

Дѣйствительно, черезъ день цехъ былъ распущенъ и бывшіе товарищи Родамуса уже занимались перетаскиваніемъ камней и щебня на городскихъ постройкахъ.

— Дьяволъ, — строго сказалъ въ одну изъ ночей Родамусъ, — ты смотри, не переусердствуй насчетъ уваженія...

Но дьяволъ усердствовалъ, какъ молодой негръ, котораго послали узнать о погодѣ.

Раньше Родамусъ любилъ заходить въ харчевню — съѣсть большой кусокъ бычьяго мяса и выпить стараго крѣпкаго пива. Передъ нимъ не гнулъ спину лысый корявый хозяинъ, но привѣтливо болталъ и скрашивалъ монотонность прожевыванья бычьихъ жилъ.

Теперь все рѣзко измѣнилось. Едва за большимъ дубовымъ столомъ появлялась грузная фигура Родамуса Кверка, подымался небывалый переполохъ, посѣтители вскакивали съ мѣстъ и, низко кланяясь, убѣгали съ кусками пищи и кружками на задній дворъ.

— Развѣ можемъ мы сидѣть вмѣстѣ съ самимъ Родамусомъ? — объясняли они свое поведеніе. — Развѣ мы такъ мало уважаемъ его, чтобы осмѣлиться...

Даже слуги изъ харчевни, грязные и грубые, спѣшно убѣгали на рѣку, чтобы отмыть свою грязь и появиться передъ Родамусомъ въ приличномъ видѣ.

Родамусъ оставался въ харчевнѣ одинъ, тоскливо озираясь по сторонамъ, уныло съѣдалъ свою порцію и уходилъ домой.

— У меня уже начинаютъ болѣть почки отъ ихъ уваженія, — какъ-то проворчалъ онъ, подходя къ дому.

Случилось такъ, что бродячая труппа давала въ городѣ представленье. Ставили веселую комедію изъ жизни убійцъ и воровъ. Послѣ шестого убійства какой-то хромой старухи, Родамусъ зѣвнулъ.

— Скучно что-то, — неосторожно бросилъ Кверкъ.

Объ этомъ заявленіи Родамуса сейчасъ же сообщили на сцену. Черезъ четыре минуты декорація сразу была замѣнена другой, героиня начала глотать горящую паклю, герой сталъ подымать зубами гири, а убитая старуха танцовала старую голландскую польку.

Публика сидѣла мрачная и съ тревогой смотрѣла на Родамуса, нравится ли ему это, или нѣтъ.

На другой день, когда шла драма, Кверкъ также необдуманно засмѣялся во время перваго дѣйствія. Проникнутая уваженіемъ труппа, предполагая, что пьеса не достаточно драматична, сразу сгустила краски и, вмѣсто одиннадцати дѣйствій, которыя предполагалось растянуть, въ виду плохихъ дѣлъ труппы, на два вечера, сразу покончила трагедію въ концѣ перваго акта: герой переѣзжалъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, они всѣ вышли кланяться на аплодисменты, но одинъ изъ нихъ уже не всталъ совсѣмъ, такъ какъ игралъ всѣхъ реальнѣе. Это былъ

антрепренеръ, зарѣзавшійся бритвой за сценой. Родамусъ пересталъ ходить и въ театръ.

IV

Осенью, уже изможденный и постарѣвшій отъ общаго уваженія, Родамусъ захотѣлъ жениться.

Онъ выбралъ очень красивую молодую дѣвушку изъ хорошаго семейства. Это было очаровательное существо, безъ всякихъ недостатковъ, кромѣ сочной и крѣпкой влюбленности въ одного купеческаго сына Брандта.

На предложеніе Родамуса оба родителя ея хоромъ отвѣтили:

— Приписываемъ эту честь нашей добродѣтели. Мы согласны.

Невѣста тоже не могла не согласиться.

— Я васъ уважаю, какъ дѣдушку, — тактично сказала она послѣ перваго поцѣлуя въ аллеѣ роттердамскаго парка.

Родамусъ вздохнулъ и тоже согласился.

Прежній женихъ невѣсты Родамуса — Брандтъ, узнавъ объ ихъ бракѣ, четыре ночи приходилъ подъ окна Кверка перерѣзывать себѣ горло, но изъ уваженія къ Родамусу откладывалъ это событіе со дня на день, пока не повѣсился на дверяхъ городской ратуши въ день свадьбы, оставивъ корявую записку на пергаментѣ:

— «Умираю изъ уваженія къ Родамусу, ибо не увѣренъ въ плохихъ чувствахъ ко мнѣ его супруги. Съ уваженіемъ — Брандтъ».

Семейная жизнь Родамуса началась и продолжалась на тѣхъ же началахъ, о которыхъ позаботился дьяволъ. Жена поднималась съ зарей, спѣшно умывалась и садилась около его постели отгонять мухъ. Она не допускала, чтобы слуга чистилъ платье Родамуса, сама снимала съ него тяжелые сапоги, а при каждой ласкѣ предварительно отходила въ сторону и низко-низко кланялась.

— Кажется, я скоро повѣшусь, — горько обнадежилъ себя Родамусъ, — и ты меня доведешь до этого.

— Развѣ я тебя мало уважаю? — со слезами на глазахъ спросила жена.

— Въ этомъ домѣ я скоро не позволю говорить объ уваженіи! — рѣзко закончилъ Родамусъ.

Насталъ счастливый моментъ въ семейной жизни, и одиннадцать лучшихъ акушеровъ уже дежурили у супружеской спальни.

— Мнѣ бы хотѣлось сына, — сладко жмурясь, пробормоталъ Родамусъ.

— При такомъ уваженіи къ тебѣ твоей жены, Родамусъ, мы думаемъ, что твое желаніе...

А черезъ полчаса Родамусъ уже сидѣлъ окруженный тремя новорожденными близнецами и истерически билъ себя въ грудь:

— Уважай въ одномъ, уважай въ другомъ, но сразу троихъ, это — знаете...

V

Черезъ недѣлю Родамусъ выбѣжалъ безъ шапки изъ дому, прибѣжалъ къ рѣкѣ, и въ темнотѣ голландской ночи раздался негодующій крикъ:

— Дьяволъ... дьяволъ... Сю-ю-да-а!..

Дьяволъ не заставилъ себя долго ждать. Разговоръ былъ бурный, съ бѣшенными криками и угрозами проломить чью-то голову. Должно быть, это относилось къ дьяволу, потому что, исчезая, онъ кинулъ въ лицо Родамусу какую-то бумагу и холодно добавилъ:

— На, жри... Такой же мерзавецъ, какъ твой дѣдушка. Больше никогда не буду съ вами, Кверками, имѣть никакого дѣла... Ты у меня послѣ изъ котла не вылѣзешь...

— И въ котлѣ люди живутъ... Проваливай! — радостно крикнулъ ему Родамусъ. — Пиши! Своимъ кланяйся!

Когда Родамусъ пробирался домой по темнымъ улицамъ, на него набросилась собака и укусила въ ногу. Онъ бросился къ ней, радостно обнялъ ее и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ мокрую мохнатую спину.

— Кто тамъ еще лѣзетъ къ моей собакѣ? — спросилъ изъ темноты чей-то грубый голосъ.

— Это я — Родамусъ Кверкъ.

— Родамусъ? — хмуро перестроилъ голосъ. — А вотъ, какъ дамъ тебѣ полѣномъ по темени...

— Неужели ударишь? — съ тайной надеждой вырвалось у Родамуса. — Меня, Кверка?

Два тупыхъ удара сразу подтвердили возможность этого факта. Съ крикомъ радости Родамусъ прибѣжалъ домой и бросился къ женѣ.

— Ты знаешь? — захлебываясь, началъ онъ. — Меня сейчасъ укусила собака, меня побили по темени и обѣщали завтра переломать ноги...

— Да ну? — сразу проснулась жена.

— Честное слово... Теперь меня никто не уважаетъ... Ни одна то-есть душа...

И видя его радостное, сіяющее лицо въ предутреннихъ сумеркахъ, жена сердито крикнула:

— Иди, иди дрыхнуть, старый чортъ... Шляешься тутъ по ночамъ... Покоя отъ тебя нѣтъ...

Родамусъ скользнулъ въ постель, притиснулся къ стѣнѣ и заснулъ сладкимъ, — сладкимъ сномъ. Онъ былъ счастливъ.

УХАЖИВАТЬ

Изъ всѣхъ пошлыхъ, юркихъ и раздражающихъ словъ, есть одно самое захватанное. Ухаживать. Это слово напоминаетъ визитку, выставленную въ витринѣ магазина готоваго платья — съ бумажнымъ цвѣткомъ въ петлицѣ и краснымъ платкомъ, торчащимъ изъ кармашка. Когда при мнѣ говорятъ, что кто-то за кѣмъ-то ухаживаетъ, мнѣ всегда представляется молодая дѣвушка съ маленькимъ лбомъ и вздернутымъ носомъ, а около нея молодой человѣкъ съ потухшимъ взглядомъ и очень большой коробкой липкихъ конфетъ въ дрожащихъ отъ волненія рукахъ.

Во рту становится кисло отъ этой ассоціаціи.

Я нѣсколько разъ разлагалъ на составные элементы тотъ процессъ, который вкладывается въ слово: ухаживать. Результаты получались самые обидные.

*

Высшій видъ ухаживанья за женщиной, конечно, являло средневѣковое рыцарство.

Если посмотрѣть на средневѣкового рыцаря не съ точки зрѣнія красивыхъ перьевъ на шлемѣ и бле-

стящихъ латъ — это была, по справедливости, очень жалкая фигура.

Неграмотный человѣкъ, мѣняющій бѣлье два раза въ году, съ исшрамленнымъ отъ турнировъ лицомъ, садился на лошадь и ѣхалъ искать подвиговъ.

Съ точки зрѣнія современной морали, подвиги эти были весьма сомнительнаго свойства. Если рыцарь защищалъ бѣдняка, то трое богатыхъ отъ этой защиты навѣрняка уже лежали съ вспоротыми животами. Если онъ сбивалъ спѣсь съ хвастуна, дѣло кончалось не только поверженнымъ въ прахъ самолюбіемъ, а еще и длительнымъ дожиганьемъ недвижимаго имущества поверженнаго.

Распространяя такъ на своемъ пути справедливость, граничащую съ бѣшенной паникой мѣстнаго населенія, рыцарь натыкался на красивую женщину, которая, безъ предварительнаго согласія, и дѣлалась дамой его сердца.

Рыцарь слѣзалъ съ лошади, садился подъ окномъ замка и начиналъ терпѣливо дожидаться благосклонности. Очень часто бывало, что рыцарь садился еще не подъ то окно и ужасно удивлялся, почему это изъ завѣтнаго окна выглядываетъ только рыжая борода старшаго псаря и доносится только одна крѣпкая ругань, произносимая хриплымъ, пропитымъ голосомъ.

Понявъ свою ошибку, рыцарь переходилъ на другую сторону и снова выжидалъ.

Въ замкѣ учащались семейные скандалы. Дама сердца категорически отказывалась выходить даже въ садъ, мотивируя свое поведеніе кратко и рѣзко:

— Тамъ этотъ идіотъ подъ окномъ дожидается. Выйдешь — приставать начнетъ.

— Это славный рыцарь, Гризельда, — укоризненно качалъ головой владѣлецъ замка. — Это самъ де-Бриссаньякъ ди-Формоза дю-Кито. Онъ покорилъ волшебника Пупса.

— И прекрасно. Пусть у него подъ окномъ и сидитъ.

— Онъ ждетъ твоей любви, Гризельда.

— А если ихъ десять человѣкъ подъ окнами разсядется? Я никого не приглашала.

— Все же приличіе требуетъ, чтобы ты подарила ему знакъ вниманія. Онъ знатнаго рода.

— Я ему подарю! — угрожающе шипѣла Гризельда.

Три ночи подъ рядъ изъ окна Гризельды лилось и сыпалось на рыцаря все, что только нехорошаго могли внести въ комнату двѣ прислужницы. Рыцарь фыркалъ, протирая глаза, проклиналъ неудачную любовь, но терпѣлъ.

Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія его покорностью Гризельда бросала ему сверху самую подержанную розу, которая по внѣшнему виду напоминала современную половую тряпку. Рыцарь благоговѣйно цѣловалъ лепестки и складывалъ цвѣтокъ за пазуху, гдѣ уже около двухъ мѣсяцевъ покоились: кусокъ недоѣденнаго сыра, баночка съ лошадиной мазью и сухая баранья кость, взятая въ качествѣ талисмана противъ дурной погоды въ пути.

Съ этого момента рыцарь считалъ себя приглашеннымъ въ домъ и вбѣгалъ туда по винтовой лѣст-

ницѣ. Около четырехъ дней онъ отъѣдался и вралъ о своихъ подвигахъ. Потомъ начиналъ приставать къ дамѣ сердца.

Желая отъ него отвязаться, та давала ему самыя необычайныя и затяжныя порученія, которыя рыцарь немедленно же уѣзжалъ исполнять подъ честное слово.

— Я вчера во снѣ видѣла, будто на большой дорогѣ, около двухъ дубовъ, — цинично выдумывала Гризельда, — стоитъ торговый человѣкъ и хвалится, что у него есть розовый камень, величиной съ ноздрю коровы. А у самого, вмѣсто носа, хоботъ. Пойди, найди этого человѣка, убей его, возьми у него камень, привяжи этотъ камень къ зубу самой старой волчицы и принеси мнѣ. Тогда выйду за тебя замужъ.

Рыцарь безропотно снимался съ мѣста и уѣзжалъ.

Большую дорогу съ двумя дубами найти было легко, но торговый человѣкъ, съ описанной Гризельдой наружностью, совершенно не появлялся на этомъ мѣстѣ, несмотря на всю готовность рыцаря къ этой встрѣчѣ. Если проходилъ мимо торговый человѣкъ, это было совершенно нормальное существо, къ которому было неудобно привязываться; если проходилъ человѣкъ, у котораго, по внѣшнему виду, могъ оказаться камень, такъ это былъ или палачъ изъ сосѣдняго города, или королевскій парикмахеръ.

Тогда рыцарь рѣшилъ, что, очевидно, Гризельда немного перепутала въ точной передачѣ ея сна и бросался на перваго же попавшагося прохожаго.

— Стой, торговый человѣкъ!

— Какой же я торговый? — удивлялся остановленный, — я лекарь.

— Врешь.

— Увѣряю васъ, господинъ рыцарь. У меня даже бумага съ собой есть такая.

— Плевать на твою бумагу. Отдавай розовый камень.

— Какой камень?

— Который величиной съ коровью ноздрю.

— У меня, право же, нѣтъ...

— Ахъ, у тебя нѣтъ... Вотъ оно что... А гдѣ у тебя хоботъ, вмѣсто носа?..

— Я же бѣдный человѣкъ. Ничего у меня нѣтъ. Даже хобота, — робко оправдывался онъ.

— Значитъ, по твоему Гризельда, дама моего сердца, красивѣйшая изъ всѣхъ дамъ, вретъ? Ты вотъ какъ...

Трупъ лекаря оставался въ придорожной канавѣ, а рыцарь ѣхалъ дальше разыскивать камень. Находилъ онъ его у седьмого, отправленнаго походя на тотъ свѣтъ, купца. Правда, это былъ не розовый, а зеленый камень, и величиной значительно уступалъ искомому идеалу, но это была уже синица въ рукахъ, и рыцарь, довольный успѣхомъ, начиналъ искать остальныя мелочи вродѣ зуба старѣйшей волчицы. На эти хлопоты уходило еще около года, и, по прошествіи двухъ съ половиной лѣтъ, онъ появлялся радостный и торжествующій подъ тѣмъ-же самымъ окномъ.

Дама сердца давала новое мелкое порученіе — поймать карлика, поющаго соловьемъ въ сосѣднемъ

лѣсу, или утопить колдуна, который семь лѣтъ тому назадъ утопилъ курицу въ домашнемъ пивѣ. Рыцарь исчезалъ снова, лишалъ жизни еще нѣсколькихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и снова появлялся въ замкѣ.

Взбѣшенная его тупымъ упрямствомъ, дама сердца соглашалась на бракъ, который не всегда оказывался несчастнымъ.

Такъ было положено начало тому унизительному процессу, который входитъ въ объемъ пошлѣйшаго современнаго слова: ухаживать.

*

Весь ужасъ средневѣковой тупости легъ въ основу и современнаго ухаживанья.

Человѣкъ, который встрѣтилъ женщину, понравившуюся ему сразу, и пользующійся взаимностью, никогда не ухаживаетъ. Элементъ рыцарства въ отношеніяхъ между двумя любящими и еще не связанными бракомъ исчезаетъ съ перваго же момента прочности отношеній.

Влюбленныхъ всегда можно сразу узнать по тѣмъ придиркамъ, которыми они осыпаютъ другъ друга по поводу опозданій, взглядовъ на постороннихъ людей, несогласія въ туалетѣ и просто только для того, чтобы отвести глаза окружающимъ.

Нѣжное, кроткое существо съ голубыми глазами и пепельными волосами шопотомъ готово пытать милаго человѣка по поводу вчерашняго, отдѣльно проведеннаго вечера. Другое существо, даже къ извоз-

чичьей лошади готовое обращаться на вы, можетъ кричать на любимую женщину только изъ-за того, что она улыбнулась въ то время, когда какой-то человѣкъ въ котелкѣ проходилъ мимо...

Это не ухаживанье. Ухаживанье — другое.

*

Въ скромной семьѣ, гдѣ есть недавно кончившая гимназію дочь Сонечка, появляется незнакомый человѣкъ, къ которому всѣ начинаютъ относиться съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія.

Незнакомый человѣкъ сразу, съ момента своего появленія, совмѣщаетъ въ себѣ исключительныя достоинства домашняго животнаго, посыльнаго, наемнаго провожатаго и передвижного магазина сладостей и цвѣтовъ.

Онъ гдѣ-то познакомился съ Сонечкой, попросилъ разрѣшенія заѣхать и, какъ рыцарь подъ окномъ, начинаетъ терпѣливо ждать.

Имъ пользуются рѣшительно всѣ. Онъ играетъ въ шахматы съ отцомъ семейства и, изъ опасенія поссориться, старается объявить самому себѣ матъ чужой пѣшкой. Послѣ игры выслушиваетъ долгій разсказъ матери семейства о томъ, какіе хорошіе были люди встарину, и какая скверная молодежь стала теперь. Послѣ этого, рѣшивъ двѣ геометрическія задачи младшему братишкѣ Сонечки, онъ можетъ приступить къ своимъ кореннымъ обязанностямъ: принять заказъ на два билета въ театръ на четвергъ, на приглашеніе своего товарища, курчаваго віолончели-

ста, который очень симпатиченъ, и получить распоряженіе о необходимости, при встрѣчахъ съ отдающей распоряженіе, не выказывать особенной радости, бросающейся всѣмъ въ глаза.

Послѣ этого трудовой день ухаживающаго кончается.

Жизнь его становится утомительной. Въ день своего посѣщенія любимой дѣвушки онъ долженъ выйти изъ дома не позже семи часовъ вечера, чтобы застать открытой кондитерскую. Если обѣщался прійти въ девять, значитъ — эти два промежуточные часа онъ долженъ проходить по мокрой улицѣ, оберегая нечеловѣческими условіями коробку въ розовой кружевной бумагѣ отъ дождя, снѣга, или другихъ атмосферическихъ явленій. Хуже, если у него въ рукахъ окажется букетъ цвѣтовъ. Тогда ему нельзя сѣсть въ трамвай безъ опасности для букета, который легко можетъ оказаться удобнымъ сидѣньемъ для совершенно незнакомаго пассажира; извозчики предъявляютъ обычно каждому человѣку съ букетомъ бѣшенные денежные ультиматумы...

Иногда, это бываетъ часто, ухаживающій везетъ свою даму въ театръ... Я лично не бралъ на свои плечи такую непосильную задачу, но даже со стороны видѣлъ и чувствовалъ всю безысходную тяготу такого предпріятія. За дамой нужно заѣхать и ждать въ гостиной, съ кускомъ какого-то стараго журнала въ рукахъ, пока она одѣнется.

Часы въ это время услужливо доказываютъ, что, по теоріи вѣроятностей и по газетному объявленію, первый актъ уже въ полномъ разгарѣ.

Дама одѣта. Ее, какъ чемоданъ съ хрупкими вещами, нужно осторожно усадить на извозчика и призвать всѣ свои діалектическія способности для того, чтобы убѣдить — тупое существо на козлахъ ѣхать быстрѣе. Все время въ театрѣ надо держать номерокъ отъ вѣшалки, чтобы онъ не затерялся: даму, особенно за которой ухаживаешь, нельзя успокоить обѣщаніемъ, что чье-нибудь верхнее платье да останется...

Въ первомъ антрактѣ дама хочетъ пить. Подведенная къ буфету, заявляетъ, что она расхотѣла. Во второмъ антрактѣ она хочетъ ѣсть. Для третьяго у нея всегда находится еще какое-нибудь желаніе, во имя котораго ея спутникъ долженъ бѣгать по всѣмъ коридорамъ, фойэ, разыскивать изъ-за носового платка платье на вѣшалкѣ и желчно проклинать перваго бездѣльника, выдумавшаго такую мышеловку для приличныхъ людей, какъ театръ.

Если къ этому еще прибавить необходимость снова одѣть даму, усадить ее въ извозчичью пролетку, самому сѣсть туда же, говорить по дорогѣ о своемъ одиночествѣ и нѣжно любящей душѣ; привезя, ждать, пока откроетъ сонный швейцаръ и торговаться о срокѣ слѣдующей встрѣчи — развлеченія ухаживающаго человѣка встанутъ передъ вашимъ умственнымъ взглядомъ въ надлежащей окраскѣ. (Долженъ отмѣтить слѣдующее странное явленіе. Когда женщина, даже очень интересная, идетъ въ театръ съ человѣкомъ, который за ней и не думаетъ ухаживать, она совершенно не страдаетъ ни жаждой, ни голодомъ, пріѣзжаетъ къ самому началу спектакля, тер-

пѣливо дожидается пальто съ вѣшалки, и одна совершенно спокойно уѣзжаетъ на извозчикѣ домой).

Въ такихъ тупыхъ мукахъ ухаживающій живетъ около двухъ или трехъ лѣтъ. Любимая дѣвушка за это время увлекается самыми неподходящими людьми, періодами избѣгаетъ открыто смотрѣть ему въ глаза, ошибочно называетъ ее Саней, вмѣсто Петра Николаевича, посылаетъ его за мелкими покупками и по разсѣянности нѣсколько разъ собирается дать на чай... И только по истеченіи этого срока, вспомнивъ о томъ, что въ слѣдующій день рожденія ей исполнится уже двадцать шесть лѣтъ, соглашается на свадьбу.

Съ точки зрѣнія производительной затраты труда, это еще очень хорошій конецъ. Значительно хуже, когда къ исходу третьяго года ухаживающій получаетъ пригласительный билетъ на свадьбу любимой съ однимъ ихъ общимъ знакомымъ, съ упоминаніемъ на карточкѣ, что необходимо быть въ сюртукѣ или во фракѣ.

За эти два года несчастный могъ окончить археологическій институтъ, или изобрѣсти самодвижущееся прессъ-папье; какъ должно быть обидно такому человѣку сознавать, что всѣ его труды пропали даромъ...

*

Есть еще люди, которые ухаживаютъ по-инерціи, въ силу заложеннаго въ ихъ натуру тяготѣнія къ рабству.

Обремененные многочисленными связями, искушенные во всѣхъ формахъ взаимности, они все же не

могутъ пропустить случая увязаться за хозяйкой красивой прически, красиво прищуренныхъ глазъ, или особо отдѣланныхъ ногтей.

Они ухаживаютъ вяло. Ничего не ждутъ, ничего не требуютъ и если ихъ опросить сердечно о цѣляхъ ихъ совмѣстнаго пребыванія съ женщиной, которая завѣдомо ихъ не любитъ, не цѣнитъ и отчасти даже тяготится, каждый изъ нихъ отвѣтилъ бы лѣниво и неувѣренно.

— А я почемъ знаю?

Это — редицивисты, объ исправленіи которыхъ нечего и думать.

*

И самое обидное во всемъ этомъ, что явно торжествующей стороной во всѣхъ этихъ случаяхъ является только женщина. Меня, напримѣръ, никогда не возмущаетъ женщина, около которой семь или восемь людей, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и физическихъ недостатковъ, готовыхъ къ услугамъ. Наоборотъ, во мнѣ просыпается только острая зависть къ ней.

Я самъ никогда этого не испыталъ, но, должно быть, это очень хорошо, когда приходятъ откуда-то со стороны чужіе люди, и каждый старается сдѣлать что-нибудь пріятное. Въ ресторанѣ, когда хорошо служитъ только одинъ расторопный человѣкъ и то чувствуешь себя очень сносно.

Больше ничего по этому поводу сказать не имѣю.

НЕ УМѢЮ

Съ тихой грустью и завистью читаю я хорошіе сочно написанные разсказы крупныхъ писателей. Я въ своей жизни никогда не написалъ и не напишу ни одного большого, серьезнаго разсказа, какія бы прекрасныя и яркія темы ни подвертывались подъ руку.

И отъ этого сознанія становится обидно. Помимо другихъ причинъ, необходимыхъ для такого разсказа, мнѣ сильно мѣшаетъ моя, иногда, можетъ быть, излишне развитая, добросовѣстность.

Недавно мнѣ разсказали объ одномъ студентѣ, который копилъ по гривенникамъ деньги, только для того, чтобы купить себѣ молодого сенъ-бернара. Скопилъ тридцать рублей, отказывая себѣ во всемъ купилъ щенка, вырастилъ его, привязался, а черезъ четыре мѣсяца собаку украли. Студентъ запилъ. Собака у воротъ издохла.

— Вотъ, напишите на эту тему разсказъ... Тема не избитая, можно дать переживанія студента, психологію умирающаго отъ тоски по хозяину сенъ-бернара... А вы вотъ почему-то не возьметесь.

— Собаки отъ тоски не умираютъ, — обиженно отклонилъ я предложеніе, заранѣе увѣренный, что

тема у меня не выйдетъ, — имъ сѣру даютъ, онѣ и выздоравливаютъ.

— Ну, измѣните что-нибудь.

— Что же я тутъ мѣнять буду?.. Чтобы студента украли, а сенъ-берáръ запилъ?

— Я не навязываю вамъ. Какъ хотите. Другой бы написалъ и хорошо бы вышло.

— Пусть другой и пишетъ.

И все-таки сталъ писать не тотъ, неизвѣстный мнѣ другой, а я самъ. Вечеромъ, упросивъ всѣхъ удѣлять мнѣ меньше вниманія и обезвредивъ телефонъ, я сѣлъ писать.

Я рѣшительно не умѣю писать разсказы.

*

«Была весна»...

Отъ этой первой строчки на меня пахнуло хорошимъ литературнымъ пріемомъ, который такъ чаруетъ въ произведеніяхъ чужихъ авторовъ. Это было очень хорошее начало, но робкое, и тягучее сомнѣніе стало сейчасъ же расползаться по душѣ.

Предположимъ, мой разсказъ прочтутъ въ Иркутскѣ. У нихъ, навѣрное, съ весной сплетается представленіе о глыбахъ тающаго снѣга, слегка распущенномъ башлыкѣ и большихъ теплыхъ перчаткахъ. Если я одѣну своего героя въ легкое пальто, прицѣплю ему цвѣтокъ и заставлю его выйти безъ галошъ, иркутяне и ихъ ближайшіе сосѣди сразу догадаются, что мой герой идіотъ, или идетъ, въ отчаяніи отъ разговора съ любимой дѣвушкой, замерзать на другой конецъ города. Если они останутся при

первомъ убѣжденіи, разсказъ примутъ за юмористическій и будутъ смѣяться надъ каждымъ словомъ героя, что бы я его ни заставилъ говорить. Доброе сердце не позволяетъ мнѣ отдавать человѣка на посмѣшище. Значитъ, ему надо дать любимую дѣвушку, о которой я совершенно раньше не думалъ. Это лишнее существо въ разсказѣ: она будетъ все время вертѣться подъ перомъ, мѣшать ходу дѣйствія, пока я съ бѣшенствомъ не покончу ея жизнь подъ трамваемъ любого маршрута. Не надо тебя, дѣвушка.

Прекрасно. И весны не надо. «Была тихая, радостная осень». Это даже красивѣе и придаетъ сразу немного печальный лирическій оттѣнокъ. Осенью люди, еще не успѣвъ выкупить или сшить новую верхнюю одежду, одѣваются во все, что угодно. Впрочемъ, въ томъ же Иркутскѣ спокойная осень, навѣрное, требуетъ хотя бы немного ваты въ подкладкѣ. Я, конечно, вложу, мнѣ не жалко, но каково будетъ отношеніе къ герою въ какомъ-нибудь маленькомъ южномъ городкѣ, гдѣ о ватномъ пальто вспоминаютъ въ декабрѣ мѣсяцѣ...

Это, навѣрное, лопарь или самоѣдъ, — рѣшитъ туземный читатель, — гдѣ же въ августѣ мѣсяцѣ въ тепломъ пальто ходятъ... Терпѣть не могу разсказовъ изъ самоѣдской жизни. Зачѣмъ только ихъ печатаютъ...

Можетъ быть, вы, какъ не пишущій, — не поймете этого, но я уже заранѣе могу пережить чувство автора, у котораго статнаго, красиваго юношу, въ студенческой формѣ, въ тихомолку пишущаго стихи, принимаютъ за лопаря, ежедневно завтракающаго

только что раскупоренной пачкой сальныхъ свѣчей... Нѣтъ, безъ любимой дѣвушки, повидимому, не обойтись. Я съ грустью зачеркнулъ прекрасное лирическое начало и написалъ:

«Анюта была миловидной дѣвушкой, съ большими синими глазами, которые она умѣла красиво опускать внизъ».

Наступила тяжелая минута. Дорожа фабулой, я долженъ былъ спокойно и твердо написать: «За это ее и любилъ студентъ Чикасовъ». Если я сразу не возстановлю этого факта, мнѣ придется дать хотя-бы самый краткій біографическій очеркъ Анюты, ея характеристику въ нѣсколько словахъ и еще немного штриховъ о ея внѣшности. При чемъ тогда здѣсь окажутся студентъ съ его собакой, если эта дѣвушка, которую я уже начиналъ ненавидѣть, займетъ страницы четыре убористаго текста и оставитъ для главныхъ героевъ двѣнадцать строчекъ?.. Теперь, если я обуздаю эту женщину съ ея аппетитами, придется сознаться, что студентъ Чикасовъ любилъ ее именно за это кратко указанное качество: умѣнье опускать глаза.

Тогда является вопросъ: гдѣ же Чикасовъ могъ увидѣть, какъ она опускаетъ глаза? Очевидно, у нея дома. Не можетъ быть, чтобы Анюта внезапно остановила Чикасова на улицѣ, отвела его въ сторону и начала поднимать и опускать глаза, чтобы тутъ же, на мѣстѣ, влюбить въ себя совершенно незнакомаго молодого человѣка. Если онъ увидѣлъ Анюту у себя дома, нужно же ее впустить туда съ предварительными примѣчаніями, какъ она туда попала. Собствен-

но говоря, это не такъ уже трудно — не мнѣ отвѣчать, а самому Чикасову...

Я долго думалъ надъ этимъ вопросомъ. Самое лучшее, кажется если ихъ познакомить еще въ провинціи, гдѣ живутъ ихъ родители: Выйдетъ довольно красивое бытовое начало:

— «Въ маленькомъ городишкѣ N. жили двѣ семьи, состоявшія изъ отца, матери, дальней родственницы Прасковьи Павловны»...

Ѣдкій ужасъ пробѣжалъ мурашками по спинѣ. Беллетристъ не долженъ оставлять пустыхъ мѣстъ, ничего не говорящихъ читателю. Я долженъ буду описать каждую семью, съ біографіями и характеристиками. Можетъ быть, только на второй годъ упорной работы и концу четвертаго тома, я смогу лишь вскользь упомянуть о студентѣ Чикасовѣ... А вѣдь я сѣлъ писать небольшой лирическій разсказъ.

Сердце защипала зависть къ тѣмъ, которые пишутъ разсказы просто, коротко и понятно. Вѣдь вся сила таланта въ простотѣ и ясности.

Я рѣшилъ начать сразу:

«Студентъ Чикасовъ былъ очень хорошимъ человѣкомъ и копилъ деньги на покупку собаки».

Сверху, конечно, надо приписать, что Чикасовъ не учился въ ветеринарномъ институтѣ, иначе большинство читателей подумаетъ, что собака нужна была ему для какой-нибудь сложной операціи и сразу отвернется съ негодованіемъ. Да я и самъ не люблю, когда мучаютъ животныхъ. Кому это надо?

Кромѣ того, мнѣ показалось неудобнымъ, начавъ писать разсказъ изъ жизни учащейся молодежи, на-

вязывать ей такіе туманные планы, какъ пріобрѣтеніе собакъ. Это, конечно, не важно. Можно немного расцвѣтить:

«Студентъ Чикасовъ приготовлялся стать полезнымъ членомъ общества и копилъ деньги на собаку».

Нѣтъ, кажется, это нехорошо. Покупка собаки не столь необходимое условіе для общественной дѣятельности. Можно заставить Чикасова готовиться къ коммерціи. Можетъ быть; онъ даже хочетъ стать авіаторомъ — къ нему въ душу не влѣзешь. Тогда, при чемъ же тутъ собака... Если выбросить ее совсѣмъ, кого же тогда украдутъ и изъ-за чего Чикасовъ сопьется? Правда, онъ можетъ спиться изъ-за Анюты, но это уже другое дѣло. Такъ можно растерять всю фабулу, какъ горохъ изъ дыряваго мѣшка.

Я посмотрѣлъ на часы. Уже около двухъ часовъ, а сѣлъ я писать въ половинѣ девятаго. По самому скромному подсчету разсказъ долженъ отнять у меня не меньше четырехъ мѣсяцевъ, если на каждую строчку придется отдавать по два съ половиной часа.

А что, если начать съ собаки: взять просто и написать:

«Сенъ-бернаръ Топси былъ — очень хорошая собака. У него были мягкія уши, и на него копилъ деньги студентъ Чикасовъ...»

И вдругъ — вы навѣрное поймете это чувство обиды за чужого человѣка — мнѣ стало стыдно за Чикасова. Кажется, я слишкомъ игнорировалъ самолюбіе этого человѣка. Анюту онъ любилъ за то, что она опускаетъ глаза, копитъ деньги на Топси,

за то, что у него мягкія уши. Развѣ кто-нибудь повѣритъ, что такой человѣкъ можетъ искать причину для запоя въ какомъ-то горѣ? Такому существу, полному самыхъ разнообразныхъ неожиданностей, рѣшительно не стоитъ подыскивать причинъ. Увидѣлъ оторванную пуговицу и спился, а потомъ спрашивай у него отчета, почему онъ это сдѣлалъ...

Я положилъ перо. Въ теченіе цѣлой ночи я провозился съ двумя провинціальными семьями, собакой, однимъ временемъ года, студентомъ и дѣвицей и не могъ выжать изъ нихъ тридцати строчекъ... А вѣдь тѣ, кому я завидую, умѣло обрабатываютъ, ткутъ и прядутъ изъ одного какого-нибудь телефоннаго чиновника цѣлый романъ въ шести частяхъ. Даже съ эпилогомъ.

*

Когда небо уже побѣлѣло, я пошелъ спать.

Во снѣ я кого-то убѣждалъ горячо и конфузливо, что если бы я не смотрѣлъ такъ честно и добросовѣстно на литературу, я сумѣлъ бы расправиться съ этимъ негодяемъ Чикасовымъ, его дѣвицей и собачонкой — и мнѣ не вѣрили. А утромъ пришелъ одинъ надоѣдливый человѣкъ, пользующійся правами двухлѣтняго знакомства только для того, чтобы приходить не во время, и сталъ лѣзть съ разспросами:

— Работали вчера?

— Ага

— Устали поди...

— Ага.

— Такъ-съ... Напрасно преутомляетесь...

— Больше не буду.

— А знаете что: почему бы вамъ какъ-нибудь не засѣсть, какъ слѣдуетъ, недѣльки на двѣ и не написать большой, серьезный разсказъ... Какъ вы думаете, выйдетъ это у васъ?

Что я могу отвѣтить такому человѣку?

ПРОМАХЪ ПЕРКИНСА

(Изъ разсказовъ стараго Джимми)

Меня здорово укачало. Я лежалъ на койкѣ и почти засыпалъ. Противъ меня въ углу каюты сидѣлъ на полу Джимми и, что-то мурлыча, зашивалъ толстой сѣрой ниткой дыру на рукавѣ своего несносимаго пиджака.

По временамъ онъ искоса поглядывалъ на меня и тихонько хихикалъ, показывая красивыя съ рѣдкими зубами десны.

Я видѣлъ, что ему не терпится. У этого стараго негра было въ запасѣ столько разныхъ исторій, и, когда онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, отсутствіе слушателей могло окончательно обидѣть его. Въ такія минуты онъ могъ разсказывать даже дверной ручкѣ.

— Ты чего, Джимми?

— Я, кажется, мѣшаю спать? — радуясь, что вызываетъ меня на разговоръ, откликнулся онъ. — Старые негры любятъ поболтать... Но когда мистеръ спитъ...

— А что ты смѣешься?

— Мало-ли смѣшного въ жизни? — философски кинулъ Джимми. — Я зналъ одного мулата, который

смѣялся даже во время ѣды. А кормили его разъ въ сутки маисовой кашей.

— Ты что-же о мулатѣ вспомнилъ, что-ли?..

— Мулатъ... Этотъ сѣрый оселъ теперь держитъ въ Санъ-Франциско свой кабакъ. Пусть о немъ другіе вспоминаютъ, кому онъ не долженъ ни одного пенса. Джимми можетъ о немъ и не вспоминать...

— Ну, разсказывай, — перебилъ я, — все равно завтра привяжешься. Хочешь папиросу?

Онъ жадно посмотрѣлъ на мой портсигаръ, поймалъ обѣими руками, какъ ловятъ брошенный мячъ, кинутую ему папиросу и радостно ухмыльнулся.

— Случай былъ одинъ, — втягивая дымъ, началъ Джимми, — было это приблизительно...

— Ты о комъ?

— Со мной, мистеръ... И, конечно, съ этимъ пьяницей Бобомъ, чтобы ему не пришлось никогда ночевать въ собственномъ домѣ. Большой негодяй...

— Ну, говори.

Я натянулъ одѣяло до подбородка и затянулся новой папиросой.

⁂

— Когда по улицѣ Нью-Іорка идетъ негръ, который хочетъ кушать — это очень большая непріятность. Мистеръ не былъ негромъ и не пойметъ этого. Бѣлый можетъ ждать и выбирать ресторанъ. Негръ не можетъ: когда онъ голоденъ, это значитъ, что онъ забылъ, что такое вареное мясо, и можетъ смѣшать его съ кускомъ якорнаго поплавка... Тогда

Джимми было двадцать четыре года, и у него былъ очень большой желудокъ. И въ него, какъ въ трюмъ военнаго парохода, вкладывалось уже полгода ровно столько груза, чтобы только удержать равновѣсіе.

Кто можетъ обратить вниманіе на негра, когда у него въ рукахъ линючій, какъ змѣиная кожа, чемоданъ? Негръ самъ долженъ обращать на всѣхъ вниманіе.

Можетъ, мистеръ помнитъ у Тринадцатаго моста съѣстную лавочку одноглазаго Перкинса? Не помнитъ? Это былъ большой мошенникъ, котораго лучше не помнить. Но въ лавкѣ у него было много всего фаршированнаго. Негодяй бралъ всякую дрянь и такъ ее фаршировалъ, что голодный человѣкъ рычалъ отъ удовольствія, когда ее кушалъ.

— Здравствуй, Перкинсъ!

— Лучше прощай. Я люблю покупателей, у которыхъ въ карманѣ золото.

— У меня оно будетъ черезъ два дня, а я четыре дня ничего не ѣлъ.

— Итого шесть. Приходи черезъ двѣнадцать дней, и я тебя тоже выгоню.

Перкинсъ былъ разговорчивый малый, особенно когда къ нему приходили безъ денегъ. Короче говоря, онъ поставилъ условіе, которое между людьми ведетъ къ длинной дракѣ. Но одинъ изъ насъ былъ голоденъ, и мистеръ, конечно, догадывается изъ моихъ словъ, что это былъ я.

— Оставь чемоданъ въ залогъ, и я дамъ тебѣ фаршированную курицу.

Мистеръ этого не пойметъ, что значитъ держать въ зубахъ фаршированную курицу и чувствовать, что это не пробковая кора, а жареное мясо съ чѣмъ-то еще внутри, отчего ноздри поднимаются и хлопаютъ какъ мельничныя крылья.

— На...

Негодяй взвѣсилъ въ рукахъ чемоданъ, ткнулъ пальцемъ въ замокъ и спросилъ:

— Запертъ?

— Запертъ.

Это было лишнее — не давать ему ключа. Все равно въ чемоданѣ лежалъ одинъ зеленый галстукъ, нечаянно взятый изъ пальто у одного проѣзжаго торговца, который больше любилъ пить виски и перемигиваться съ лакеями, чѣмъ слѣдить за своимъ пальто. Лежалъ еще небольшой кусокъ желтой кожи, котораго никому не было жалко. Даже, навѣрно, толстому Смирнеру, узнавшему о его продажѣ дня черезъ три послѣ моего ухода.

— Принесешь два доллара, получишь чемоданъ.

— Можетъ быть, ты увѣренъ, что я съѣлъ у тебя не костлявую курицу, а фаршированную корову, что ты требуешь цѣлыхъ два доллара, кривая свинья?

Теперь я былъ сытъ и тоже сдѣлался разговорчивымъ.

Эти одноглазые люди очень рѣшительны. Я поднялся съ земли, потеръ ушибленную колѣнку и пошелъ дальше. Не все ли равно, въ какомъ мѣстѣ заочно выругать человѣка, дерущаго два доллара за курицу, которая вмѣстѣ со своими родителями не стоитъ поломанной серебряной монеты?..

*

— Развѣ можетъ Бобъ не быть пьянымъ? Мистеръ не видѣлъ его, иначе былъ бы такого-же мнѣнія. Онъ лежалъ на полу, вертѣлъ глазами во всѣ стороны, какъ лошадь хвостомъ, когда ее кусаютъ москиты, и пѣлъ непристойную пѣсню.

— Поешь?

— Пою.

— И долго будешь?

— У Боба есть деньги и онъ можетъ пѣть, сколько ему угодно.

А когда негръ пьянъ и поетъ, это значитъ, что когда пѣнье кончится, онъ сейчасъ-же уснетъ. Я хорошо зналъ эту привычку и ткнулъ Боба ногой въ бокъ. Отъ этого у него сразу дѣлалась безсонница, даже днемъ.

— Ты что?

— У тебя есть деньги, Бобъ?

— Есть. Отдай мнѣ твой долгъ, и у меня будетъ больше.

Мистеръ не зналъ меня молодымъ. Но когда мнѣ было двадцать четыре года, я не говорилъ о своихъ долгахъ и не любилъ слушать, когда мнѣ объ этомъ напоминаютъ.

Я разсказалъ Бобу свою исторію съ чемоданомъ, который теперь лежитъ у Перкинса.

— Если бы у Перкинса было, вмѣсто одного, четыре глаза, какъ у двухъ носороговъ, онъ не былъ бы умнѣе, — заявилъ Бобъ, выслушавъ мою исторію, — и Бобъ докажетъ ему это.

Я увидѣлъ, что въ его черной пьяной головѣ шевелились неожиданныя мысли. Когда бѣлый че. вѣкъ начинаетъ отрезвляться, ему не хочется раб тать; негръ даже въ пьяномъ состоянiи придумыва етъ новыя дѣла.

— Ты посиди здѣсь, а я пойду поговорю съ Перкинсомъ.

— У Перкинса странная манера помогать скорѣе выходить изъ его лавчонки, — предупредилъ я Боба, разглядывая остатки портера въ бутылкѣ, выпавшей изъ его рукъ, какъ младенецъ изъ люльки.

— Не бойся. Не всѣмъ родители передали глупость бабушки. Жди.

— Можетъ быть, я надоѣлъ мистеру? Нѣтъ? А то я смотрю, что мистеръ зѣваетъ, какъ во время разговора съ той миссъ, у которой большая бородавка на шеѣ...

*

Бобъ пришелъ веселый и трезвый. Въ то время неграмъ жилось плохо, но онъ умѣлъ приходить такимъ.

— Иди къ Перкинсу.

— Если ты съ нимъ такъ подружился, можешь итти самъ и даже жениться на его оспенной дочери и фаршировать всякую тухлятину, пока васъ всѣхъ не повѣсятъ на одномъ деревѣ.

— Иди къ Перкинсу.

— Къ Перкинсу, такъ къ Перкинсу.

Въ то время, какъ и теперь, негры не ѣздили на автомобиляхъ, и только черезъ два часа я осторожно

просунулъ голову въ эту мерзкую лавчонку и посмотрѣлъ, что дѣлаетъ ея хозяинъ.

*

Перкинсъ встрѣтилъ меня, какъ голодная лисица молодого пѣтушонка.

— А, Джимми... Давно тебя не видѣлъ.

— Часа четыре назадъ, — хмуро сказалъ я, показывая пальцемъ на колѣнку, которая познакомилась съ мостовой у его лавки.

— Ну, брось старое... Можетъ, хочешь кружечку эля и кусокъ ростбифа?

Что бы тамъ ни замышлялъ Перкинсъ и что бы ни придумалъ Бобъ, разъ предлагаютъ ростбифъ и эль — отказываться не надо. Все было такъ вкусно, что я даже взялъ съ прилавка еще кусокъ пирога съ орѣхами и положилъ его въ карманъ. Перкинсъ только отодвинулъ подальше свиной окорокъ, но не сказалъ ни слова. Должно быть, онъ думалъ, что у меня золотыя разсыпи въ Калифорніи, — иначе поднялъ бы скандалъ и зубами выгрызъ бы изъ кармана этотъ кусокъ пирога.

— Ты что-же отъ меня скрылъ, Джимми?

— Что скрылъ, Перкинсъ?

— Да насчетъ чемодана-то.

— А что? Галстукъ, что-ли, вытянулъ оттуда?

— Не въ галстукѣ дѣло. Подавись имъ!

— Легче было бы подавиться твоимъ ростбифомъ.

— Брось! Не надо давиться, когда есть дѣло. Чемоданъ-то твой изъ священной кожи, говорятъ?

— Священная кожа ?

У негровъ нѣтъ никакой кожи, кромѣ своей, да и та въ то время, когда Джимми былъ молодымъ, лопалась подъ кнутами разныхъ людей.

— Какая же священная кожа?

— Не верти голову. Кожа съ рыжей лошади, которую вы черномазые считаете священной.

Положительно, или Перкинсъ сошелъ съ ума, или я не зналъ, что у негровъ есть какiя-то лошади, кромѣ тѣхъ, которыя возятъ хлопокъ на фабрики.

— Нѣтъ у насъ такихъ лошадей!

— Брось, Джимми. Когда человѣкъ можетъ заработать лишнiй десятокъ долларовъ — ломаться нечего. Продай чемоданъ.

Будь бы здѣсь Бобъ, я у него спросилъ бы совѣта. Но это пьяное животное, навѣрное, лежитъ на полу съ новой бутылкой портера и поетъ пѣсни.

Я рѣшилъ дѣйствовать наобумъ. Въ свои двадцать четыре года, мистеръ, каждый негръ дѣйствуетъ наобумъ и хорошо дѣйствуетъ. Многiе изъ бѣлыхъ даже удивляются.

— Не продамъ чемодана. Разъ священная кожа, — продавать его нельзя.

Перкинсъ подумалъ и рѣшилъ меня сбить.

— А за двадцать долларовъ тоже нельзя?

— Даже за сорокъ.

— И за пятьдесятъ?

— Священную-то кожу? Дешевле, чѣмъ за сто, ни одинъ негръ не согласится.

Впрочемъ, одинъ негръ вскорѣ согласился — за семьдесятъ пять.

Мистеръ, конечно, догадался, что это былъ Джимми.

⁂

— Бобъ! У меня семьдесятъ пять долларовъ. Перкинсъ сошелъ съ ума. Нужно сказать нашимъ въ Крысиномъ кварталѣ. Пусть старая Сунни бѣжитъ туда поживиться. У нея родился одиннадцатый внукъ, а Перкинсъ раздаетъ даромъ деньги...

Бобъ совсѣмъ не думалъ быть пьянымъ. Онъ даже не пѣлъ. Наоборотъ, онъ сидѣлъ тихо около стола и курилъ длинную желтую сигару, какія запаковываютъ въ желѣзныя коробки и продаютъ на пароходахъ молодымъ джентельменамъ.

— Бобъ... Ты, кажется, не слушаешь меня?.. У меня семьдесятъ пять долларовъ.

— Сорокъ.

— Семьдесятъ пять.

— Сорокъ.

— Бобъ! Я не Перкинсъ и не схожу съ ума. Я всю дорогу держалъ карманъ лѣвой рукой, а въ карманѣ у меня нѣтъ дыры. У меня семьде...

— Сорокъ. Тридцать пять ты отдашь мнѣ. Выкладывай.

— Я-же тебѣ говорю, что не я, а Перкинсъ сошелъ съ ума. Хочешь, я тебѣ дамъ долларъ и ни пенса больше.

Бобъ былъ спокоенъ, какъ слонъ, которому суютъ въ хоботъ яблоко.

— Кто тебя послалъ къ Перкинсу, Джимми?

— Ты, Бобъ!

— Чьи сорокъ долларовъ изъ семидесяти пяти?

Этотъ Бобъ часто въ прежнее время оказывался правымъ. Не пошли онъ меня къ Перкинсу, тотъ сошелъ бы съ ума при другомъ, которому бы и отдалъ деньги.

— Твои, Бобъ. Получай сорокъ долларовъ. Хочешь, я не буду тебя обсчитывать и не зажму ни одной монеты, если ты мнѣ скажешь, почему этотъ одноглазый Перкинсъ вывалилъ мнѣ?..

— А ты подумай самъ...

Я вышелъ на улицу, сѣлъ около дома и сталъ думать. Молодые негры никогда не думаютъ про себя... А когда начинаетъ думать вслухъ такой горячій человѣкъ, какъ я, — сосѣдямъ становится непріятно Маленькія дѣти плачутъ, а собаки воютъ, какъ по покойнику.

— Ну что надумалъ, Джимми?

— У меня голова уже шипитъ, какъ котелъ у паровика, Бобъ... Ничего не понимаю.

— А ты сходи недѣли черезъ двѣ къ Перкинсу...

— Опять семьдесять пять долларовъ?

— Врядъ-ли? А понять — поймешь.

*

Человѣкъ, у котораго тридцать пять долларовъ въ разныхъ карманахъ, особенно если онъ негръ и всѣ удовольствія у него скромны, найдетъ себѣ мѣсто въ Нью-Іоркѣ. А гдѣ я былъ въ это время мистеру,— навѣрное, неинтересно. Ровно черезъ двѣ недѣли, когда отъ нашего Джимми пахло спиртомъ такъ, что собаки обнюхивали землю, я заглянулъ къ Перкинсу,

Я даже не понимаю, гдѣ выучился этотъ человѣкъ такъ громко кричать.

— Отдай мои деньги.

— Если ты кричишь это своимъ копченымъ окорокамъ, они все равно не услышатъ, если мнѣ, то можешь потише. Я не глухой.

— Я тебѣ голову проломлю, я тебѣ ноги вырву...

Я уже говорилъ мистеру, что этотъ Перкинсъ былъ ужасно разговорчивъ.

Оказалось, что послѣ моего ухода, когда онъ за свою шестипенсовую курицу — врядъ-ли она даже въ здоровомъ и свѣжемъ видѣ могла расчитывать на большую оплату своихъ костей — удержалъ мой чемоданъ, къ нему пришелъ въ лавчонку какой-то негръ и умолялъ его продать мой чемоданъ.

— «Этотъ мерзавецъ убилъ нашу священную лошадь, содралъ съ нея шкуру и сдѣлалъ въ Иллинойсѣ изъ нея чемоданъ». Онъ плакалъ такъ, какъ будто-бы эта лошадь была его теткой по отцу. Развѣ я знаю вашу негритянскую вѣру и всѣ ваши обряды?.. Можетъ, у васъ и не одна такая лошадь.

— Ну?

— Этотъ мошенникъ предложилъ мнѣ сразу триста долларовъ. Я схватилъ чемоданъ и хотѣлъ ему дать еще въ придачу цѣлую баранью ногу, шпигованную саломъ, но онъ сталъ увѣрять, что на продажу нужно твое согласіе...

— «Чемоданъ мой! Зачѣмъ мнѣ еще его согласіе? Отдай мнѣ триста долларовъ и бери его». Тогда онъ сталъ разсказывать, что у тебя цѣлая

шайка, что ты нагонишь его непремѣнно и обязательно зарѣжешь... «Дай ему пятьдесятъ долларовъ и ты наживешь двѣсти пятьдесятъ»... Я ему сказалъ, что я проводилъ тебя такъ, что ты врядъ ли захочешь вернуться сюда. «Зайдетъ! Ему чемоданъ дорогъ! Онъ продасть его въ музей въ Вашингтонѣ и получитъ за него пятьсотъ долларовъ»... Тогда и дай пятьсотъ! «Хорошо, только найду его хозяина...» Онъ ушелъ, этотъ мошенникъ, оставивъ мнѣ долларъ задатка и выпросилъ въ долгъ бутылку эля... А черезъ два часа пришелъ ты и выхватилъ у меня эти семьдесятъ долларовъ... Если-бы я нашелъ этого длиннорукаго негодяя...

— Какъ длиннорукаго?

— А такъ. Руки у него такія длинныя, что годились бы на оглоблю слону...

— Постой, Перкинсъ. А носъ у него не исковерканъ посрединѣ?

— Исковерканъ. И губа разсѣчена.

— Верхняя? Да?

— Верхняя. А на шеѣ царапина въ палецъ толщиной...

— Да это же Бобъ!

Теперь только я понялъ, почему Бобъ ходилъ къ Перкинсу и почему онъ посылалъ меня къ нему обратно. Теперь мистеръ не можетъ представить, видя меня слабымъ старикомъ, какъ я умѣлъ хохотать въ то время. Это былъ большой шумъ, на который сбѣжалось много народу. Даже какая-то лэди остановила свою коляску и вышла изъ нея на улицу.

Я выбѣжалъ изъ лавчонки и сѣлъ прямо на дорогѣ: стоя я не могъ такъ хохотать, а этотъ обозленный мошенникъ стоялъ въ дверяхъ своего заведенія и ругался, какъ плотовщикъ на Миссисипи, размахивая кускомъ какого-то мяса...

Кончилось дѣло тѣмъ, что Перкинса вогналъ собственнымъ плечомъ въ его лавку сосѣдній полисменъ, а меня побилъ тонкой, съ серебряной ручкой, палкой какой-то господинъ за то, что я во время смѣха хлопалъ руками по землѣ и нечаянно задѣлъ по ногѣ лэди, вылѣзшую изъ своего экипажа.

Что-же бить человѣка, когда изъ тридцати пяти долларовъ осталось только четыре пенса долга за дюжину блестящихъ пуговицъ къ жилету...

*

— Мистеръ, кажется, совсѣмъ уже дремлетъ... Да... Въ свое время этотъ пьяный негодяй Бобъ умѣлъ выручить изъ бѣды своего товарища...

ВМѢСТО ПОСЛѢСЛОВІЯ

Готовый отзывъ для г.г. рецензентовъ

«Только что прочитанная нами книга оставляетъ тяжелое, больше того — гнетущее впечатлѣніе. Можно быть твердо увѣреннымъ, что она не сдѣлается классическимъ произведеніемъ русской литературы, не войдетъ въ народный эпосъ, а отдѣльныя страницы ея не будутъ пѣться хорами начальныхъ и среднихъ школъ, какъ это было съ другими произведеніями нѣкоторыхъ авторовъ — особенно поэтовъ прошлаго вѣка.

Наши дѣти не остановятся во время прогулокъ передъ памятникомъ автора и не спросятъ нѣжными голосами: няня, няня, кому поставленъ этотъ памятникъ? И не потому не спросятъ дѣти, что будутъ они нелюбознательными рахитиками и кретинами, а потому что не будетъ такого памятника. Если-же и спросятъ, то ласковая няня отвѣтитъ ближайшему дитяти: гдѣ ты дуракъ, увидѣлъ памятникъ? И ребенокъ заплачетъ.

Кому нужны такія книги? Мы пробовали давать ее прочесть одному юношѣ, готовившемуся на аттестатъ зрѣлости, желая испытать дѣйствіе такой литературы на юношествѣ. И что-же? Бѣдняга, готовившійся за восемь классовъ не сдалъ даже за четыре.

вмѣсто аттестата зрѣлости ему предложили поступить въ приготовительный классъ.

Одна небогатая семья пробовала использовать эту книгу, какъ домашній лечебникъ — роковое совпаденіе: черезъ четыре дня одновременно умерли — бабушка, хорошо знакомый семейству ревматикъ и двѣ золотыя рыбки.

Если къ этому добавить, что одинъ... Впрочемъ, зачѣмъ затруднять вниманіе читателя долгимъ перечисленіемъ фактовъ — и безъ этого практическая польза этой книги, не только для современниковъ, но и для будущаго поколѣнія, ясна. Ненужная, если только не вредная книга...

Мы не хотимъ упоминать, но сама жизнь говоритъ за себя: одинъ довѣрчивый читатель (адресъ его имѣется въ редакціи) захотѣлъ воспользоваться этой книжкой, хотя-бы какъ записной: представьте-же себѣ весь ужасъ простодушнаго человѣка, когда, принеся ее домой, онъ убѣдился, что всѣ ея двѣсти страницъ заняты текстомъ, такъ что онъ только на поляхъ смогъ-бы записать мелкіе счета и проигрыши.

Какова-же литературная цѣнность этой книги, если о ней можно вообще говорить? Какъ-бы предвидя нелѣпую случайность, что его великія произведенія могутъ быть сравнены съ такой книгой, авторъ «Войны и мира» предусмотрительно написалъ: «Не могу молчать». Не думаемъ, чтобы стали молчать и душеприказчики и наслѣдники г.г. Достоевскаго, Тургенева и Сервантеса, если бы стали сравнивать рецензируемую нами книгу съ ихъ твореніями.

Ничего общ... спитъ. И не надо будить его для так... в ...

Единственно, съ чѣмъ мы могли-бы сравнить эту книгу, такъ это съ двумя-тремя такими-же вредными и отвратительными книгами, — того-же автора, но даже за ними въ нашихъ глазахъ есть больше литературныхъ заслугъ, ибо мы ихъ не читали.

Да будетъ стыдно автору. Какъ самому, такъ и его книгѣ».

Если газеты и журналы съ библіографическими отдѣлами не откажутъ мнѣ въ любезности помѣстить этотъ отзывъ — заранѣе благодарю ихъ. Дѣло библіографа будетъ сдѣлано: авторъ обруганъ, а у автора останется большое и искреннее утѣшеніе, что отзывъ написанъ лицомъ, безусловно прочитавшимъ внимательно всю книгу.

Арк. Буховъ

ОГЛАВЛЕНІЕ